

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
ЕСТЕСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО
В ОБЩЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕКЕ**

X Всероссийская с международным участием
очная научная конференция

14–15 мая 2019 года
Чита

Чита
Забайкальский государственный университет
2019

УДК 314/316(082)

ББК С5:С7я43

П 781

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : сборник статей X Всерос. с междунар. участием очно-заочной научной конф. / Забайкал. гос. ун-т ; под общ. ред. Н. Д. Субботиной, Ю. В. Гавриловой, М. В. Приваловой – Чита : ЗабГУ, 2019. – 293 с.

П 781

ISBN 978-5-9293-2374-4

В X Всероссийской с международным участием научно-практической конференции приняли участие 31 человек – представители России и ряда зарубежных стран. Россию представили такие города, как Москва, Нижний Новгород, Иркутск, Выборг, Чита. В конференции участвовали представители зарубежных городов Фушунь (Китай), Тирасполь (Молдова), Минск (Беларусь). В научном издании приведены статьи по разным аспектам проблемы соотношения естественного и социального. Центральное внимание уделено философии человека. Анализируются проблемы естественных и социальных наук: биоэтики, глобальной экологии. Исследуются проблемы культуры, образования, в том числе, медицинского образования. Большое внимание уделяется проблемам идентичности, солидарности и просоциальности, демографии, молодёжи.

Сборник предназначен для специалистов разных направлений: философов, культурологов, социологов, психологов, биологов, врачей, педагогов.

УДК 314/316(082)
ББК С5:С7я43

ISBN 978-5-9293-2374-4

© Забайкальский государственный
университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ПРОБЛЕМАХ ФИЛОСОФИИ, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ	7
<i>Белкина Г. Л., Корсаков С. Н., Фролова М. И.</i> Всесоюзные совещания как форма изучения взаимодействия общества и природы	7
<i>Круликовский А. И.</i> Революция в медицине и медицинском образовании	22
<i>Малых С. В.</i> Социальные условия развития социальной ответственности университетов	29
<i>Ткач Л. Т., Гелло Т. А.</i> Социальные механизмы воздействия на естественные предпосылки формирования педагогической идентичности	38
ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ	46
<i>Лисеев И. К.</i> Философия человека сквозь призму природных и коммуникативно-экологических факторов его бытия	46
<i>Новиков В. Т., Новикова О. В.,</i> Диалектика объективного и субъективного как методологическое основание исследования феномена человека	52
<i>Сараева Н. М.</i> Реализация принципа единства биологического и социального в психике человека в экпсихологическом исследовании	68
<i>Сокольчик В. Н.</i> Социальные, этические и юридические проблемы в трансплантации органов и тканей: от биоэтики к правоприменению	76
<i>Саранин Д. С.</i> Даосизм и толстовство: естественное и социальное в человеке	92
ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ	102
<i>Фатенков А. Н.</i> Натуралистические смыслы неотчуждённого труда	102
<i>Барковская А. В.</i> Феномен социализации: стратегии репрезентации	108
<i>Деделко Ю. В.</i> Экспликация концепта «капитал» посредством парадигмы Минской методологической школы	130

<i>Ковригина Г. Д.</i> Естественные основы солидарности и просоциальности в отечественных и зарубежных исследованиях	145
<i>Полюшкевич О. А.</i> Нормы солидарности после массового насилия	159
<i>Жуков А. В.</i> Культурное пространство г. Читы	164
<i>Зимина Н. С.</i> Особенности трансграничного социокультурного взаимодействия	174
<i>Тарасов А. А.</i> Био-корпоративная этика управления	179
ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ	189
<i>Гаврилова Ю. В.</i> Соотношение социогуманитарных и естественно-научных подходов к исследованию синкретичного религиозного сознания	189
<i>Четверикова Н. А.</i> Бессилие закона: эротологический аспект	206
<i>Петрова Е. В.</i> Соотношение естественного и социального в проблеме адаптации: самоидентификация и стереотипность мышления как адаптационные механизмы человека цифровой эпохи	211
<i>Радевич Е. В.</i> Изменение механизмов идентификации в условиях глобальных социокультурных трансформаций	219
<i>Иванов Р. В.</i> Эмпирический анализ экстремистских настроений молодёжи	232
ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ДЕМОГРАФИИ	243
<i>Субботина Н. Д.</i> Естественные и социальные причины полового неравенства	243
<i>Осинова А. С.</i> Естественные и социальные проблемы демографии Забайкальского края	256
<i>Журавлёва И. А.</i> Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи	264
<i>Попова М. В.</i> Социальные связи сельской молодежи	274
<i>Курбачёва О. В.</i> Особенности социокультурной адаптации мигрантов в условиях глобального вызова	281

NATURAL AND SOCIAL IN THE PROBLEMS OF PHILOSOPHY, SCIENCE AND EDUCATION	7
<i>Belkina G. L., Korsakov S. N., Frolova M. I.</i> National conferences as a form of studying the interaction of society and nature	8
<i>Krulikovskii A. I.</i> Revolution in medicine and medical education	22
<i>Malykh S. V.</i> Social conditions for the development of social responsibility of universities	29
<i>Tkach L. T., Gello T. A.</i> Social mechanisms of influence on the natural prerequisites for the formation of pedagogical identity	39
NATURAL AND SOCIAL IN THE PERSON	46
<i>Liseev I. K.</i> Human philosophy through the prism of the natural and communicative-ecological factors of its being	46
<i>Novikov V. T., Novikova O. V.</i> Dialectics of objective and subjective as methodological foundation of the research of human phenomenon	53
<i>Sarayeva N. M.</i> Human's psyche in eco-psychological research: Realization of the biological and social unity principle	68
<i>Sokolchik V. N.</i> Social, ethical and legal problems in transplantation of organs and tissues: from bioethics to law application	77
<i>Saranin D. S.</i> Taoism and Tolstoyism: Natural and Social in Human	92
NATURAL AND SOCIAL IN PUBLIC RELATIONS	102
<i>Fatenkov A. N.</i> The Naturalistic Meanings of Unalienated Labor	102
<i>Barkovskaja A. V.</i> The Phenomenon of socialization: representational strategies	108
<i>Dedolko J. V.</i> Explication of the concept of "capital" through the paradigm of the Minsk Methodological School	130
<i>Kovrigina G. D.</i> Natural bases of solidarity and prosociality in domestic and foreign studies	145
<i>Polyushkevich O. A.</i> Standards of solidarity after mass violence	159

<i>Zhukov A. V.</i> Cultural space of Chita	165
<i>Zimina N. S.</i> Features of cross-border socio-cultural interaction	174
<i>Tarasov A. A.</i> Bio-corporative ethics of management	180
NATURAL AND SOCIAL IN PUBLIC CONSCIOUSNESS	189
<i>Gavrilova Y. V.</i> The ratio of socio-humanitarian and natural science approaches to the study of syncretic religious consciousness	189
<i>Chetverikova N. A.</i> The Powerlessness of Law: Erotological Aspect	206
<i>Petrova E. V.</i> The correlation of the natural and the social in the problem of adaptation: self-identification and stereotype thinking as the adaptation mechanisms of a person of the digital age	211
<i>Radevich E. V.</i> Changing identification mechanisms in the context of global sociocultural transformations	219
<i>Roman I. V.</i> , Empirical analysis of extremist youth attitudes	232
NATURAL AND SOCIAL IN DEMOGRAPHY	243
<i>Subbotina N. D.</i> Natural and Social Reasons of Sexual Inequality	243
<i>Osipova A. S.</i> Natural and social problems of the demography in Transbaikal territory	256
<i>Zhuravleva I. A.</i> The social framework of the educational and employment prospects of Russian youth	264
<i>Popova M. V.</i> Social ties of rural youth	274
<i>Kurbacheva O. V.</i> Features of socio-cultural adaptation of migrants in a global challenge	281

**ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ПРОБЛЕМАХ
ФИЛОСОФИИ, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**

**NATURAL AND SOCIAL IN THE PROBLEMS OF
PHILOSOPHY, SCIENCE AND EDUCATION**

УДК 316:1

Галина Леонидовна Белкина,

*кандидат философских наук,
старший научный сотрудник,
сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики,
Институт философии РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: mariafrolova1@yandex.ru*

Сергей Николаевич Корсаков,

*доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник,
сектор истории русской философии,
Институт философии РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: snkorsakov@yandex.ru*

Мария Ивановна Фролова,

*научный сотрудник,
сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики
Институт философии РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: mariafrolova1@yandex.ru*

**Всесоюзные совещания как форма изучения
взаимодействия общества и природы**

В советское время существовала такая форма изучения взаимодействия общества и природы, как Всесоюзные совещания по философским вопросам современного естествознания. Проводил совещания Научный совет по философским вопросам естествознания. В совещаниях участвовали сотни учёных. Основные доклады делали выдающиеся философы и выдающиеся учёные. Позже Научный совет и Всесоюзные совещания получили другое название: «По философским и социальным проблемам науки

и техники». Учёные представляли весь спектр наук: естественные, гуманитарные и технические науки. На этих форумах обсуждались наиболее принципиальные мировоззренческие и методологические проблемы наук, как правило, имеющие комплексный характер.

Ключевые слова: естественное и социальное, человек, Всесоюзные совещания, философия и естествознание, И. Т. Фролов

Galina L. Belkina,

Candidate of Sciences (Philosophy),

senior researcher,

sector the humanitarian expertise and bioethics

Institute of philosophy, RAS,

Moscow, Russia,

e-mail: mariafrolova1@yandex.ru

Sergey N. Korsakov,

Doctor of Sciences (Philosophy),

senior researcher,

sector history of Russian philosophy

Institute of philosophy, RAS,

Moscow, Russia,

e-mail: snkorsakov@yandex.ru

Maria I. Frolova,

researcher,

sector the humanitarian expertise and bioethics

Institute of philosophy, RAS,

Moscow, Russia,

e-mail: mariafrolova1@yandex.ru

National conferences as a form of studying the interaction of society and nature

In the Soviet Union, there was such a form of studying the interaction of society and nature as National conferences on philosophical issues of modern natural science. These conferences were conducted by the Scientific Council on philosophical issues of natural science. Hundreds of scientists participated in the conferences. The main reports were made by outstanding philosophers and outstanding scientists. Later, the Scientific Council and National conferences were re-named: on philosophical and social problems of science and technology. Participants represented the whole range of sciences: natural sciences, humanities

and technical sciences. The most fundamental ideological and methodological problems of science were discussed at these forums, having as a rule a complex character.

Keywords: natural and social, man, National conferences, philosophy and natural science, I. T. Frolov

Философия естествознания появилась в России в результате революции 1917 г. До этого печатное мировоззренческое осмысление результатов естествознания было немислимо вследствие государственной и церковной цензуры и опасно для педагогической карьеры. Между тем в русском марксизме, благодаря книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», сформировалась традиция обсуждения философских вопросов естествознания.

После революции, когда прежние ограничения были отброшены, философия естествознания сформировалась как самостоятельная дисциплина. В особенности этому способствовала работа В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма». В ней была высказана мысль о том, что достижения естествознания не могут не подтверждать положений философии диалектического материализма, а сама эта философия, в свою очередь, должна служить мировоззренческим ориентиром и методологическим компасом для науки. Так в нашей философии со времён Ленина сложилась традиция союза философов и естествоиспытателей. Диалектический материализм как научная философия природы и общества опирался на результаты научного познания.

В сталинский период идея этого союза была извращена, его сменил идеологический диктат, который выдавался за руководящую роль философии. В действительности в одежды философии рядилась идеология, обслуживавшая существовавший политический режим. В основе отношения к науке и её результатам находились сиюминутные политические интересы. Феномен лжефилософии, лжедиалектики применительно к биологии (лысенковщина) был убедительно проанализирован в книге И. Т. Фролова «Генетика и диалектика».

Начиная с периода «оттепели» союз философии и естествознания приобрёл устойчивые формы и продемонстрировал свою

эффективность. Важными событиями были Всесоюзные совещания по философским вопросам естествознания, проводившиеся в 1958, 1972, 1981, 1987 гг.

Совещания организовывались Научным советом АН СССР по философским вопросам естествознания (председатель П. Н. Федосеев), затем Научным советом АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники (председатель И. Т. Фролов). В результате совместного обсуждения сложных методологических и мировоззренческих проблем науки в 1960–1980-е гг. между философами и естественниками установилась атмосфера доверия. Крупнейшие учёные того времени (П. Л. Капица, В. А. Энгельгардт, Б. Л. Астауров) регулярно выступали со статьями на философско-мировоззренческие темы, принимали участие в «круглых столах» журнала «Вопросы философии», где обсуждались важные в мировоззренческом отношении научные проблемы.

Первое совещание прошло в октябре 1958 г. Напутствуя участников, президент АН СССР А. Н. Несмеянов сказал, что в решении новых проблем науки большую роль играет наиболее общий метод исследования, и здесь важна широта философских воззрений исследователя.

Совещание открыло новую страницу в отношениях между философами и естественниками. В. А. Амбарцумян прямо сказал: Мы ждём всё-таки, чтобы прекратилось то положение, при котором философы (так было, по крайней мере, весьма часто до сих пор) сдерживали нас в наших поисках нового – как бы наши учёные не впали в идеализм! Философы должны знать, что за ними большой долг» [12, с. 290]. Своего рода ответом можно считать мысль В. А. Фока. Он призвал философов различать формулировки и собственно воззрения физиков, тем более в новейших областях знания, но заметил: «С другой стороны, я хотел бы обратиться к физикам с пожеланием, чтобы они отказались от пренебрежительного отношения к философам и сами занимались анализом принципиальной стороны рассматриваемых ими физических проблем. При таком условии можно надеяться, что совместная наша работа наладится» [12, с. 236].

В особенности сказанное относилось к проблемам физики и биологии, где на смену «борьбы» за единственно правильную советскую науку пришло признание важнейших теоретических завоеваний межвоенного периода: квантовой механики, теории относительности и генетики.

Именно в отношении биологии перед совещанием возник знаменательный конфликт. Т. Д. Лысенко, планировавший участвовать в Совещании, узнал, что кроме него планируются и другие докладчики по биологии. А именно, академики Г. М. Франк и В. А. Энгельгардт полагали рассказать о роли методов физики и химии в современной биологии. Речь шла о магистральном пути, приведшем к современным биотехнологиям. Т. Д. Лысенко отказался выступать. Таким образом, Научный совет и Всесоюзные совещания с самого начала развивали вопросы биологии и генетики на научной основе, в оппозиции к лысенковской антинаучной мифологии.

Другое значительное новшество состояло в легализации кибернетики в советских условиях. Право этой науки на существование уже было признано, но не закреплено. И вот на совещании был поставлен пленарный доклад С. Л. Соболева и А. А. Ляпунова о кибернетике, в котором были всесторонне проанализированы её возможности как теории информации. С. Л. Соболев жёстко выступил против попыток «некоторых малоквалифицированных людей» объявить кибернетику лженаукой, идеалистической наукой. П. К. Анохин показал в своём выступлении, как работают кибернетические идеи в физиологии.

По философским вопросам физики, а именно – о квантовой механике и теории относительности, выступили А. Д. Александров и В. А. Фок. От философов по этим вопросам выступили с докладом М. Э. Омеляновский, Б. М. Кедров. Показательно, что впервые за много лет совсем не выступал главный борец с «физическим идеализмом» философ А. А. Максимов. Из физиков с антикопегагентскими интерпретациями квантовой механики выступил в прениях Я. П. Терлецкий.

Д. Д. Иваненко в своём выступлении фактически предсказал открытие «тёмной материи»: «Физика элементарных частиц очень тесно связана с космологией, на что мало обращается вни-

мания. Мы живём в мире, где очень много нейтронов, электронов и очень мало позитронов... Следовательно, в нашей части Вселенной имеется какая-то тенденция к концентрации определённых сортов вещества, т.е. частиц. Давно уже было предсказано Дираком, что могут существовать антимирры... с другой концентрацией частиц» [12, с. 375].

Впервые за много лет в работе философского форума принял участие академик А. М. Деборин, подвергавшийся гонениям в сталинский период. В принятых по итогам работы совещания рекомендациях было записано, что «необходимо регулярно созывать совещания как по отдельным философским проблемам естествознания, так и комплексные» [12, с. 605]. Материалы совещания вышли отдельным изданием и были переведены в ГДР [17].

В декабре 1970 г. состоялось Второе Всесоюзное совещание по философским вопросам современного естествознания. Открыл его М. Д. Миллионщиков. Основные докладчики были прежние: В. А. Амбарцумян, Б. М. Кедров, М. Э. Омеляновский, В. А. Фок, А. Д. Александров, Д. И. Блохинцев, В. А. Энгельгардт, П. К. Анохин. Доклад по проблемам кибернетики на сей раз был сделан А. И. Бергом и А. Г. Спиркиным. Специальный доклад по философским проблемам генетики был сделан Н. П. Дубининым.

Особенностью этого совещания стало резкое возрастание активности философов. Существенно увеличилось число их докладов, возрос их профессиональный уровень. От идеологических вопросов новое поколение философов естествознания перешло к детальному изучению логики и методологии научного познания. Можно назвать такие имена, уже прочно вошедшие тогда в литературу, как И. С. Алексеев, А. К. Астафьев, И. В. Блауберг, В. П. Бранский, Р. В. Гаркавенко, А. Я. Ильин, В. В. Казютинский, А. С. Кармин, Р. С. Карпинская, И. К. Лисеев, А. С. Мамзин, Е. А. Мамчур, С. Т. Мелюхин, М. В. Моستانенко, С. А. Пастушный, А. А. Печенкин, В. С. Степин, И. Т. Фролов, В. А. Штофф.

По-прежнему в центре внимания оставались сложные методологические проблемы современных разделов физики.

Не обошлось без полемики вокруг истории и существа теории относительности между А. А. Тяпкиным и А. Д. Александровым. Ценным было выступление К. Х. Делокарова о философских спорах по тем же самым проблемам в 1920-е гг. между механицистами и диалектиками. Обсуждался вопрос о новых подходах к пониманию детерминизма применительно к квантовой механике. Г. А. Свечников сделал вывод, что «новейшая физика вскрывает ограниченность представлений о причине как об одностороннем воздействии одного тела на другое и указывает на необходимость введения в науку понятия взаимодействия как причины» [9, с. 190]. В классической физике абстрагирование от взаимодействий часто служило средством вычленения искомой причины. В квантовой механике микрочастица испытывает огромное число случайных внешних воздействий. В отличие от макрообъекта, статистическими методами здесь можно установить зависимость изменения состояний объекта во времени.

По итогам совещания было издано три тома трудов [8; 9; 11].

Новый период в истории взаимодействия философов и учёных наступил в 1980 г. после преобразования Научного совета АН СССР по философским вопросам естествознания в Научный совет АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники, который возглавил И. Т. Фролов. С чем были связаны те изменения в работе Научного совета, которые привнёс И. Т. Фролов?

С возникновением глобальных проблем современности философские проблемы науки в целом приобретают самостоятельное значение, несводимое к философским проблемам отдельных наук или их групп. Кроме того, в условиях превращения науки в технотехнику, то есть, в ситуации, когда целью познания становится разработка технологий, прямо вторгающихся в человеческую практику, в повседневную жизнь людей, философские проблемы науки оказываются сращенными с философскими проблемами техники. Но это означает, что речь идёт уже не о чистом познании, но о социальном институте, который находится в связи с вертикалью управления, с бизнесом, со средствами массовой информации. Осмыслить философские вопросы науки, комплексно изучающей глобальные проблемы, можно лишь имея в виду их

как проблемы социальные. Мы видим, что изменение названия Научного совета, реализованное И. Т. Фроловым, имело глубокий философский смысл.

Третье Всесоюзное совещание по философским вопросам современного естествознания прошло 22–24 апреля 1981 г. в Московском Доме учёных. В совещании приняло участие более 800 философов и естествоиспытателей. Вступительные речи произнесли А. П. Александров и П. Н. Федосеев.

Открывая совещание, И. Т. Фролов назвал философские вопросы современного естествознания одним из центров пересечения научного поиска и осмысления его методологических оснований, осмысления социальной роли науки, её последствий для общества и человека. Он напомнил собравшимся, что основные «точки роста» современной науки приходятся на «стыки» разных научных дисциплин как в пределах естествознания, так и вне его. Значение совещания И. Т. Фролов видел в окончательном преодолении негативных явлений во взаимоотношении философии и естествознания и определении основных направлений творческого сотрудничества философов и естествоиспытателей.

В ходе работы совещания в серии докладов ведущих учёных рассматривались вопросы о значении методологии для развития науки (В. Л. Гинзбург, Ю. А. Овчинников, В. А. Лекторский и др.), о взаимосвязи между наукой, техникой и производством (Б. Е. Патон, А. М. Прохоров, Н. Г. Басов и др.), о взаимодействии общественных, естественных и технических наук, дифференциации и интеграции научного знания (Б. М. Кедров, М. А. Марков, Н. М. Эмануэль, М. С. Асимов и др.), о сущности и социальных последствиях научно-технической революции, её связи с человеком, о социально-этических гуманистических вопросах современной науки и техники (А. А. Баев, Д. К. Беляев, Н. П. Дубинин, В. А. Энгельгардт, Н. П. Бочков и др.). В программу совещания были также включены три вечерние дискуссии по темам «Глобальный эволюционизм», «Диалектика научных революций», «В. И. Вернадский и современная наука».

В докладе И. Т. Фролова на этом совещании получила фундаментальную разработку идея о единстве познавательных, ценностных и социально-практических компонентов научного по-

знания. При изучении роли человечества в развитии глобальных процессов в природе и обществе нельзя «выносить за скобки» ценностную компоненту человеческой деятельности. Человеческая деятельность есть основание объективной значимости ценностей [15, с. 145]. По мысли И. Т. Фролова, ценности выступают в форме регулятивов современного научного познания. Общечеловеческие ценности наполняются конкретно-историческим содержанием, отражающим настоящее и перспективное состояние предметно-преобразующей деятельности человечества на данном этапе его развития.

По завершении работы Третьего Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания под редакцией И. Т. Фролова было издано четыре тома трудов совещания [3; 16; 4; 15]. В рецензии на четвёртый из этих томов было сказано о необходимости перестройки экономического стиля мышления: современный превратный подход к пониманию затрат и выгод побуждает разрушать природу ради экономической выгоды [1, с. 259–260]. Впоследствии эта идея вошла составной частью в идеологию нового мышления. Как известно, та же мысль стала ведущей в разработанной в 1987 г. Комиссией ООН по окружающей среде и развитию концепции устойчивого развития.

10–12 февраля 1987 г. в Доме политического просвещения МКК КПСС состоялось Четвёртое Всесоюзное совещание по философским и социальным проблемам науки и техники.

В работе совещания приняло участие свыше 500 учёных, специалистов и общественных деятелей, представлявших практически все крупные научные центры страны и научные специальности. С докладами выступили М. В. Волькенштейн, В. С. Готт, С. П. Капица, Б. Ф. Ломов, Б. В. Раушенбах, П. Н. Федосеев, К. В. Фролов, А. В. Яблоков, А. Л. Яншин и др. Работало семь секций, а также «круглые столы» в рамках секций.

И. Т. Фролов выступил на совещании с докладом «Итоги и перспективы исследований философских и социальных проблем науки и техники». Он сказал, что на протяжении 1970-х гг. имела тенденция приуменьшить значение исследований философских и социальных проблем науки и техники, в связи с чем не принималось никаких принципиально новых управленческих

решений по стимулированию развития этого направления, соответствующего тому значению, которое имеют проблемы науки и НТП в жизни человека и общества. И. Т. Фролов говорил: «В учебных программах наших философских факультетов эти курсы сворачиваются. Если не будут приняты серьёзные меры, у нас скоро не останется квалифицированных кадров, которые могли бы интенсивно работать в этом направлении. Я, наверное, ещё лет двадцать назад ставил этот вопрос перед руководством философского факультета МГУ. Но это было просто сотрясанием воздуха. Чем кончится такая ситуация – трудно сказать» [13, с. 12].

По итогам работы совещания были приняты рекомендации, в которых были предложены мероприятия по усилению взаимодействия представителей общественных, естественных и технических наук, по совершенствованию квалификации специалистов в области философии, социологии, методологии и этики науки, науковедения. На поставленную И. Т. Фроловым проблему откликнулись профессоры философского факультета МГУ В. Г. Кузнецов, Ю. А. Петров, В. С. Меськов [7]. В своём отклике они справедливо отметили, что логико-методологическая культура мышления автоматически не прививается. Они поддержали необходимость увеличения числа учебных часов, выделяемых на изучение конкретных наук на философских факультетах, сохранения воспроизводства специалистов в области философии науки.

В январе 1988 г. Президиум АН СССР принял предложенную И. Т. Фроловым комплексную программу «Философские и социальные проблемы НТП», в которой среди первоочередных организационных мероприятий значилось коренное улучшение подготовки специалистов по социально-философским проблемам НТП, методологии и социологии науки, науковедению на философских факультетах университетов. На философском факультете МГУ была открыта кафедра философии и методологии науки, на которой работали некоторые ученики И. Т. Фролова, и он сам проводил занятия [14].

После первого совещания вышел том материалов, после второго – три тома, после третьего – четыре тома. При этом каждый

раз требовалось около двух лет, чтобы подготовить к изданию материалы совещания. Спустя несколько лет после проведения Четвёртого совещания, ситуация оказалась для нормальной работы по изданию научных трудов крайне неблагоприятной. Труды Четвёртого совещания так и не были изданы. Напечатано было только несколько обзоров в «Вопросах философии».

Благодаря предусмотрительности И. Т. Фролова, в его личном архиве сохранилась стенограмма пленарного заседания Четвёртого совещания. Она была обнаружена сотрудниками группы Института философии РАН по изучению творческого наследия И. Т. Фролова и опубликована в 2018 г. [10].

На Четвёртом Совещании было решено проводить подобные Всесоюзные совещания не реже чем раз в два года. Но жизнь внесла свои коррективы. Социальные изменения в стране развивались стремительно. Стало не до совещаний, посвящённых науке. Сроки совещания приходилось несколько раз переносить. В 1987 г. после IV совещания И. Т. Фролов планировал V совещание на октябрь 1988 г., затем в 1990 г. – на 1992 г., в октябре 1992 г. – на апрель 1993 г.

6–7 октября 1994 г. И. Т. Фролов организовал мероприятие, которому был присвоен Пятый порядковый номер. Но встреча уже не имела статуса Совещания. Состоялась, таким образом, Пятая Всероссийская конференция по методологическим (философским) и этическим проблемам науки и техники. Проходила она в конференц-зале Института философии РАН. На конференцию пришли естественники, которые продолжали поддерживать контакты с И. Т. Фроловым в Научном совете. 10 января 1994 г. И. Т. Фролов обращался к президенту РАН с предложением провести конференцию как общеакадемическое мероприятие. Но фактически это было уже скорее мероприятием в масштабах Института философии РАН.

В нём приняли участие более 500 учёных и философов. На конференции выступили Ю. С. Осипов, В. Н. Кудрявцев, К. В. Фролов, П. В. Симонов, Н. Н. Моисеев, В. С. Стёпин, В. А. Лекторский, В. И. Иванов, А. В. Брушлинский, С. П. Курдюмов, Л. М. Чайлахян, Е. Л. Фейнберг. В докладах обсуждались темы: перспективы научного познания на рубеже

XXI века, научное познание и гуманистические ценности, человек – наука – техника, наука и глобальные проблемы человеческой цивилизации, этика науки и биоэтика и др.

В своём докладе на конференции И. Т. Фролов подчеркнул ту роль, которую играет в научном познании методология и в этом значении – философия. Он говорил, что начав с изнурительной работы «очищения» научного метода диалектики прежде всего от априоризма и натурфилософии, философы укрепляли союз с естествоиспытателями, представителями других наук на сугубо объективной основе, включали в орбиту совместных исследований и более широкий круг проблем – не только чисто методологических, но и мировоззренческих, социальных и этических.

Оценив уровень исследований философских вопросов науки, который был достигнут в нашей стране в результате «долгого пути познания и деятельности» к 1980-м гг. как мировой, И. Т. Фролов выразил опасение, что мы можем стать свидетелями того, как эта традиция обрывается. Сфера методологии всегда была и остаётся необходимым компонентом фундаментальной науки: это познание, обращённое к самому себе. В современных российских условиях это звучит очень актуально: а зачем всё это? – риторически спрашивал И. Т. Фролов. – По-русски это можно было бы выразить более сочно и впечатляюще. Но зачем было И. Канту удивляться звёздному небу над головой и нравственному закону внутри нас? И. Т. Фролов обратил внимание на растущий отрыв науки от обыденного сознания, который компенсируется пышным «расцветом» всевозможных псевдонаук, не имеющих к науке ровным счётом никакого отношения, но для обыденного сознания более понятных и опасных для здорового развития самой науки.

В завершение своего доклада И. Т. Фролов говорил о том, что пожелал бы только, чтобы в системе РАН больше внимания уделялось этому направлению. Для науки и познания в целом, как и для самого человека, неоправданным является чисто утилитарный подход: у них много целей, и они превращаются в известных отношениях в самоцель.

Освещение конференции в прессе наглядно продемонстрировало изменившиеся условия развития науки в России. Подробный обзор хода конференции был опубликован только в институтской многотиражке МФТИ «За науку». Автор Н. Иванов процитировал выступивших на конференции учёных, говоривших о безразличном отношении государства к российской науке, в результате чего поставлено под вопрос её воспроизводство. Он рассказал об опасениях членов РАН относительно изменений в общественном сознании, о распространении псевдонауки и мифотворчества, о том, что пропагандой мракобесия занимаются государственные СМИ. Н. Иванов привёл мнение И. Т. Фролова о том, что сегодня искажённо преподносится духовность, из которой исключается научная рациональность. Налицо засилье религиозно-идеалистической философии, в то время как учёные естественники (в своей области) мыслят материалистически. А современный материализм – это материализм диалектический [5].

В газете «Сегодня», которая была в те годы влиятельной, появлялась каждый день в каждом киоске страны и отражала позицию представителей новой элиты, своими размышлениями о конференции поделился Р. Вершилло, который обозвал её участников «людоведами». Особенно его раздражило, что «один из организаторов конференции, Институт человека РАН, подтвердил свою приверженность тому, что некогда именовалось «диалектическим материализмом» [2]. Он иронизировал над проектом создания единой науки, изучающей человека как целостность: это мол науке заведомо не под силу, она может решать лишь частные задачи. Кроме того, наивно вслед за Иваном Фроловым утверждать, что ценностные характеристики, мораль механически совместимы с научными категориями [2]. Р. Вершилло стал со страниц газеты поучать о «противоречивости» подобного пути: «если человек изучает самого себя, то он выступает и как объект и как субъект исследования» [2]. Для постмодернистской алогичности попытка совместить научные и гуманистические основания в этом изучении – дело безнадёжное и вредное. Что же предлагал Р. Вершилло человеку? Проверенный тысячелетиями рецепт: религию и иррационализм. Главным авторитетом в

понимании человека у него оказался душевнобольной Ницше. Но говорилось это всё с высокомерием, присущим «демократической» интеллигенции 1990-х гг.

В архиве И. Т. Фролова сохранился ответ, естественно не напечатанный в «Сегодня». В ответе отмечено, что автор «Сегодня», проповедовавший плюрализм, с порога отверг точку зрения диалектического материализма, да и вообще научной рациональности как таковой. Ориентация на нравственное изменение – объективная тенденция развития науки, особенно в условиях экологического кризиса. Фролов замечал, что господин Вершило признался в своей «ненаучной» рациональности. Эта позиция – характерное отражение того мощного «бунта» против классической европейской рациональности, в условиях которого сегодня существует российская культура. Автор упомянутой статьи неоднократно апеллировал к авторитету Ницше, а для него, как известно, «истина – это полезная ложь», со всеми вытекающими отсюда последствиями и для науки, и для культуры в целом.

Выступая на Четвёртом Совещании, И. Т. Фролов сказал: «То чисто внешнее образование общеполитического, мировоззренческого, философского характера, которое даётся в школах, а, в особенности, в вузах, не является противоядием против антинаучной “контркультуры”. Тот факт, что распространению не мешает даже изучение философии, в том числе и философии науки, в вузах – тяжелейший урок для философов» [10, с. 26]. Сегодняшние тенденции в высшем и поствузовском образовании, связанные с сокращением учебных часов, выделяемых на изучение философии, с отменой кандидатского экзамена по философии, чётко идут в русле обозначенной И. Т. Фроловым опасности антигуманного технократизма. В итоге слабая прививка научной гуманистической философии в процессе преподавания естественных и технических наук привела у нас, как известно, к положению, которое покойный председатель Комиссии РАН по борьбе с лженаукой Э. П. Кругляков охарактеризовал словами: «Наша лженаука – лучшая в мире».

Список литературы

1. Баландин Р. Рец. на кн.: Человек, общество и природа в век НТР // Новый мир. – 1984. – № 11. – С. 259–260.
2. Вершило Р. Конференция людovedов // Сегодня. – 1994.
3. Диалектика – мировоззрение и методология современного естествознания. – М.: Наука, 1982. – 494 с.
4. Единство и многообразие мира, дифференциация и интеграция научного знания. – М.: Наука, 1983. 400 с.
5. Иванов Н. В судьбе науки – судьба России // За науку (Долгопрудный). – 1994.
6. Игнатъев В. Н. Обсуждаются итоги и перспективы исследований философских проблем естествознания // Вопросы истории естествознания и техники. – 1981. – № 3. – С. 59–64.
7. Кузнецов В. Г., Петров Ю. А., Меськов В. С. Отклик на статью И. Т. Фролова // Вопросы философии. – 1987. – № 9. – С. 160–162.
8. Проблемы философии и методологии современного естествознания. – М.: Наука, 1973. – 447 с.
9. Физическая наука и философия. – М.: Наука, 1973. – 352 с.
10. Философские и социальные проблемы науки и техники. – М.: СФК-офис, 2018. – 232 с.
11. Философские проблемы биологии. – М.: Наука, 1973. – 272 с.
12. Философские проблемы современного естествознания. – М.: Издательство АН СССР, 1959. – 664 с.
13. Фролов И. Т. Итоги и перспективы философских и социальных исследований проблем науки и техники // Вопросы философии. – 1987. – № 4. – С. 3–15.
14. Фролов И. Т. Философские и социальные проблемы науки и техники // Вестник АН СССР. – 1988. – № 8. – С. 19–28.
15. Человек, общество и природа в век НТР. – М.: Наука, 1983. – 432 с.
16. Эволюция материи и её структурные уровни. – М.: Наука, 1983. – 416 с.
17. Philosophische Probleme der modernen naturwissenschaft. Berlin, 1962. – P. 120–188.

Анатолий Ипполитович Круликовский,
кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной психологии и гуманитарных наук,
Иркутский государственный медицинский университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: akrulikovskiy@gmail.com

Революция в медицине и медицинском образовании

В статье рассматриваются перемены в современной медицине – новые технологии, внедрение новых технических средств, а также их сочетания. Дальнейший прогресс медицины приведёт к изменению методов и способов лечения и к изменению самого человека. Это означает по сути революцию в медицине и требует пересмотра стратегии медицинского образования.

Ключевые слова: технологический взрыв, роботизация медицины, нанороботы, непрерывность обучения

Anatolii I. Krulikovskii,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Social Psychology and Humanities,
Irkutsk State Medical University,
Irkutsk, Russia
e-mail: akrulikovskiy@gmail.com

Revolution in medicine and medical education

The article discusses the changes in modern medicine such as new technologies, introduction of new technical means, as well as their combinations. Further progress of medicine will lead to a change in the methods and ways of treatment and a change in the human himself. This means essentially a revolution in medicine, and it requires a review of the strategy of medical education.

Keywords: technological explosion, medicine robotization, nanorobots, learning continuity

В историю человечества 2018-й войдет как год, в котором родились первые генетически отредактированные дети. У девочек-близнецов при помощи технологии CRISPR/Cas9 учёные

Южного научно-технологического университета (Шеньчжэнь, КНР) удалили ген CCR5, что сделало их невосприимчивыми к ВИЧ-инфекции.

Мы стоим на пороге перехода человечества в режим автоэволюции – этот термин ввёл знаменитый польский писатель-фантаст Станислав Лем в своей книге «Сумма технологии». *Автоэволюция* – это эволюция, которая протекает не по исходным природным законам, а направляется сознательно самим объектом эволюции, то есть человечеством.

В течение ближайших десятилетий (полтора, максимум двух) мир, в котором мы живём, радикально и необратимо изменится в результате технологического взрыва. Взрыва, который уже начался. Его признаки – налицо. Современный технологический взрыв – это комбинация новых технологий, радикально трансформирующих старые, а также создающих принципиально новые секторы рынка. Это можно смело назвать революцией, и в полной мере относится к медицине. Кстати, и не только к медицине. Изменения в технологиях затронули буквально все сферы человеческой жизни, включая в том числе политическую [1, с. 45; 3, с. 72–89; 4, с. 165–175].

Сегодня медицина успешно использует достижения в области биотехнологий, электроники. В настоящее время биотехнологии широко применяются в сельском хозяйстве, где с помощью генной инженерии получают генно-модифицированные продукты, без которых человечеству не справиться с проблемой дефицита пищи. Биотехнологии используются в молекулярной медицине, в биофармацевтических производствах и в других отраслях. Очевидно, что исследование генома – это то, что существенно изменит медицину в ближайшие десятилетия. Практически все серьёзные исследователи считают, что прорывное будущее медицины связано с областями деятельности на стыке различных наук. В частности, с биомедициной, которая включает в себя, помимо медицины, молекулярную биологию и генетику. Поэтому, кстати, хорошее классическое медицинское или биологическое образование с упором на глубокое знание биохимии или молекулярной биологии будет востребовано в ближайшем будущем.

Успешно применяются в медицине и другие новейшие технологии. Однако перечисленное – только одно из магистральных направлений развития медицины. Другое направление – широкое внедрение достижений технических наук, прежде всего, информационных технологий. Часто это направление образно называют роботизацией медицины. Очевидно, что постепенная роботизация этой профессии всё более «набирает обороты».

В последние годы роботами были выполнены сотни тысяч сложнейших операций, которые нельзя было доверить живым людям, так как машины-хирурги более точны и быстры в сравнении с человеком. Ведущие клиники практикуют проведение «дистанционных» операций, при которых хирург управляет действиями робота, находясь в любом уголке земного шара. Такие операции особенно востребованы в условиях «вахтовой» работы – в экспедициях (в том числе, космических), в условиях боевых действий. Один из самых известных роботов, Da Vinci, создан именно для проведения дистанционных операций. С использованием систем Da Vinci ежегодно проводится более 500 тыс. операций, в основном в урологии и гинекологии.

Ведущие специалисты убеждены, что в ближайшем будущем вообще любые операции будут выполняться роботами. И не только операции. С точки зрения технологии многие медицинские процедуры и действия «роботизировать» гораздо проще. Роботы-медики будут проводить приёмы пациентов, ставить им диагнозы, делать прививки и вести медицинские карты.

Искусственный интеллект активно используется, в том числе, для диагностики рака. Программы (например, IBM Watson Health) анализируют большие объёмы медицинской информации и практически безошибочно ставят диагноз, в том числе, что особенно важно, за счёт обнаружения незаметных характеристик болезни в огромном массиве информации. По словам некоторых специалистов, лекарством от рака станет скорее не препарат, а возможность диагностировать болезнь на ранней стадии.

Также уже сегодня, благодаря программе Healthbook Apple, можно легко следить за состоянием своего здоровья. Установленная на телефон программа способна постоянно контролиро-

вать сахар в крови, сердечный ритм, массу тела, гидратацию, и выполнять тесты на здоровье. Для большинства из этих функций теперь не требуется участие человека-врача.

В результате, как предсказывают некоторые эксперты, четыре из пяти врачей будут в ближайшие 10–15 лет заменены компьютерами.

Как утверждают те же эксперты, в ближайшее время ведущие компании начнут в промышленных масштабах выпускать роботов-фармацевтов. Понятно, почему крупные фармацевтические компании с миллиардным оборотом видят в замене людей на машины преимущества – эффективность и производительность машин в десятки раз превосходит аналогичные человеческие показатели. Роботы никогда не устают и не совершают ошибок из-за невнимательности. Потому-то, считают эксперты, фармацевты будут вытеснены роботами одними из первых. Некоторые ожидают, что это произойдет уже к 2020-му году.

Третье направление – сочетание новых технологий с достижениями биомедицины. В частности, один из ведущих футурологов мира Р. Курцвейл говорит о создании в ближайшее время разумных нанороботов, подключенных через Wi-Fi к кровеносной системе. Они, по его мнению, будут способны выполнять бесчисленные задачи по улучшению нашего здоровья, включая замену изношенных клеток в любой части нашего тела. Если, утверждает Р. Курцвейл, довести такую разработку до совершенства, то наше тело не просто будет здоровым – мы обратим старение вспять. Возможности такой внутриклеточной хирургии стали бы безграничны.

Р. Курцвейл на этом не останавливается. Он считает, что искусственно созданные материалы будут всё чаще вживляться в человеческое тело. Сначала органы будут заменены сложными устройствами, которые будут работать вечно и безотказно. Затем мы станем вносить изменения в структуру тела, например, заменим красные кровяные тельца усовершенствованными эритроцитами – нанороботами, которые будут перемещаться самостоятельно, и сердце станет больше не нужным. Р. Курцвейл не обделяет вниманием и мозг, утверждая, что мы сможем его

усовершенствовать таким образом, что станем думать в миллиарды раз быстрее и получать информацию извне, потому что искусственно созданные части мозга позволят нам подключаться к облачному хранилищу информации. То же самое можно сделать и с едой. Нанороботы будут отвечать за доставку нужных питательных веществ клеткам организма, выводя из него все вредные вещества.

Виртуальная реальность приобретёт новый смысл – нанороботы в нашем организме смогут подавить сигналы, посылаемые нашими рецепторами и заменить их абсолютно иными, позволяя нам видеть, слышать и чувствовать совсем другой окружающий мир. В конечном итоге, считает Р. Курцвейл, люди станут полностью искусственными и будут окончательно скрещены с искусственным интеллектом. Остро встанет вопрос и об отношениях людей с роботами, и вечный вопрос о справедливости [2, с. 7–10; 5, с. 58–61].

Конечно, эти предсказания Р. Курцвейла выглядят иногда фантастичными, но не следует забывать, что многие его прогнозы, сделанные ранее, в большинстве случаев сбывались.

В этой связи закономерно возникает вопрос: а как сегодня готовить специалистов медицинских специальностей? Ведь если не только хирургов, но и врачей других специальностей планируется вскоре заменить роботами, как прогнозируется, четырёх из пяти, то есть ли смысл учить эти 80 процентов? Вопрос очень непростой, и ответа на него пока нет. Врачей пока явно не хватает, и поэтому, на мой взгляд, проблема заключается не в том, чтобы не учить «лишних», а в том, чему учить. В любом случае, образованный человек будет всегда более востребован, чем необразованный. К тому же нет обоснованных прогнозов о том, какие именно специалисты будут более востребованы. В то же время, футурологи составили список из десяти самых востребованных профессий ближайшего будущего. В качестве экспертов выступили авторитетные специалисты. По их мнению, к 2025 году некоторые профессии исчезнут, но на смену придут новые специальности.

Список открывают специалисты по нейроимплантации. В ближайшие годы ожидается рывок в развитии нейротехнологий. Нейрохирургия мозга, его имплантация, протезирование и сканирование превратятся в широкую сферу деятельности. Соответственно, потребуются специалисты в этих областях.

Эксперты прогнозируют появление узкопрофильных медицинских специальностей, таких как генетический консультант, молекулярный диетолог, консультант по здоровой старости и проектировщик программного обеспечения для медицинского оборудования. В связи с развитием опасных заболеваний и появлением новых штаммов вирусов незаменимыми останутся медики-эпидемиологи. Применительно к медицинскому образованию это означает, что подготовка специалистов «среднего звена», на что сейчас ориентирует вузы политика правительственных чиновников, чревата крупными проблемами с их трудоустройством через 10–15 лет. Возможно, следует основательно пересмотреть номенклатуру специальностей в свете начавшихся процессов развития новых технологий.

Эксперты уверены, что изменения в технологиях и образе жизни повлекут за собой трансформации практически во всех сферах человеческой деятельности. Будут появляться новые направления и специальности. Работодатели начнут усиленно охотиться за талантами. Система образования вряд ли сможет реагировать на столь быстрые изменения, и университеты потеряют монополию на знания. Поэтому на первый план выйдет идея непрерывного образования и самообучения в процессе работы.

И, наконец, о компетенциях, без которых в будущем никак не обойтись. В первую очередь, это готовность воспринимать новое и учиться на протяжении всей жизни. Также будет важна способность «переваривать» большие объемы информации и уметь вычленять из этого главное. А это свидетельствует о необходимости изменений в подходах к обучению как самих учащихся, так и педагогов [6, с. 36–43; 7, с. 335–337].

В целом образованию, по мнению большинства экспертов, должны быть присущи развитие информационных технологий, кросс-функциональность, мобильность.

Список литературы

1. Елин С. П., Маглеев А. А., Парфенов В. М. Социально-экономическая реабилитация малочисленных этносов Иркутской области // Социологические исследования. – 1994. – № 7. – С. 45.
2. Козьмин Ф. Е. Поиски утраченной человечности // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск, 2017. – С. 67–71.
3. Борисов И. А. Концепции личности в философско-историческом преломлении // Философия здоровья. Сборник научных трудов. – Иркутск, 2017. – С. 17–24.
4. Завьялов А. В. Воспроизводство коммуникации: от конструирования образов до их потребления. // Проблемы социального воспроизводства современного российского общества: политические, экономические, культурные и демографические аспекты. Сборник научных трудов. – Иркутск, 2014. – С. 49–55.
5. Цыганенко В. М. Трактат Горгия Леонтийского «О не-сущем, или о природе» в контексте критики учения Парменида // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск, 2018. – С. 50–65.
6. Климонтова Т. А. Самоорганизация внутреннего мира интеллектуально одаренных старшеклассников: структура и функционирование: автореферат ... дис. доктора психологических наук: 19.00.01 Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2013. – 42 с.
7. Дубровина С. В., Дрейзин И. В. Взаимосвязь внутренних ресурсов личности и удовлетворенности качеством жизни у педагогов // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 21. – С. 335–337.

Светлана Владимировна Малах,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры русского языка и общего языкознания,
Институт филологии иностранных языков и медиа коммуникаций,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: lana.malyx@bk.ru

Социальные условия развития социальной ответственности университетов

В статье рассматриваются социальные условия развития университетов, анализируются сильные и слабые стороны их социальной ответственности. Показывается влияние социальных условий на формы и особенности социальной ответственности университетов.

Ключевые слова: социальная ответственность, социальные условия, развитие университетов

Svetlana V. Malykh,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian Language and General
Linguistics,
Institute of Philology of Foreign Languages and Media Communications,
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia
e-mail: lana.malyx@bk.ru

Social conditions for the development of social responsibility of universities

The article discusses the social conditions for the development of universities, analyzes their strengths and weaknesses of social responsibility. The influence of social conditions on the forms and features of social responsibility of universities is shown.

Key words: social responsibility, social conditions, development of universities

В современном обществе происходят глобальные изменения и это не может не отразиться на университете. Важность и востребованность высшего образования увеличивается как со стороны

человека, так и со стороны государства. Эффект прослеживается в экономическом, гражданском, культурном, мировоззренческом потенциале отдельной личности и целых поколений студентов [7]. Институт образования нацелен на формирование высокопрофессиональных специалистов, а также способствует духовному и нравственному обогащению молодого поколения, культурному развитию.

Образованные люди проще выстраивают связь и преемственность поколений. Благодаря им находят применение и развитие те знания, что были получены до них. Недостаточно образованные люди не могут не только преумножить, но даже воспроизводить знания. И тем самым, нарушается процесс развития общества (базовый принцип социальной структуры – каждое новое поколение должно идти дальше, жить лучше предыдущего).

Традиционно, «заказчиком» для университетов, выступало государство. Но перемены последних лет (а в некоторых странах и столетий) способствовали тому, что оно утратило монополию в этом вопросе (во многом, благодаря развитию рыночных отношений). С повышением социальной значимости университетов к ним стали возрастать и требования.

Сегодняшний университет – это потенциал устойчивого развития общества, без разделения на страны, народы или религию. В идеале, образование – это источник преобразований, направленных на удовлетворение социальных потребностей мира. Но, к сожалению, эффективность высшей школы падает. Выпускники вузов не могут воспроизвести и преумножить то, что уже разработано, не то, что развивать новое [6].

Эффективность работы высшей школы (преобразований и повседневных практик) следует оценивать с позиции удовлетворения ожиданий и потребностей общества. Эффективность высшей школы зависит не только от административных работников университетов и педагогов, но, прежде всего, от диалога между всеми участниками «социального запроса» к университетам (студенты, родители, власть, бизнес, СМИ и проч.). Универси-

тет – это ресурс, который сам по себе мало что значит [8]. Его важность и весомость определяется через реализацию в других секторах и социальных институтах общества.

Таким образом, можно говорить о заключении некоего социального договора между университетом, различными социальными институтами и обществом в целом. Общественный договор – это обмен ожиданиями по поводу основных прав собственности и свободы, общественных благ и, тем самым, характера и структуры государства.

Как показывают исследования ученых (А. Г. Саниной [9], С. В. Малых [1; 4], О. А. Полюшкевич [6; 7; 8] и др.) сегодня в российском обществе доминирует «двухсторонняя интеграция» (бизнес-наука, бизнес-вуз, власть-бизнес, власть-вуз и проч.). В случаях трёхстороннего сотрудничества (бизнес-власть-наука, бизнес-вуз-СМИ и проч.), тот кто является инициатором и занимает ведущую роль, остальные стороны участвуют во взаимодействии не равноправно. Формы и барьеры взаимодействия федеральных университетов с бизнес средой рассмотрены в работе О. В. Перфильевой [5], где показываются причины разрушения социальных связей вуза и организаций, сложившиеся в советском обществе и ныне разрушенные. То есть, не соблюдаются интересы всех участников общественного устройства и, одновременно, не все участвуют в этом взаимодействии, хотя результат его воздействует на каждого.

Чтобы выяснить, что именно каждая из потенциальных сторон участниц общественного договора хотела бы видеть в университете и что хотел бы получить университет от каждой из сторон, мы провели экспертное интервью представителей ключевых социальных институтов, заинтересованных в развитии университетов (студенты, родители, представители университетов, НИИ, власть, бизнес, СМИ). Всего в исследовании приняло участие 170 человек. Из каждой группы по 10 представителей. Выборка респондентов осуществлялась на основе следующих квот: социальный статус (должность), стаж работы и уровень мотивации.

Требованием, объединяющим практически все социальные институты, является – подготовка квалифицированных кадров, имеющих практические навыки, знания и компетенции. Родители и студенты недовольны перспективами использования полученных знаний. Бизнес-сообщество, властные институты недовольны теоретичностью материала, который далёк от реальной ситуации. Научные институты – низким уровнем общей подготовки и прочее. Родители и студенты – слабыми возможностями применения полученных знаний, невозможностью найти работу по специальности. По данным ФОМ в 2012 году качеством высшего образования население России не удовлетворено (23 % – оценивают его как плохое, 48 % как удовлетворительное, только 12 % как хорошее и 17 % затруднились с ответом).

Университет практически не привлекает специалистов-практиков в учебный процесс. Представители бизнеса или власти и иные специалисты практики, добившиеся значительных успехов в своей среде, остаются за дверью университетов. Исключение составляют академические учёные (представители НИИ и различных школ), хотя это вызвано скорее большими и давними связями по интеллектуальному и человеческому (специалисты) обмену, нежели заранее продуманной программой взаимодействия.

Для успешного усвоения знаний необходимо сочетание теории и практики. При наличии только одного элемента выпускник будет во многом проигрывать. И говорить о том, что он стал профессионалом – увы невозможно. Существующий опыт привлечения представителей различных институтов (бизнеса, власти, НКО, СМИ) опирается на личные контакты и взаимодействия. Но целостная вузовская или общегосударственная система работы отсутствует.

Также наблюдается и обратный процесс – преподаватели вузов не проходят стажировок на предприятиях, не получают нового опыта, не получают практического понимания реализации теоретических конструктов на практике. И соответственно, у педагогов нет представления о том, какие практические навыки необходимы для работы в соответствующем секторе общественного устройства.

Данный аспект особо подчёркивали представители бизнеса, властных структур и СМИ. Университетские знания ценны, когда они предлагают общую структуру понимания и развития системы, механизмов, коммуникации и прочее. Когда сами институты развиваются в отрыве от университета, происходит формирование альтернативных сценариев общественного развития, технических и научных потребностей общества. Тем самым образуется разорванность социального пространства, соединить которое будет достаточно сложно.

Представители университетов упрекают бизнес в том, что он в своих взаимоотношениях с ними придерживается концепции безвозмездного потребительства, тогда как университеты хотели бы видеть в бизнесе если не надёжного инвестора, то хотя бы партнера, несущего затраты по обучению или содержанию части студентов.

Вопрос прохождения производственной практики студентов также очень важен. Зачастую он проходит формально. Студенты не могут понять особенности работы коммерческого предприятия, некоммерческой организации, отдела муниципальной или региональной власти из-за нескольких причин. Первая – ограниченность сроков практики. Вторая – незаинтересованность руководителя организации, где проходят практику студенты, так как они не видят в них своих будущих сотрудников.

Во всём мире существует тенденция оплаты специалистов от различных социальных институтов (бизнеса, власти, социальных служб). Нашим аналогом выступает целевое обучение студентов. Но ограниченность его в том, что, как правило, предприятие оплачивает учёбу ещё не сформировавшегося человека 16–17 лет, ещё не уверенного в том, чем ему в жизни заниматься. Когда будущий работодатель подключается к софинансированию обучения уже на старших курсах (4–5 курс при специалитете или магистерских программах), то уже самостоятельно может подбирать под профиль своего предприятия необходимых будущих специалистов [2].

Отмечая данную тенденцию, представители различных общественных институтов исходили из разных причин. Представители бизнеса объясняют это недостатком знаний и отсутствием

заинтересованности и практической целесообразности в период практики обучать специалиста. Некоторые крупные компании уже имеют собственные системы профессионального образования, так называемые «корпоративные университеты», готовящие специалистов для работы в конкретной корпорации (железнодорожные университеты, авиационные и прочее). Данная стратегия является наиболее оптимальной для них, но увы, не приемлемой в целом для всех социальных институтов общества.

Представители властных структур объясняли это отсутствием целостного понимания у студентов общих социально-политических процессов и недостаточностью практического опыта решения сложных социальных проблем. В то же время, в ответах респондентов, чётко проявлялась тенденция «боязни потери своего места». Молодые кадры со временем придут на смену более зрелым, и последние стараются как можно дольше не отпускать бразды своего правления.

Научная среда осторожно относится к студентам-практикантам из-за недостаточности квалифицированности и педантичности в проведении экспериментов. Как ни парадоксально, но и представители СМИ также весьма осторожны с молодыми специалистами, исключение составляют лишь молодёжные программы или рубрики.

Иными словами, различными институтами формируется «стеклянный круг не вхождения»¹ молодых специалистов в различные области знаний, из-за чувства самосохранения и критической оценки «неквалифицированности» студентов или выпускников университетов. Обе причины зачастую являются стереотипными, а не реальными формами общественного развития.

Задача университета в этом процессе – предлагать своим специалистам, выстраивать более активное взаимодействие, когда студент готовится для работы на конкретном предприятии. Только в этом случае производственная практика студентов из формальной и условной сможет перейти в жёсткую необходимость для предприятия. Социальная ответственность универси-

¹ По аналогии со «стеклянным потолком».

тета в том, чтобы университет встроился в систему экономики и перенёс частичные выплаты за обучение с семьи на действующую экономику [3].

Современное общество – это динамичное общество, чтобы успевать за всеми научными открытиями, необходимо постоянно совершенствовать материально-техническую и инновационную базу университетов. Современное материально-техническое оснащение вузов позволит студентам знакомиться с передовыми открытиями и идти в ногу со временем. Инновационные методы обучения позволяют не просто обновлять программы обучения, формы занятий и в целом изменять учебные планы, но и сделать их максимально современными и приближенными к практике.

Сложность реализации вышеуказанного пункта обусловлена не только финансовой ограниченностью вуза (новое материально-техническое оснащение лабораторий весьма дорого, программное обеспечение быстро устаревает и его необходимо обновлять), но и тем, что не создана система обучения инновационным методам для самих педагогов. Отсутствует представление о современных методах обучения, направлениях развития науки и практики.

Идеальное условие развития вуза, когда сами сотрудники заинтересованы в постоянном обучении, получении новых навыков и знаний, в использовании последних научных достижений в образовательном процессе. При этом вуз создаёт условия и возможности применения этих знаний в работе со студентами, а также в выстраивании взаимодействия с другими социальными институтами [4].

Университет – это цитадель, способная преобразовывать знания в инновации. Последнее, крайне актуально для регионального развития любой территории. Университет – это связующая система между всеми элементами регионального социума. Помимо образовательной и исследовательской функций, университету принадлежит функция интеграции народа.

Для бизнеса, власти, СМИ и иных социальных институтов приоритетной сферой социальной ответственности выступает не столько экономическая поддержка, сколько условие формирова-

ния нового уровня и качества человеческого капитала. Человеческие ресурсы, которые готовятся в университете, становятся залогом процветания всех остальных сфер общества.

Современные процессы – это качественная трансформация сознания. Человек в современном обществе – это не источник бесплатных трудовых ресурсов (не пассив), а актив, который необходимо инвестировать средства и в среднесрочной перспективе получить окупаемость и прорыв в развитии любого общественного института.

В условиях информационного общества целью университетского образования должно стать формирование системы общих и профессиональных знаний, способных к самообновлению и воспроизводству. В этом процессе важным становится не заучивание знаний, а понимание общих схем развития, которое способствует возможности постоянного обучения и развития, профессиональной ориентации и адаптации.

Таким образом, социальная ответственность университетов отражается в нескольких положениях, определяющих возможности сотрудничества с другими социальными институтами и условиях реализации общественного договора [5]:

- привлечении успешных специалистов-практиков в образовательный процесс;
- обучении преподавателей вузов в профильных организациях, для получения опыта реальной работы в том или ином секторе экономики;
- подготовке студентов для производственной практики и формирования у работодателя уверенности, в том, что это ЕГО будущие квалифицированные работники;
- развитии инновационного потенциала в преподавании, для того чтобы соответствовать новым достижениям науки;
- обновлении материально-технического оснащения образовательного процесса для того, чтобы использовать современные методы анализа и обработки данных;
- возможности консолидации общества на региональном и федеральном уровнях.

Список литературы

1. Малых С. В. «Справедливое образование»: современные реалии отечественных университетов // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. – 2018. – С. 1233–1234.
2. Малых С. В. Академическая мобильность как ресурс интернационализации университетов // Социология. – 2018. – № 3. – С. 222–226.
3. Малых С. В. Университетское образование и профессиональная карьера // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность // Материалы конференции. – Иркутск: Изд-во ИГУ. – 2018. – С. 210–212.
4. Малых С. В., Полюшкевич О. А. Основы продвижения университета: учеб. пособ. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 121 с.
5. Перфильева О. В. Формируя партнерство с бизнесом: достижения и проблемы федеральных университетов на современном этапе // Вестник международных организаций. – 2012. – № 1. – С. 189–202.
6. Полюшкевич О. А. Корпоративная солидарность университета // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2016. – № 12. – С. 68–72.
7. Полюшкевич О. А. Социальная ответственность университетов // Alma mater. – 2012. – № 11. – С. 26–30.
8. Полюшкевич О. А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во ИГУ. – 2014. – С. 103–110.
9. Санина А. Г. Условия интеграции науки, образования и бизнеса в современной России // Социологические исследования. – 2010. – № 7. – С. 122–129.

Любовь Тимофеевна Ткач,
кандидат педагогических наук, доцент,
профессор кафедры дошкольного, специального
образования и педагогического менеджмента,
Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко,
г. Тирасполь, Приднестровье, Республика Молдова
e-mail: tkachlt@mail.ru

Татьяна Анатольевна Гелло,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры дошкольного, специального образования
и педагогического менеджмента,
Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко,
г. Тирасполь, Приднестровье, Республика Молдова
e-mail: dpism_pgy@mail.ru

Социальные механизмы воздействия на естественные предпосылки формирования педагогической идентичности

В статье показаны особенности проектирования поликультурного содержания педагогического образования, основанного на взаимосвязи учебной и воспитательной работы, как важного условия формирования педагогической идентичности студентов и социального механизма. Внедрение программы профессионального воспитания обеспечивает целенаправленность этого процесса, поэтапное и последовательное погружение студентов в культуру педагогической деятельности, рассматривается как социальный механизм воздействия на генетически обусловленные качества личности поликультурноориентированного педагога.

Ключевые слова: поликультурность, проектирование, содержание, направленность, профессиональное воспитание, ценностное сознание, педагогическая идентичность

Liubov T. Tkach,
*Candidate of pedagogical sciences,
associate professor,
Professor of the Department of Preschool,
Special Education and Pedagogical Management,
Transnistrian State University T.G. Shevchenko,
Tiraspol, Transnistria, The Republic of Moldova,
e-mail: tkachlt@mail.ru*

Tatiana A. Gello,
*Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor of the Department of Preschool,
Special Education and Pedagogical Management,
Transnistrian State University T.G. Shevchenko,
Tiraspol, Transnistria, The Republic of Moldova,
e-mail: dpism_pgy@mail.ru*

Social mechanisms of influence on the natural prerequisites for the formation of pedagogical identity

The article shows the design features of the multicultural content of pedagogical education, based on the relationship of upbringing and educational work, as an important condition for the formation of students' pedagogical identity. The introduction of a professional education program ensures the focus of this process, the gradual and consistent immersion of students in the culture of educational activities

Keywords: multiculturalism, design, content, orientation, professional upbringing, value consciousness, pedagogical identity

Воспитывают детей все, но далеко не каждый человек стремится стать педагогом. Результаты опросов абитуриентов на предмет выбора профессии показывают, что от их общего числа только 2–3 % предполагают стать учителем, воспитателем. А среди тех, кто выбрал эту специальность случайно, или по необходимости (например, получение высшего образования), многие, приступив к работе после окончания вуза, начинают понимать, что это – не их форма деятельности по разным причинам: очень нравится преподаваемый предмет, но нет желания обучать этому предмету; кого-либо могут раздражать сами дети и др.

Для того, чтобы стать педагогом, нужны определённые, генетически обусловленные черты характера. К ним можно отнести оптимистичность, общительность, активность, инициативность и т. д. Однако, главные факторы формирования педагогической идентичности – не естественные, а социальные механизмы, которые должны применяться преподавателями в процессе подготовки педагогических кадров.

На всех этапах общественного развития педагог рассматривается в качестве важной ключевой фигуры в формировании гражданского общества. Современные глобализационные изменения в мире привели к пониманию его поликультурности, взаимозависимости и выдвигают необходимость формирования способности педагога к организации процесса обучения и воспитания в поликультурном образовательном пространстве с использованием технологий, отражающих специфику предметной области и соответствующих культурным и психофизическим особенностям обучающихся на основе личностной идентификации в культуре и профессии.

Актуальность исследуемой нами проблемы состоит в необходимости определения наиболее эффективных условий, при которых в образовательном процессе вуза возможно выполнение требований к результатам подготовки будущего педагога, определяемых стандартами – образовательным и профессиональным. На основании работ Л. Б. Шнейдер эти условия должны быть соотнесены с процессами самоопределения, самоорганизации, персонализации и рефлексии, которые оказывают существенное влияние на становление идентичности в ходе профессионального образования [11]. Мы предположили, что успешность в обучении студентов педагогического направления и их дальнейшей профессиональной деятельности во многом определяется уровнем сформированности педагогической идентичности. Гипотеза исследования основывается на результатах лонгитюдного изучения мотивов выбора профессии, которые подтверждают преобладание внешней мотивации над внутренней относительно выбора педагогической профессии студентами первых курсов. Это свидетельствует о необходимости целенаправленного формиро-

вания их мотивационно-потребностного критерия готовности к профессионально-педагогической деятельности средствами содержания образования [7].

Выбор методологических основ исследования обусловлен нашей убеждённости в том, что «культура выступает связующим фактором между социальным и генетически детерминированным в личности» [6, с. 4] и необходимостью осуществления взаимосвязи целей-результатов и содержания подготовки, направленного на достижение требуемых результатов. То есть, посредством образования, на основе учёта особенностей студентов в культурной идентификации, необходимо способствовать их профессионально-творческому развитию в ходе освоения социального опыта.

В этом контексте адекватными являются положения фундаментальных исследований в области проектирования содержания общего образования (В. С. Ильин, В. В. Краевский, В. С. Леднев, И. Я. Лернер, М. Н. Скаткин и др.) [5] и психологии личностно-профессионального развития педагога (Л. М. Митина) [4]. По мнению учёных, содержание образования, аналогичное социальному опыту, состоит из четырёх основных структурных элементов: знаний, умений действовать по образцу и умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях, личностных ориентаций. Следовательно, в профессиональном образовании эти структурные элементы раскрываются через опыт профессиональной деятельности, который осваивается на основе универсальных учебных действий с применением технологий контекстного (А. А. Вербицкий), профессионально ориентированного (В. И. Слободчиков) образования и поликультурного образования, «высшей ценностью которого является человек, а главный смысл и цель связаны с его развитием, поддержкой индивидуальности, ненасильственным культуросообразным воспитанием, созданием условий для творческой самореализации» [2].

В нашем исследовании педагогическая идентичность рассматривается как разновидность социальной идентичности (Э. Эриксон), что обуславливает построение образовательного процесса и формирование образовательной среды в вузе с учё-

том принципа поликультурности и необходимости целенаправленного управления процессом приобщения студентов к педагогической профессии на основе личностно-смыслового осознания принадлежности к педагогической общности, базирующегося на признании педагогических интересов, формирование которых, в определённой мере, обусловлена родительским и (если этот будущий педагог – девушка, материнским) инстинктами, убеждений, норм поведения и ценностей поликультурного образования [10].

Задача формирования педагогической поликультурной идентичности студентов, обучающихся по педагогическому направлению, решается в образовательном процессе, начиная с первого курса. В соответствии с учебным планом они изучают ряд дисциплин: «Введение в профессиональную деятельность», «Поликультурное образование», «Психология развития» и другие, которые включают сведения о педагогической профессии, учителе, об отношении общества к нему, возможности развития субъектов педагогического процесса и т. д.

Мы считаем, что в ходе освоения содержания педагогического образования должно осуществляться развитие «интегральных личностных характеристик: направленность, компетентность, гибкость» [4, с. 13–14], основанных на принятии педагогической профессии как ценности. В связи с этим в качестве одного из условий становления педагогической идентичности студентов является целенаправленное формирование их ценностного сознания.

В данном контексте ценностное сознание понимается «как условие восприятия и отражения многообразия ценностей» поликультурного социума, оно формируется и «меняется через овладение ... методами диалогического познания действительности, начинающееся с осознания того, что мир полифоничен и разнообразен, что существует множество истин, среди которых можно найти позволяющие понять себя и других людей, их приоритеты и особенности видения бытия» [1, с. 63].

Следует отметить, содержание ценностного сознания, его механизмы и структуры формируются не столько в процессе познания теории дисциплин, сколько в большей мере в ходе выполнения практико-ориентированных заданий, ролевых и деловых

игр, проблемных ситуаций, приближенных к будущей профессиональной деятельности, а также собственно в различных видах педагогических практик [9], где имеется возможность вступать во взаимодействие, анализировать и оценивать свою деятельность. Только в учебно-профессиональном сотрудничестве с преподавателями вуза и сокурсниками, педагогами организаций образования, детьми и их родителями будущий педагог может приобщиться к профессиональной деятельности, что является важным условием смыслообразования, формирования ценностного отношения к профессии, развития способности к реализации ценностного сознания.

Существенно обогащает процесс обучения и становления педагогической идентичности воспитательная работа со студентами. На выпускающей кафедре утверждена и реализуется Программа профессионального воспитания «Я-педагог» (Л. Т. Ткач).

Программу профессионального воспитания мы рассматриваем как концептуальную основу, позволяющую управлять созданием условий для саморазвития обучающихся. В её содержании показана значимость педагогической деятельности, определены требования к педагогу, целевые (по годам обучения) ориентиры, направления и возможные формы воспитательной работы, что предполагает свободу выбора, самостоятельность, творчество и сотрудничество преподавателей и студентов. Программа дополняет плановую воспитательную работу университета, факультета своей профессиональной направленностью.

Например, в университете и на факультетах традиционно с первокурсниками проводится «Посвящение в студенты». Дополнительно к этому мероприятию выпускающая кафедра дошкольного, специального образования и педагогического менеджмента проводит встречу «Давайте познакомимся». Эти встречи проходят каждый раз по-разному в зависимости от профиля подготовки, индивидуальных способностей студентов, их замыслов, позиции куратора и т. д. Но основная идея встреч состоит в том, чтобы студенты знали: кто с ними работает и будет работать на протяжении обучения в вузе, как преподаватели пришли в профессию и развивались в ней, и самое главное, что «не боги горшки обжигают», а только собственным трудом можно добиться успеха.

Обязательным структурным компонентом дисциплины «Поликультурное образование» выступает образовательный проект «Народоведение Приднестровья». Он является открытым, состоит из конкретных дидактических проектов, решает триединую задачу поликультурного педагогического обучения, воспитания и развития [3]. Участие студентов в нем обязательно, а выбор темы, видов деятельности, способов презентации регламентируется содержанием профиля подготовки, необходимостью удовлетворения потребности в профессиональной персонализации, трансформации приобретаемого знания в профессионально-значимые умения и навыки на основе «личностно-смысловой деятельности» [8]. В 2018–2019 учебном году студенты стали участниками дидактического проекта «Педагог в мире культуры», что позволило им расширить представления о педагогической профессии, продемонстрировать собственное понимание требований, предъявляемых к ней в процессе создания одноимённого устного журнала как итога проектной работы.

В заключение следует подчеркнуть, что процесс становления педагогической идентичности, как и любой другой процесс, должен быть управляемым. В качестве средств управления выступают нормативно-правовые источники, регулирующие образовательный процесс в вузе, содержание образования, технологии профессиональной подготовки. Важными и определяющими условиями успешности данного процесса являются: взаимосвязь содержания базового и профильного образования, профессионального обучения и воспитания, использование профессионально ориентированных педагогических технологий, предполагающих проявление самостоятельности студентов и требующих рефлексии собственных достижений.

Список литературы

1. Гелло Т. А. Полинациональный фольклор: разное звучание – общая духовность // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (37). – С. 62–67.

2. Гукаленко О. В. Теоретико-методологические основы педагогической поддержки и защиты учащихся-мигрантов в поликультурном образовательном пространстве. Тирасполь, «Б. и.», 2000. – 288 с.

3. Гукаленко О. В., Ткач Л. Т., Панова Л. Д. Подготовка будущих учителей к профессиональной деятельности в поликультурном образовательном пространстве // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2018. – Т. 1, № 3 (50). – С. 153–163.
4. Митина Л. М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования: монография. – М.; СПб.: Нестор-История, 2014. – 376 с.
5. Теоретические основы содержания общего среднего образования / под ред. В. В. Краевского, И. Я. Лернера. – М.: Педагогика, 1983. – 352 с.
6. Ткач Л. Т. Подготовка студентов к формированию у дошкольников способностей к усвоению культуры изобразительного творчества: Педагогика высшей школы: учеб. пособие: Тирасполь: РИО ПГУ, 2001. – 87 с.
7. Ткач Л. Т. Подготовка будущего педагога к деятельности в поликультурном образовательном учреждении: дис. ... канд. пед. Наук: 13.00.08. – Ростов н/Д, 2002. – 170 с.
8. Ткач Л. Т., Марачковская О. Л. Развитие личностно-смысловой деятельности студентов средствами поликультурного содержания педагогического образования // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2016. – № 5. – С. 101–108.
9. Ткач Л. Т., Гелло Т. А. Реализация системного подхода при отборе содержания практической подготовки в магистратуре // Бизнес. Образование. Право. – 2018. – № 1 (42). – С. 273–278.
10. Ткач Л. Т., Кучерявенко В. И. Становление профессиональной идентичности в процессе освоения поликультурного содержания педагогического образования // Личностно-профессиональное и карьерное развитие: актуальные исследования и форсайт-проекты / под ред. Л. М. Митиной. – М.: Издательство «Перо», 2018. – С. 244–246.
11. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: Монография. – М.: МОСУ, 2001. – 272 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psychlib.ru/mgppu/sh1/SH1-003-NTM#§p3> (дата обращения: 03.04.2019).

ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ NATURAL AND SOCIAL IN THE PERSON

УДК 1/14,16

Игорь Константинович Лисеев,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт Философии РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: lik6841@mail.ru

Философия человека сквозь призму природных и коммуникативно-экологических факторов его бытия²

Рассмотрение философии человека предлагается проводить не только на основании традиционных социо-гуманитарных составляющих, но сквозь призму природных и коммуникативно-экологических факторов его бытия. Показывается, что эти факторы также играют существенную роль в современном понимании человека.

Ключевые слова: человек, философия человека, природные и коммуникативно-экологические факторы

Igor K. Liseev,
Doctor of philosophy. Sciences,
Professor,
Chief researcher,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
e-mail: lik6841@mail.ru

Human philosophy through the prism of the natural and communicative-ecological factors of its being³

Consideration of human philosophy are encouraged to not only based on traditional socio-humanitarian components, but through the prism of natural and

² Исследование поддержано РФФИ Проект № 19-0011-00383/19 «Био- и эко-философия в современной культуре»

³ Research supported by RFBR Project № 19-0011-00383 / 19 “Bio-and eco-philosophy in modern culture”

environmental factors of communicative-its existence. It is shown that these factors also play a significant role in the modern sense of l'homme.

Keywords: man, human, natural philosophy and communicative-environmental factors

По философскому осмыслению человека написаны ныне многие сотни, если не тысячи книг. Нет числа конференциям, конгрессам и симпозиумам, посвящённым обсуждению этой темы. И все же... проблема так, в целом, и не раскрыта и, скорее всего, никогда не будет окончательно решена. Человек как был, так и остаётся, вечной неразгаданной тайной, и никакая философская рефлексия её до конца не познает. Можно внести лишь некоторые нюансы в понимание проблемы философии человека, в частности, посмотрев на её постановку и развитие в контексте природных и коммуникативно-экологических составляющих реального бытия человека. Это не такой уж частый заход в традиционном обсуждении темы. Кроме того, заход рискованный, поскольку он сразу может быть обвинён в очередной натурализации или биологизации проблемы. Однако представляется, что, без серьёзного, глубокого обсуждения роли названных факторов в формировании современной концепции философии человека, она не только не может быть достаточно полной, но будет существенно не соответствовать реальным требованиям нашего времени.

Понимание человека как биосоциального существа, прочно утвердившееся в нашей литературе, с современных позиций формирования философской концепции человека, представляется явно ограниченным и недостаточным. Единство и, одновременно, альтернатива биологизаторских и социологизаторских взглядов на природу и сущность человека, определявшая характер дискуссий последних лет по проблемам философии человека, во многом вызывалась спецификой и особенностями наук, изучающих человека с позиций его природных или общественных характеристик. Общественные и естественные науки в последние годы в условиях интенсивно развивающейся научно-технической революции, накопили огромный фактологический материал, который может быть плодотворно использован в фор-

мировании современной философской концепции человека. Однако, в силу традиционного социологизаторского консерватизма нашей философской мысли, вклад этих двух направлений научной мысли в развитие и обогащение философии человека оказывается весьма разным. При глубокой проработке социокультурных оснований формирующейся современной философии человека, анализ традиционных и новых, раскрытых в последние годы, природных факторов, детерминирующих бытие человека, явно недостаточен.

Кроме того, ряд факторов, необходимых для использования в философско-рефлексивном исследовании человека, до сих пор практически не рассматривается. Это, прежде всего, относится к анализу коммуникативно-экологических составляющих реального бытия человека, интересно представленных в успешно развивающихся ныне таких направлениях «большой экологии», как экология человека, социальная экология, глобальная экология.

Наконец, даже при достижении равнозначного уровня исследования этих двух групп факторов – социокультурных и природно-биологических, мы сталкиваемся с их определённой дизъюнктивностью, рядоположенностью, отсутствием возможностей и оснований для синтеза.

Поэтому с необходимостью философско-рефлексивное рассмотрение природы и сущности человека с современных позиций должно включать следующие моменты. Новое понимание мира, складывающееся в эпоху становления и расцвета конвергентных технологий. Новое понимание функционирования человека в условиях информационного общества. Основные направления и концептуальные основания формирования новой парадигмы взаимодействия общества и природы. Пути становления экологической культуры человека в современном обществе. Философский анализ герменевтического исследования взаимодействия природы, человека и общества.

Представляется, что глубокое осмысление и разработка всех названных подходов может привести к пониманию путей и направлений их синтеза, их взаимопроникновения, взаимодополнительности, что существенно обогатит философскую концепцию человека.

В своё время, основатели социобиологии Ч. Ламсен и Э. Уилсон провидчески подчеркнули: ни гены, ни культура, отдельно взятые, не могли породить человеческого разума. Он является результатом компактного соединения генетической эволюции и культурной истории [3]. С этим положением нельзя не согласиться и сейчас. Но почему же тогда в современной западной литературе, посвящённой человеку, вновь начинают доминировать именно естественно-природные предпосылки формирования его бытия?

Видный современный издатель и популяризатор науки Джон Брокман в этой связи писал, что учёные, занятые естественно-научным изучением человеческой природы, сейчас преобладают над теми, кто занимается изучением социальной активности и человеческой культурой, независимо от их биологических основ» [2, с. 372–375]. При этом, он не только констатирует данное, но и ссылается на соответствующие исследования Роя Баумайстера, который полагает, что культура – это биологическая стратегия человечества; Пола Блума, говорящего, что люди рождаются с уже встроенной в них моралью, Джонатана Хайдта, утверждающего, что нравственность – это социальный конструкт, развившийся на материале врождённых психологических категорий, и других учёных, развивающих подобные же взгляды.

Да, безусловно, все названные здесь исследования и направления отражают современный уровень развития представлений о сложной, многоуровневой дифференциации взглядов на природу человека. Но это только подчёркивает, что поиск новых синтетических подходов невозможен без обращения к глубокой философской рефлексии над проблемой. Многие годы данная позиция хорошо осознаётся в отечественном философском осмыслении проблем биофилософии.

Так, например, Р. С. Карпинская, в своё время писала: «...философия человека пронизывает весь круг вопросов, охваченных биофилософией. В зависимости от того, каким образом понимается природа человека, интерпретируется и его место в живой природе, в природе в целом, мера его ответственности за сохранение жизни на Земле. Именно учёт глубинных оснований человеческого бытия, человеческого жизнепрживания, позво-

ляет нам говорить о причастности человека ко всему живому, о единстве живого на Земле. Философия жизни, как одно из проявлений постоянного интереса философии к проблеме человека, обретает как бы новое дыхание, прежде всего, потому, что располагается в новом теоретическом пространстве, вбирающем в себя не только когнитивные, психологические, нравственные стороны жизни человека, но и природно-биологические» [1, с. 231].

При этом чрезвычайно важно теоретически осознать не только факт присутствия в проблематике философии человека личностных, духовных, психологических, социальных составляющих и наряду с ними составляющих природных, биологических, но и увидеть их глубинное единство, взаимосоразмерность, взаимовлияние.

«Никакие “комплексные исследования человека”, – пишет далее Р. С. Карпинская, – не продвинут вперед понимание его природы, если эти исследования не обретут единую концептуальную базу, признающую равноправие телесного и духовного как объектов теоретического, философского мышления. В том, повторим, и состоит тупиковость ситуации с “биологическим и социальным в развитии человека”, что их разделённость обрекает на невозможность воссоединения» [1, с. 233].

Преодолеть эту дихотомию окажется возможным лишь тогда, когда будут выявлены непосредственные каналы взаимовлияния этих двух важнейших составляющих нашего бытия. На предшествующих этапах развития науки и практики увидеть это оказывалось достаточно сложно. Но современный уровень и научно-технического развития, и философско-когнитивного методологического анализа даёт всевозрастающее число примеров такого рода. Взаимодействие современной генетики и эпигенетики, медицины, физиологии ВНД, психологии демонстрируют всё возрастающее понимание взаимообусловленности телесного и духовного, природного и социального.

В своё время развитие генетических исследований привело к революционным изменениям в биологии, показав чёткий и однозначный механизм генетического наследования признаков. Развивающаяся эпигенетика изучала изменения, происходящие в онтогенезе, но не передающиеся по наследству. Однако, ныне

в биологии всё увереннее говорят о эпигенетическом наследовании и его механизмах: метилировании ДНК, геномном импринтинге и т. д. Всё это свидетельствует о возможности появления наследственных изменений фенотипа без изменения генотипа. То есть, роль средовых факторов также оказывается значимой. В медицине говорят, что в понимании механизмов возникновения болезней – только 20 % напрямую связаны с соматическими факторами. Остальные же – с психосоциальными детерминациями. Психологи и нейрофилософы склоняются к тому, что первичным компонентом в принятии психических решений является не сознание, а мозг.

Все эти факты ведут к осознанию того, что методологические регулятивы, заложенные в понимание того, что из себя представляет природа человека, пожалуй, уже отстают от фактов, добытых современным естествознанием. А в философии хорошо известна инновационная роль таких методологических установок. Они могут выполнять порождающую функцию, ориентируя на приращение научного знания. Но могут выступать и как некоторые запреты, ограничивающие возможность инноваций.

Поэтому представляется, что в современных условиях, в эпоху наступления конвергентных технологий, в ситуации развития четвёртой промышленной революции, стирающей грани между социальной, физической, цифровой и биологической сферами стоит задача вновь обратиться к регулятивам, определяющим формирование философии человека, сделав их более адекватными сегодняшнему многоуровневому, нелинейному пониманию человека.

Список литературы

1. Карпинская Р. С. Биофилософия – новое направление исследования // Философия биологии в новом диалоге с природой. – М.: ИФ РАН, 2018. – С. 231–235.

2. Мышление. Ведущие ученые о том, как мы делаем выбор, решаем задачи и прогнозируем будущее // AST Hablshers. Под ред. Джона Брокмана. – 2018. – 319 с.

3. Charles J. Lumsden, Edward O. Wilson. Promethean Fire. Harvard University Press, 1983. – 216 p.

Владимир Тимофеевич Новиков,

кандидат философских наук,

доцент,

доцент кафедры философии и методологии науки,

Белорусский государственный университет,

г. Минск, Беларусь,

e-mail: novikovvt@tut.by

Ольга Владимировна Новикова,

кандидат философских наук,

доцент,

доцент кафедры философии и методологии науки,

Белорусский государственный университет,

г. Минск, Беларусь,

e-mail: mod@tut.by

**Диалектика объективного и субъективного
как методологическое основание исследования
феномена человека**

Предметом исследования является проблема экспликации особенностей методологии изучения человека как субъекта социальной деятельности. В статье обращается внимание на три аспекта взаимосвязи объективной и субъективной сторон человеческой деятельности – онтологический, эпистемологический и праксеологический. В рассмотрении темы авторы использовали материал истории философии, культурологии, социологии, психологии.

Ключевые слова: человек, деятельность, знание, синкретизм, конструктивизм, превращённые формы, символ

Vladimir T. Novikov,

Candidate of Sciences (Philosophy),

Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of

Science

Belarusian State University,

Minsk, Belarus,

e-mail: novikovvt@tut.by

Olga V. Novikova,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of
Science
Belarusian State University,
Minsk, Belarus, e-mail: mod@tut.by

Dialectics of objective and subjective as methodological foundation of the research of human phenomenon

The article is devoted to the problem of explication of the methodological specificity in studying of human as the social subject. The issue is focused on the three aspects in the correlation between the objective and subjective parts in human social activities such as ontological, epistemological and praxeological aspects. The authors draw on the sources of history of philosophy, culturology, sociology, psychology.

Keywords: human, activity, knowledge, syncretism, constructivism, converted forms, symbol

В Универсуме, по крайней мере, в известной нам его части, человек является единственным существом, бытие которого характеризуется соотношением естественного и социального, и которое также можно рассматривать на основе использования понятий объективного и субъективного. Это представляется правомерным, поскольку как сам человек является биопсихосоциальным существом, так и общество, членом которого он является, по своей сущности выступает как объективно-субъективная реальность, в которой человек посредством деятельности достигает выполнения своих замыслов в процессе объективации поставленных целей. Суть проблемы в следующем: какова корреляция объективного и субъективного в деятельности человека, который предстаёт в качестве специфического субъекта Универсума?

В осмыслении этой проблемы можно выделить три аспекта. Первый – онтологический, характеризующий диалектику объективного и субъективного в объектах действительности, с которыми имеет дело человек в повседневной жизни, задаваясь вопросом о том, какова природа этих объектов? В этой связи вслед за

П. Рикёром, отметим, что понимание бытия не репрезентировано категориями субстанции и формы, но его можно рассматривать как действие. В числе четырёх сфер представлений о «человеке могущем» он выделяет его «способность быть субъектом действия, рассматривать самого себя в качестве автора собственных поступков, то есть быть вменяемым» [13, с. 16], иными словами – способность к онтологическому конституированию личности. Второй аспект – эпистемологический, он связан с вопросом о соответствии знаний об этих объектах действительности, способе влияния творческого, конструктивного характера сознания на результаты познавательной деятельности и обретение истинного знания о них. Третий аспект – праксеологический, характеризующий влияние знания об этих объектах на социальную практику.

Относительно первого, онтологического аспекта проблемы необходимо отметить свойственный мифологическому мировоззрению и воспринятый философским сознанием древности синкретизм, проявившийся в органическом единстве объекта и знания о нем. В ранней древнегреческой философии этот синкретизм нашел отражение в понимании сущности бытия и присущ, в частности Пармениду, который в поэме «О природе» писал:

«Одно и то же есть мысль и бытие.

Слово и мысль бытием должны быть.

Одно и то же мысль и то, о чём мысль существует.

Ибо ведь без бытия, в котором её выраженьё,

Мысли тебе не найти» [12, с. 295].

Имманентное назначение синкретизма заключалось в помощи человеку адаптироваться и осваивать непонятный и потому воспринимаемый как чуждый и даже враждебный мир. Антропоморфизируя вызывающие страх природные явления, и используя механизм проекции, человек делал этот мир понятным, что давало возможность достижения гармонии между природным макрокосмосом и духовным «микрокосмосом» человека.

В последующем развитии античной философской мысли синкретизм «предмета мысли и мысли о предмете», объективного и субъективного начинает разрушаться, что отчётливо проявилось в новоевропейской философии. В ней эта тенденция выразилась в субстанциальном дуализме природы и *cogito* и, как

следствие, в функциональном дуализме мозга и психики человека, выразившемся в концепции психофизиологического параллелизма Р. Декарта. Она также свойственна философии И. Канта, с характерным для него противопоставлением природы, в которой действуют «чистые законы», и человека как «творца духовных ценностей». Наконец, разделение «единого» находит завершение в разделении наук на науки о природе и науки о культуре у В. Виндельбанда и Г. Риккерта, в дифференциации наук о природе и наук о духе у В. Дильтея.

Этот тренд, характеризующий метаморфозу философской традиции, отметил русский религиозный философ С. Л. Франк, который констатировал, что, «современное сознание в отличие от античного – до самых последних своих корней проникнуто глубочайшей двойственностью: двойственностью между миром природы и миром культуры, между сферой слепой, безжизненной и бездушной естественной закономерности, которая объемлет макрокосм, и сферой разума, целей и ценностей, которая образует микрокосм» [14, с. 157].

В истории философской мысли традиция «разделения единого» как диалектического противоречия объективного и субъективного существует в нескольких теоретико-методологических версиях. Одна из них представлена в лежащем в основе мировой схематики Г. Гегеля принципе тождества бытия и мышления. В его концептуальной системе сфера Духа как сфера бытия человека и общества выступает в качестве области инобытия Мировой идеи. Эта традиция нашла воплощение также в концепции превращённых форм сознания К. Маркса, характеризующей онтологические аспекты взаимосвязи объективного и субъективного миров человека. У него такой превращённой формой сознания, воплощённой в отчуждённых от человека результатах его духовной активности, является гражданское общество, в котором в объективной форме представлен присущий буржуазному обществу дух наживы. В качестве формы превращённого сознания выступают также идеология, которая нацелена на обоснование и защиту института капиталистического государства, и религия. Последняя имеет статус превращённой формы сознания, поскольку «является не чем иным, как фантастическим отражени-

ем в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» [15, с. 328].

В постклассической философии анализируемая проблема нашла освещение в феноменологической философии. Её суть проявляется в позиции Э. Гуссерля, для которого предметом познания является «вещь», как онтологическая данность, бытие которой определяется единством объективного и субъективного в знании об изучаемой действительности. Его философско-методологическую позицию отражают следующие слова: «Конечно, физическая природа принадлежит к числу явлений, которые изучает историк, исследователь духа культуры; в нашем примере это природа Древней Греции. Это не природа в том смысле, как она понимается естественной наукой; это природа в том смысле, какой придавали ей древние греки, представшая их взору природная реальность окружающего мира. Яснее сказать, исторический окружающий мир греков – это не объективный мир в нашем смысле, это их «миро-представление», т. е. их собственная субъективная оценка мира со всеми важными для них реальностями, включая богов, демонов и пр.» [6, с. 300].

Действительно, человек действует осмысленно, а его действия можно характеризовать как поступки, если они являются индивидуально и социально значимыми. Как следствие, в итоге взаимодействия и общения людей создается социальная реальность как мир, созданный в процессе деятельности человека и взаимодействия людей, а их результаты обладают онтологическим статусом и имеют знаково-символический характер. Таким онтологическим статусом наделяется социальная реальность в концепциях символического интеракционизма и социологии знания.

Так, согласно основоположнику концепции символического взаимодействия, Дж. Г. Миду, если общество как объективная реальность существует до рождения на свет конкретного человека и человек, чтобы существовать в ней, должен адаптироваться путем социализации, то общество как социальная реальность предстаёт как процесс жизнедеятельности людей и творится людьми. Они преследуют определённые цели, реализуя свои потребности

сти, интересы и целевые устремления. При этом, практическая деятельность субъекта оказывается опосредованной актами символических интерпретаций и детерминируется личным и социально-культурным опытом поколений, так и перспективы действий человека. Но поскольку человек – не «социальный атом», постольку общество являет собой поле взаимодействия субъектов посредством знаков и символов. Причём в нашем многоликом обществе человек координирует свои действия, как правило, со многими людьми, поэтому в качестве его визави выступает «обобщенный другой». В итоге символическая коммуникация из формата межличностных связей переходит в формат обезличенных общественных отношений.

Как отмечалось ранее, конструктивная природа общества, которое хотя существует объективно, но, в то же время, есть человеческий продукт [2, с. 102], стала предметом рассмотрения также в школе современной «социологии знания», обратившей внимание на неправомерность абсолютизации роли объективных законов социодинамики. Подобная сциентистская интерпретация, по мнению создателей этой школы, придаёт развитию социума обезличенный и фаталистический характер. Но, если мы принимаем в качестве методологической установки тезис о том, что общество является по своей сути не объективно-материальной, а объективно-субъективной реальностью, то должны признать, что социальная реальность действительно зависит от сознания людей. Эта реальность целенаправленно конструируется ими в их деятельности на основе определённых значений – знания об обществе не просто отражают и репрезентируют реальность, а способны объективироваться и через материально-преобразующую деятельность изменять её.

Тем самым, для данной концепции характерно понимание онтологии общества как объективно-субъективной реальности с артикуляцией творческой роли её субъективной компоненты – сознательной деятельности индивида. Результатом этого творчества становится создание имеющего знаково-символическую природу и характеризующегося диалектической противоречивостью мира культуры, причём эта диалектическая противоречивость определяется внутренней противоречивостью самих

символов, на что обратил внимание А. Ф. Лосев. По его словам, символ являет собой «субстанциональное тождество бесконечного ряда вещей, охваченных одной моделью», которым присуще единство, обусловленное синкретизмом объективного и субъективного компонентов в структуре самого символа. Оно состоит в том, что «смысл вещи есть <...> сама же вещь, но только взятая в тождестве сама с собой, а поскольку отождествлять можно только то, что различно, то смысл вещи есть сама же вещь, но взятая в то же время и в различии с самой собой» [9, с. 51]. Иными словами, общество является создаваемой людьми знаково-символической реальностью, понимание особенностей бытия которой требует учёта специфики онтологии самого символа. Смысл же символа, согласно греческому определению, – быть разделением единого и единением двойственности [16, с. 777].

В современной философии, эта проблема, в частности, нашла отражение в рассмотрении специфического статуса современного города как центра знаково-символического производства в условиях цивилизационной динамики. Так Ж. Бодрийяр характеризует своеобразие данной деятельности следующим образом: «Его суть – заочение в форме/знаке – повсюду. Он весь представляет собой гетто телевидения, рекламы <...> Теперь все разобщены и безразличны под властью телевидения и автомобиля, под властью моделей поведения, запечатлённых во всём – в передачах масс-медиа или же в планировке городов. Все выстроены в ряд, и каждый бессознательно отождествляет себя с умело расставленными направляющими симулятивными моделями» [3, с. 157].

Столь же категоричное отношение к рассматриваемой проблеме, правда с концептуальными нюансами, свойственно М. Фуко и Ж. Делёзу, внесшим заметный вклад в развитие философии структурализма и постструктурализма. В частности, М. Фуко, говоря о начавшемся у древних греков процессе субъективизации, и характеризуя его особенности, не сводит их к деятельности самого субъекта и, более того, говорит о «смерти субъекта». Характеризуя эту позицию, и, по сути, разделяя её, Ж. Делёз пишет: «Глупо утверждать, что Фуко заново открыл или снова ввёл потаённого субъекта, после того как он его от-

верг. Субъекта нет, есть лишь порождение субъективности: субъективность ещё необходимо было произвести, когда для этого пришло время, именно потому, что субъекта не существует» [7, с. 13].

Таким образом, можно сделать вывод, что не только в классической, но и в постклассической философии в качестве одного из трендов развития философской мысли выступает возрождение феномена «Единого», в котором в дисциплинарных онтологиях научной картины мира представлены объективный и субъективный компоненты социального бытия.

Второй аспект рассматриваемой проблемы – эпистемологический, касается принципиальной возможности получения объективно-истинного знания о социальных явлениях. При этом значимой становится дилемма реализма и конструктивизма в определении методологического статуса гносеологического объекта, который требует специального пояснения.

Традиционная для классической философии субъект-объектная модель обладает своеобразием, состоящим в том, что предметом гуманитарных наук является, по образной характеристике М. М. Бахтина – «выразительное и говорящее бытие» [1, с. 228]. Конечно, социально-гуманитарное познание мы можем квалифицировать как субъект-субъектное отношение, имея в виду, что в отличие от естественнонаучного познания, оно предполагает изучение поступков людей, результаты их деятельности, которые имеют статус артефактов, а интересы и ценностные ориентации людей с необходимостью влияют на результаты познания. Вместе с тем в этой модели упускается из виду, что познание, как творческая деятельность обязательно предполагает инициацию со стороны мотивированного субъекта, выражающуюся, в частности, в выборе объекта, определении цели и постановке задач познания, контроле над его ходом и, при необходимости коррекции, и т. п. Естественно, что объектом познания может становиться и тот, кто осуществляет познание, но в этом случае это будет уже иная познавательная деятельность, с иными целями и задачами.

По нашему мнению, субъект-объектная модель социогуманитарного познания релевантна его цели и задачам, но имеет

специфику, которая предполагает дифференциацию используемого категориального аппарата. Речь идёт о различении смысловой нагруженности и функционального назначения понятий гносеологического субъекта – исследователя и субъекта социального действия – актора, последствия деятельности которого, познаёт исследователь. При этом субъект познания стремится понять смысл поступков субъекта социального действия, а также влияние традиций и идеалов, характерных для общественных условий, в которых живёт (или жил человек), с тем, чтобы интерпретировать его поступки в контексте свойственных его историческому времени ценностей. В итоге, исследователь получает возможность отстранения (дистанцирования) и остранения объекта, – возможность его «огранки», в итоге которой в социальных явлениях проявляются ранее скрытые свойства [10, с. 44]. Поэтому, можно говорить о такой специфической для социального познания особенности, как его диалогическая природа.

Можно выделить три основные трактовки диалектики объективного и субъективного в познании и, соответственно, их репрезентации в знании. Сущность первой трактовки представлена в идущей от Аристотеля классической концепции истины, из которой следует принципиальная возможность достижения знания, адекватного объекту. В современной эпистемологии такая позиция разделяется сторонниками методологии гносеологического реализма, в которой интересующая нас проблема, по сути, не решается, и чревата опасностью реставрации созерцательности познания.

Вторая трактовка взаимосвязи объективного и субъективного компонентов в деятельности человека и их влияния на характер получаемого знания обусловлена абсолютизацией роли субъективной стороны данного диалектического единства, что объясняется приданием процессу интерпретации в познании действительности значения основного институционального фактора. Сущность этой позиции заключается в принятии в качестве установки положения о том, что наши знания о социальных фактах являются интерпретациями, а социальные процессы следует рассматривать в качестве сети интерпретаций. Такая

трактовка рассматриваемой проблемы свойственна методологии радикального конструктивизма, которая ведёт к инструменталистскому пониманию сущности научного знания, выраженной в следующих характеристиках научной теории классиками экономической науки. В частности, по словам А. Маршалла, научная теория – «это не совокупность конкретных истин, а мотор, предназначенный для того, чтобы открывать такие истины», а согласно метафоре, Дж. Робинсон, теория – это «ящик с инструментами» [Цит. по: 14, с. 391, с. 393].

Сторонники третьего решения проблемы диалектики объективного и субъективного в достижении знания стремятся избежать радикализма в социальной эпистемологии. Признавая важную роль конструктивного потенциала сознания человека и его влияния на познавательную деятельность, они, вместе с тем, исходят из важности учёта методологии реализма, со свойственным ему принципом адекватности знаний действительности.

Исходным для данного подхода является понимание очевидности того, что без создания теоретических конструктов невозможно теоретическое обществознание, подобно тому, как естественные науки немислимы без использования идеальных и идеализированных объектов. Речь идёт, в частности, об использовании конструктов, названных М. Вебером, идеальными типами, в социологических, исторических, политических науках. В этой связи обратим внимание на то, что введение конструктивным путём таких идеализированных объектов, как «идеальное государство», «цивилизация», «общественно-экономическая формация» и осуществление процедур мысленного эксперимента способствовали созданию ставших классическими концепций в обществознании.

Эта методологическая позиция характерна для умеренного конструктивизма, который фиксирует в социальном познании важную роль обеспечивающей достижение адекватности знания об объекте оригиналу репрезентации и, вместе с тем, основанных на использовании знаково-символических средств конструктивной деятельности. Следовательно, данная трактовка диалектики объективного и субъективного компонентов в системе научного

знания нацелена на достижение их гармонии, учитывающей субстанциональное понимание общества как объективно-субъективной реальности.

Третий аспект проблемы диалектики объективного и субъективного в общественном знании – праксеологический, в котором интерес представляет процесс объективации достигнутого знания и его влияния на социальную практику человека и общества в целом. Объективация как процесс превращения результатов духовной, субъективной деятельности в материально-практическую, преобразующую деятельность, используя психологическую терминологию, обуславливается возможностями экстернизации, понимаемой как переход от умственного, идеального плана действия к внешнему действию с объектами действительности. Используя категориальный аппарат философии марксизма, можно говорить об опредмечивании знания, его воплощении в практически значимом результате.

В качестве иллюстрации процесса объективации субъективных феноменов человеческой активности, сошлёмся на известную в социологии теорему Томаса. Смысл ее в следующей максиме: «В случае если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям». Американский социолог У. Томас следующим образом поясняет эту, ставшую знаковой, установку в изучении поведения человека: в Нью-Йорке параноик, убил несколько человек только за то, что они имели привычку бормотать что-то про себя. Гуляя по улице и наблюдая за несчастными, он предполагал, что они его всячески поносят нехорошими словами, и вёл себя так, будто это соответствовало действительности. Иными словами, он определял ситуацию как ситуацию реально оскорбительного по отношению к нему поведения со стороны окружающих, и она оказывалась реальной по своим последствиям. Характеризуя философско-психологические основания данной максимы, современный российский социолог Л. Г. Ионин приходит к заключению, что эта концепция есть попытка понять, как субъективный смысл превращается в объективные факты [8, с. 65].

Ссылаясь на данный принцип и конкретизируя возможности реального влияния субъективного фактора на события и явления общественной жизни, один из создателей американской теоре-

тической социологии Р. Мертон обращается к событиям периода «Великой депрессии» в США. Опираясь на основанную на историческом материале «социологическую притчу», он говорит о том, что в 1932 г. последний из оставшихся национальных банков был процветающей организацией и его президент мог с полным правом гордиться им. Однако ситуация радикально изменилась в один день. В этот день, войдя в банк, президент банка заметил необычное оживление, что показалось ему странным, поскольку работникам находящихся неподалеку предприятий заработная плата обычно начислялась позже. Тем не менее, в помещении было два десятка людей, которые выстроились в очередь перед окошком кассира. Занявшись работой над документами, он начал ощущать вторжение чего-то необычного: негромкий гул банковской работы сменился вызывающими раздражение громкими возгласами. Это стало началом «черной среды» – последней среды национального банка. Президент банка, отмечает Р. Мертон, никогда не слышал о теореме Томаса, но отдавал себе отчёт, что, несмотря на относительно хорошее финансовое положение, слухи о банкротстве, когда в них верит достаточное число вкладчиков, могут привести к действительному краху банка. И когда к концу дня очереди вкладчиков, стремившихся вернуть свои средства, значительно выросли, оказалось, что он был прав.

Эта притча, заключает Р. Мертон, показывает, что общественные определения ситуации, будь то пророчества или предсказания, становятся неотъемлемой составляющей ситуации и влияют на последующие события [11]. Надо отметить, что такое преобразование субъективного состояния в объективное действие получило обоснование также в социопсихологии, в которой Р. Мертоном в 1948 году была разработана «теория самосбывающихся пророчеств». Её концептуальное ядро составляет идея о том, что «самосбывающееся пророчество является изначально неправильным определением ситуации, оно порождает другое поведение, приводящее к тому, что ложное представление становится правдой, в итоге ошибка превращается в правило». Эта особенность влияния субъективного состояния человека на его социальные действия, а, следовательно, на объективную ситуацию, коррелирует с ещё одной особенностью их диалектики – «эффектом самовнушения».

Смысл данного эффекта передаёт ставшая популярной в психологической литературе история под названием «Прогулки сэра Френсиса Гальтона». Английский антрополог и психолог Ф. Гальтон провёл над собой эксперимент, суть которого состояла в том, что перед выходом на прогулку он внушал себе: «Я отвратительный, меня ненавидят все». После нескольких минут концентрации на этом утверждении, которую можно было назвать самогипнозом, он отправлялся на прогулку. На первый взгляд, все было как обычно, но вскоре он начал ощущать на себе брезгливые и презрительные взгляды незнакомых людей. Большинство просто отворачивались в другую сторону от него, в его адрес несколько раз была высказана грубейшая брань. Когда учёный в порту проходил мимо грузчика, тот толкнул его локтем так, что сэр Гальтон упал в грязь. Показалось, что даже животные переняли враждебное к нему отношение. Проходя мимо запряженного коня, он получил удар в бедро копытом, после чего опять упал на землю. Гальтон сделал попытку получить сочувствие от прохожих, но услышал к своему удивлению, что очевидцы защищали жеребца. Учёный спешно пошёл домой, не дожидаясь более серьезных последствий его мысленного эксперимента. Эта история, как отмечают аналитики, наталкивает на два умозаключения: во-первых, что человек – это то, что он думает о себе, и, во-вторых, что окружающие чувствуют самооценку и душевное состояние человека [4]. В контексте же рассматриваемой нами проблемы, подчеркнём, что её анализ позволяет выявить новые аспекты взаимосвязи духовной и материальной деятельности, теории и практики, объективного и субъективного в деятельности человека.

Необходимо отметить, что процессы объективации результатов духовной деятельности отчётливо проявляются применительно как к отдельному человеку, малой социальной группе, так и обществу в целом. В частности, объективация результатов духовной активности людей, ведущая к серьезным изменениям в жизни общества, нашла отражение в историческом развитии социально-этнической структуры общества.

Эту особенность диалектики объективного и субъективного в социодинамике артикулировали в своих работах Э. Гелл-

нер, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон. Согласно им, нации возникают в период становления и укрепления индустриального общества, причём их возникновение является закономерным. Не игнорируя роль экономических и политических факторов генезиса нации, авторы данного теоретико-методологического подхода особое внимание уделяют социально-культурному развитию как решающему фактору этногенеза. Так, согласно Э. Геллнеру [5], в возникновении нации важную роль в качестве объективной предпосылки играет дифференциация культур различных этносов, с характерными для них обычаями и традициями.

С течением времени, интеллектуальная элита этноса, которую составляют авторитетные писатели, философы, учёные, формулирует основные положения национальной идеологии, которые потом популяризируются среди населения. Популяризация идей осуществляется средствами пропаганды и агитации, которые используют возможности их внедрения посредством печати, сценического искусства, символики, электронных СМИ. В итоге, в массовое сознание членов этноса инкорпорируются результаты деятельности творческой элиты, призванные сформировать у людей чувство общности, поскольку они осознают свою принадлежность к одной культуре и ощущают себя членами единого этнического организма и гражданами единого государства. Таким образом, отмечает Э. Геллнер, нации, абсорбируя человеческие убеждения, пристрастия и наклонности, заданы не актуально (заданы только их предпосылки), а потенциально, поскольку конструируются элитой этноса, являясь интеллектуальным конструктом. Это – результат осуществления, говоря языком автора, «политики национализма», преследующей цель сформировать общность людей, политические и этнические границы существования которой, совпадали бы. Речь, следовательно, идёт о формировании «нации-государства».

Таким образом, в анализе методологии исследования проблемы соотношения естественного и социального в обществе и человеке перспективным является использование диспозиции категорий объективного и субъективного. Особенностью рассмотрения феномена человека в данном ракурсе выступает также возможность артикуляции его статуса как субъекта деятельно-

сти с позиций системного подхода, предполагающего единство онтологического, эпистемологического и праксеологического аспектов. Анализ особенностей деятельности человека как целостного феномена позволяет лучше понять, что абсолютизация роли объективных закономерностей общественного развития порождает фаталистические настроения, способствуя культивированию пассивности поведения человека в обществе. В период перестройки в СССР, а после его распада в постсоветских обществах эти особенности общественного сознания во многом были связаны с отрицанием необходимости существования государственной идеологии и установкой на следование образцам развития Запада. Но не менее опасно, игнорируя объективные закономерности, делать ставку на волюнтаристическое решение существующих проблем, что способно обернуться как социальной апатией одной части общества, так нигилизмом, ощущением вседозволенности и попранием норм морали и права в погоне за прибылью другой части общества. Следовательно, условием сохранения стабильности общества является диалектика объективной и субъективной сторон активности человека в его познавательной и практической деятельности.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Academia-центр, Медиум, 1995. – 334 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет. – 2000. – 387 с.
4. Внушение и самовнушение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.istepup.ru/index.php/16-materialnoe-blagosostoyanie/intelekt/58-vnushenie-i-samovnuushenie> (дата обращения: 11.03.2019).
5. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс. – 1991. – 126 с.

6. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – 330 с.
7. Делёз Ж. Фуко. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – 172 с.
8. Ионин Л. Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. – М.: Наука, 1979. – 207 с.
9. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
10. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
11. Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.socioline.ru/pages/r-merton-samoispolnyayuscheesya-prorochestvo-teorema-tomasa> (дата обращения: 04.14.2018).
12. Парменид // Антология мировой философии. Т. 1, ч. 1. – М: Мысль, 1969. – С. 293–296.
13. Рикёр П. История и истина. – СПб.: Алетейя, 2002. – 400 с.
14. Философия социальных и гуманитарных наук. Учеб. пособие для вузов / под общ. ред. С. А. Лебедева. – М.: Академический проспект, 2006. – 912 с.
15. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения: в 50 т., Т. 20. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – 338 с.
16. Символ // Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. – С. 776–780.

*Надежда Михайловна Сараева,
доктор психологических наук,
доцент,
профессор кафедры теоретической и прикладной психологии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: saraiewa@mail.ru*

**Реализация принципа единства биологического
и социального в психике человека
в экпсихологическом исследовании⁴**

На примере изучения конкретной темы (жизнеспособности человека, постоянно проживающего в условиях экологического неблагополучия) в статье показано, как применение методологического принципа, указанного в заголовке, позволяет по-новому поставить психологическую проблему, расширить содержательные границы основного понятия, выявить новый ракурс исследования.

Ключевые слова: методологический принцип, биологическое и социальное, жизнеспособность, системное свойство, экологически неблагополучные условия

*Nadezhda M. Sarayeva,
Doctor of Sciences (Psychology),
Associate Professor,
Professor of the of Theoretical and Applied Psychology Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: saraiewa@mail.ru*

**Human's psyche in eco-psychological research: Realization
of the biological and social unity principle⁵**

The author shows how the use of the methodological principle stated in the title of the paper lets scientists raise a psychological issue in a new light, expand

⁴ Работа поддержана РФФИ, проект № 17-06-00151-ОГН «Изучение жизнеспособности молодёжного населения региона экологического неблагополучия (на примере школьников и студентов Забайкальского края)».

⁵ The work was supported by RFBR, Project № 17-06-00151- DHS «Youth Population Vitality Study in the Ecological Trouble Region (research analysis of Transbaikal students)».

the content scope of the main notion, reveal a new research perspective, which is based on the example of studying a particular research issue (resilience of man living in ecologically troubled environment).

Keywords: methodological principle, biological and social, resilience, system attribute, ecologically trouble conditions

Среди методологических основ психологической науки центральное место принадлежит принципу единства биологического и социального в психике человека. Его значимость особенно высока в таких относительно новых проблемных и предметных областях психологии, как экологическая психология (а внутри неё – психологическая экология). Здесь психика человека рассматривается как реальный продукт не только общества, но и природы, исследуется в единстве и взаимодействии с природной средой.

Для вхождения в проблему данной статьи вспомним некоторые общеизвестные положения.

1. Психику рассматривают как свойство мозга. Человеческий мозг – сложнейшее творение природы, вершина эволюционной лестницы. Одновременно он же – продукт социального развития человека. Мозг осуществляет отражательную деятельность, механизмы которой изучает биология – нейронауки. Предметом изучения психологии является содержание отражательной деятельности – то, что отражается (психические образы внешней реальности, внутренние состояния). По большому счёту, нельзя изучать психику, не учитывая биологическое состояние мозга.

2. Понятно, что психические процессы, состояния неразрывно связаны с нервной системой, с человеческим организмом в целом. Они не являются экстрацеребральными. Состояние психики зависит от состояния организма и наоборот.

3. Любое психическое явление представляет собой единство идеального и материального, психического и физиологического. Оно всегда, по сути, психофизиологическое явление, поскольку физиологические механизмы психического неотделимы от него.

4. Психические, психологические свойства – это системные свойства. Они не являются непосредственно присущими человеку, а возникают (порождаются), проявляют себя только в контексте его системных связей с природной и социальной средой.

Подчеркивая системный характер психических процессов, Б. Ф. Ломов отмечает, что человек как бы находится на пересечении многих разнопорядковых систем. «Попытки рассматривать психологические качества в отрыве от физической, биологической и социальной системы, к которым принадлежит человек, искать их основания в них самих неизбежно заводят в тупик. Однако, являясь специфическими качествами <...>, они не сводимы ни к физическим, ни к биологическим, ни к социальным (и ни к каким иным) качествам человека» [9, с. 39].

5. Обозначая такую перспективу развития психологии, как возвращение в неё целостного человека, А. Н. Леонтьев сначала выделяет «разные уровни изучения человека» [8, с. 231]: биологический, психологический и социальный, а затем оперирует с ними как с уровнями внутреннего «устройства» целостного (значит, системного) человека. На биологическом уровне «человек открывается в качестве телесного, природного существа ... на первом плане оказываются его биологические приспособления» [8, с. 231–232]. На психологическом уровне человек выступает как субъект одушевлённой деятельности. На социальном уровне человек проявляет себя как реализующий объективные общественные отношения. «Возвращение целостного человека в психологическую науку, однако, может осуществляться лишь на основе специального исследования взаимопереходов одних уровней в другие, возникающих в ходе развития», – пишет А. Н. Леонтьев [8, с. 232] и продолжает: «...мы имеем дело не с односторонним, а с двусторонним и к тому же спиралеобразным движением: с формированием высших уровней и “отслаиванием” – или переделкой – уровней нижележащих, в свою очередь, обуславливающих возможность дальнейшего развития системы в целом» [8, с. 233].

Психологический уровень по отношению к двум другим является интегративным, системообразующим. Способ его существования – гомеорез – формопорождение и самоорганизация (и адаптация, и развитие). Как писал Б. Ф. Ломов, «психологические свойства не сводятся (во всяком случае, полностью) ни к социальным, ни к биологическим и не находятся между ними

(или над ними). Однако их нельзя оторвать ни от тех, ни от других: психологические свойства как бы проникают и в социальные, и в биологические, связывая, “пронизывая” их определенным образом» [9, с. 36].

Социальное в человеке – это личностное в нём. Это системные качества второго порядка (системно-интегральные, высшие), которые, как известно, существуют по принципу гетеростаза – сверхадаптивной активности, выхода за пределы норм.

А. Н. Леонтьевым выдвигается «общий принцип», которому подчиняются межуровневые отношения: «наличнейший высший уровень всегда остается ведущим, но он не может реализовать себя только с помощью уровней нижележащих и в этом от них зависит» [8, с. 233].

Названные уровни, по сути, есть основа и результат включения человека в разные системы отношений с миром. На каждом уровне человек развёртывается в различных планах и обнаруживает качества, которые отсутствуют на других уровнях. Итак, психика – подсистема в организации целостного человека, существа и биологического, и социального.

Исходя из того, что целостный человек представляет собой (по А. Н. Леонтьеву) единство биологического, психологического и социального уровней его системной организации, можно говорить, что в его жизнедеятельности взаимосвязаны био-нейро-соматические и психические процессы, состояния, свойства. Существование этого единства невозможно вне взаимодействия с природной и социальной средой. И показатели психологического уровня не могут не меняться вслед за изменением экологических характеристик жизненной среды.

Исходя из приведённых выше основополагающих тезисов, давно имеющих статус аксиом, обратимся к реализации принципа единства биологического и социального в психике человека при разработке конкретной психологической проблемы – жизнеспособности человека, постоянно проживающего в условиях экологического неблагополучия природной среды.

Междисциплинарному понятию «жизнеспособность» долгое время отказывали в наличии психологического содержания,

делая акцент, прежде всего, на его биологической сущности. Лишь два с небольшим десятилетия назад психологи активно включились в разработку психологического аспекта понятия.

Понятие жизнеспособности в его психологическом значении введено в отечественную психологию Б. Г. Ананьевым при обсуждении вопросов продолжительности жизни и сохранения активности человека [1]. Он понимал жизнеспособность как общий энергетический потенциал, как общую способность человека к эффективному функционированию, определяющую уровень осуществления жизненных функций [2]. Уже в этом исходном понимании подчёркивается единство биологических и социальных характеристик жизнеспособности.

В зарубежной психологии проблема жизнеспособности начала разрабатываться с 60–70-х годов XX века, в отечественной – активно лишь в последние десятилетия. По мнению А. В. Махнач, чьи исследования были первыми, наиболее точно значению слова «жизнеспособность» соответствует значение английского термина «resilience» (гибкость, упругость, живучесть, устойчивость к внешним воздействиям). А. В. Махнач даёт следующее определение жизнеспособности: это «способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, способность к жизни во всех её проявлениях, способность существовать и развиваться» [10, с. 130].

Однако, большинство исследователей, работая в русле социально-психологического (А. В. Махнач [10], А. И. Лактионова [7], А. А. Нестерова [11]), системно-антропологического (Рыльская [13]) подходов, в число неблагоприятных включают только социальные жизненные обстоятельства, факторы и условия среды социальной (социокультурной). Соответственно рассматривается и структура жизнеспособности, операционализируется понятие. В качестве контекстов проявления жизнеспособности называют культуру, общество, отношения, индивидуально-личностный. К характеристикам жизнеспособности относят преимущественно личностные свойства. Так, по мнению В. Д. Шадрикова, жизне-

способность принадлежит к особому классу духовных способностей [16]. Согласно Е. И. Кузьминой, жизнеспособность является духовным потенциалом личности [6].

Для целей нашей работы – изучить жизнеспособность человека, родившегося и постоянно проживающего в условиях экологического неблагополучия, – такая трактовка понятия является недостаточной.

Прежде всего, и сам человек, и его жизненная среда не являются тотально социальными. Жизнедеятельность человека, состояние его организма, нервной системы, а значит, и психики, достаточно жёстко детерминирована факторами среды природной, которая как необходимый компонент тоже входит в его единую жизненную среду [17].

Являясь свойствами системы «человек – окружающая среда» (с чем согласно большинство современных исследователей), психические свойства – это продукт взаимодействия элементов системы, они зависят от средовых влияний и, по законам поведения системы, не могут не меняться вслед за изменениями среды. И конечно, не только социальной, но и природной среды. Серьёзное экологическое неблагополучие природной среды, таким образом, не может не сказаться на состоянии организма и психики человека, постоянного жителя экологически «загрязненной» территории.

Но если для медицины это вопрос решённый, и повышенная заболеваемость жителей регионов экологического неблагополучия не вызывает сомнений [4; 5 и мн. др.], то состояние психики здоровых людей этой категории – до сих пор предмет дискуссий, несмотря на довольно большое число исследований, доказавших, что показатели психической деятельности и детей, и взрослых, проживающих на экологически неблагополучных территориях, снижены в пределах нормы [3; 14 и др.]. Между тем, зная о единстве биологического и социального в человеке, о системной организации человека, о системном характере его взаимодействия с экологически неблагополучной жизненной средой, можно с уверенностью полагать, что и функционирование его психики подвергается изменениям.

Опираясь на обозначенные принципы и представления, мы считаем возможным поставить вопрос о специфике психологической жизнеспособности человека не только в осложнённых социальных, но и природных (в нашем случае, экологически неблагоприятных) условиях существования. Для разработки этой проблемы необходим и новый методологический подход. Им стал экопсихологический подход к развитию психики (В. И. Панов [12]), одним из основных требований которого является изучение психики в единстве с жизненной средой, природной и социальной.

Соответственно, и жизнеспособность человека как всякое интегральное психическое свойство (например, жизнестойкость, двойственную, биологическую и социальную, природу которого мы уже обсуждали в рамках данной конференции [15]) не может быть представлено лишь характеристиками высшего порядка (личностными чертами).

Общими биологическими основами жизнеспособности, в том числе и психологической жизнеспособности, являются энергетические процессы в организме человека и обмен веществом и энергией с окружающей средой.

Жизнеспособность понимается как заданная природой (энергетически обеспечиваемая) и развиваемая обществом сложная интегральная характеристика человека – свойство системы «человек – жизненная среда», обеспечивающее актуальный уровень психической деятельности в данных природных и социальных условиях. Это сложное био-психо-социальное явление, включающее в себя не только социальные (личностные) черты, но и характеристики «среднего этажа» психики, а также «механизменные» психофизиологические, нейропсихологические свойства.

Так, реализация методологического принципа единства биологического и социального в психике человека (вместе с принципом системности) позволяет расширить границы конкретного исследования, его проблемного и понятийного поля.

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
2. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 268 с.
3. Екимова В. И. Особенности психического развития школьников в условиях экологического неблагополучия: дис. ... докт. психол. наук: 19.00.13. – М.: РГБ, 2003. – 281 с.
4. Елизарова Т. В. Загрязнения окружающей среды и ее влияние на здоровье городского детского населения (на примере города Читы): автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.07. – Иркутск, 1997. – 21 с.
5. Исаева Р. Б. Особенности сочетанной хронической патологии у детей в экологически неблагополучных регионах Приаралья: автореф. ... дис. доктора мед. наук: 14.00.09. – М.: Научный центр здоровья детей РАМН, 2007. – 48 с.
6. Кузьмина Е. И. Самооценка – стержневая характеристика личности и детерминанта жизнеспособности // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 231–241.
7. Лактионова А. И. Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. – М., 2010. – 184 с.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
9. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
10. Махнач А. В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 459 с.
11. Нестерова А. А. Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы: дис. ... докт психол. наук: 19.00.05. – М., 2011. – 525 с.

12. Панов В. И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. – М.; СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014. – 304 с.

13. Рьльская Е. А. Психология жизнеспособности человека: дис ... доктора психол. наук: 19.00.01. Ярославль, 2014. – 446 с.

14. Сараева Н. М. Интеллектуальные и эмоциональные характеристики психики человека, проживающего на экологически неблагоприятной территории: дис ... докт. психол. наук: 19.00.01. М., 2010. – 431 с.

15. Сараева Н. М., Суханов А. А. Социальное и биологическое в жизнестойкости человека // VI Междунар. науч. конф. (Чита, 16–17 апреля 2015): сб. статей / Забайкал. гос. ун-т; под общ. ред. Н. Д. Субботиной, М. В. Приваловой. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 140–146.

16. Шадриков В. Д. Деятельность и способности. – М.: Логос, 1994. – 320 с.

17. Ясвин В. А. Психология отношения к природе. – М.: Смысл, 2000. – 456 с.

УДК 17:57:614.256

Валерия Николаевна Сокольчик,

кандидат философских наук,

доцент,

зам. председателя Комитета по биоэтике Республики Беларусь,

Белорусская медицинская академия последипломного образования,

г. Минск, Беларусь,

e-mail: vsokolchik@mail.ru

Социальные, этические и юридические проблемы в трансплантации органов и тканей: от биоэтики к правоприменению

Статья посвящена рассмотрению биоэтических проблем, связанных с трансплантацией органов и тканей. На материале пилотного проекта (опроса студентов Беларуси о знании правовых и этических вопросов трансплантации) и материале экспертизы закона Республики Беларусь

«О трансплантации органов и тканей человека», проведённой комитетом по биоэтике Совета Европы в 2019 г., автор анализирует социально-этические и правовые вопросы трансплантации органов и тканей с позиции биоэтики и прав человека.

Ключевые слова: трансплантация органов и тканей, биоэтика, донор, реципиент, посмертное донорство, презумпция согласия, пилотный проект, экспертиза закона

Valerya N. Sokolchik,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Vice Chairman of the Committee on Bioethics of the Republic of Belarus,
Belorussian Medical Academy of Postgraduate Education
Minsk, Belarus
e-mail: vsokolchik@mail.ru

Social, ethical and legal problems in transplantation of organs and tissues: from bioethics to law application

The article is devoted to the consideration of bioethical problems associated with the transplantation of organs and tissues. The author analyzes the socio-ethical and legal issues of organ and tissue transplantation from the perspective of bioethics and human rights based on a pilot project (survey of students of Belarus on the knowledge of legal and ethical issues of transplantation) and the examination of the Belarusian law “Law on Human Organ and Tissue Transplantation”, conducted by the Council of Europe Bioethics Committee in 2019.

Keywords: organ and tissue transplantation, bioethics, donor, recipient, deceased donation, «opt-in» presumption, pilot project, law examination

Трансплантация органов и тканей – одна из «топовых» технологий в современной медицине, которая позволяет не только спасать человеческие жизни, но и значительно улучшать качество жизни, возвращая человека с тяжелейшими пороками и заболеваниями к нормальному существованию – лично и социально полноценному и социально активному. Применение технологий трансплантации органов и тканей сегодня уже не является чем-то экстраординарным. Однако трансплантологические практики постоянно порождают огромное количество биоэтических вопросов – например, о допустимости живого и посмертного донорства, этической и правовой корректности установления смер-

ти мозга как смерти человека, допустимости продажи органов и тканей и т. д. Все эти вопросы не являются собственно медицинскими, поскольку затрагивают проблемы социальные, этические, правовые. В современном мире решение и актуализацию вопросов социального сопровождения медицинских практик, в том числе трансплантологии, берёт на себя биоэтика. Последняя в своих исследованиях стремится не только выявить этико-правовые сложности в применении биомедицинских технологий, но и найти решение проблем, стоящих перед человеком и обществом в контексте развития инхэнсента – совершенствования человеческого организма [10].

Одним из наиболее сложных в этическом плане вопросов, связанных с практиками трансплантации, является посмертное донорство и, в частности, принятая в Республике Беларусь (как и в России, и многих других странах) позиция «презумпции согласия» в отношении посмертного донорства.

Выбор той или иной позиции в соответствии с международными принципами относится к компетенции государства. В Руководящих принципах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по трансплантации органов и тканей разъясняется, что «в зависимости от социальных, медицинских и культурных традиций каждой страны, а также от того, каким образом семьи участвуют в процессе принятия решений относительно своего здоровья в целом, согласие на получение органов и тканей от умерших может быть “четко выраженным” или “предполагаемым”» [11].

Вопрос о «плюсах и минусах», «правильности и неправильности» презумпций согласия и несогласия зачастую становится одним из самых остро дискутируемых в решении биоэтических проблем, связанных с трансплантацией. Вместе с тем в реальности каждая из систем имеет свои «плюсы» и «минусы» и накладывает определённые обязательства на организаторов системы здравоохранения (системы трансплантации) и общество в целом.

Говоря о «плюсах» «презумпции согласия» чаще всего называют три аргумента. Первый опирается на идею о том, что принятие презумпции согласия обеспечивает системе здравоохранения (государству) наличие максимального числа количества доноров (так как при отсутствии оформленного отказа на посмертный

забор органов, человек автоматически считается согласным на изъятие органов, невзирая на его внутренние убеждения и прочее). Несмотря на бесчеловечность и поверхностность такого аргумента, он достаточно часто выдвигается как сторонниками, так и противниками «презумпции согласия».

Второй аргумент, приводимый в контексте «удобства» презумпции согласия, – организационный, он подразумевает отсутствие серьезных затрат для государства на создание системы заполнения/хранения/учёта донорских карт (или их аналогов) [1].

Третий аргумент в пользу «презумпции согласия» звучит не так часто, однако он достаточно серьёзен, так как отсылает нас к особенностям менталитета современного человека. Необходимо напомнить, что современная культура часто «табуирует» мысли о смерти. О менталитете современного общества, «не замечающего смерть», вычёркивающего её из своей культуры, писал известный французский учёный-антрополог Ф. Арьес, предпринявший попытку показать антропологию общества через призму отношения к смерти. Современный этап отношения к смерти Арьес называет «смерть перевёрнутая». Страх смерти в XX веке развивается до такой степени, что она вытесняется из коллективного сознания и современное общество словно бы игнорирует её. «Смерть становится несчастьем и препятствием, её стараются не только удалить от взоров общества, но и от самого умирающего, дабы не делать его несчастным. Таким образом, можно сказать, что мы живём в эру «невидимой смерти» [2]. Повторяя высказывания Арьеса применительно к рассматриваемому вопросу, можно сказать, что мы делаем вид, что смерти не будет, и «послесмертные» вопросы (например, изъятие органов после смерти) решать не хотим. Психологически большинство современных людей не настроены при жизни заниматься делами, рассматривать вопросы, связанные со смертью, оформлять какие-либо бумаги (например, отказ от посмертного изъятия органов), что связано с подсознательным нежеланием вносить в свою жизнь столь явное напоминание о собственной смертности. Таким образом, в «психологическом» ракурсе презумпция согласия в отношении посмертного забора органов для трансплантации более приемлема для большинства людей.

Однако все эти «плюсы» принятия «презумпции согласия» в обществе имеют обратную сторону. Без учёта этой «обратной» стороны мы сталкиваемся с нарушением биоэтического принципа автономии личности и прав человека. Во-первых, необходимо знание существующей позиции «презумпции согласия» всеми членами общества. Во-вторых, – необходимо формирование альтруистической позиции в обществе в отношении жертвования органов (в рассматриваемом контексте – посмертного жертвования). Если мы не создадим условий для получения гражданином информации относительно жертвования органов, позиции «презумпции согласия» в отношении посмертного донорства органов, возможности отказа от посмертного донорства органов и роли родственников в этом процессе, мы нарушим право человека распоряжаться своим телом, высказывать свою волю. Если мы говорим о соблюдении прав человека, автономии личности, то должны отдавать себе отчёт в том, что каждый человек имеет право на информацию (особенно ту, которая его непосредственно касается), на признание его позиции и собственный выбор решения: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» (ст. 19 Всеобщей декларации прав человека [3]). Не занимаясь просвещением общества по вопросам донорства/посмертного донорства органов/существующей позиции «презумпции согласия», мы, по сути, создаём почву для рождения мифов, слухов, недостоверной информации.

Первым шагом в решении вопроса об информированности общества, его готовности к принятию «презумпции согласия» является оценка уровня знаний граждан по вопросам посмертного донорства. Для подготовки к полномасштабному исследованию автором в 2018 г. был реализован пилотный проект: проведён анонимный опрос студентов в городах Минск и Брест об их знаниях относительно посмертного донорства органов. В опросе участвовали 214 студентов, представляющих четыре группы специальностей (медики, философы, юристы и биологи),

которые так или иначе в своей профессиональной деятельности будут связаны с вопросами этики, правами человека, теорией и практикой трансплантации.

Участникам опроса были заданы восемь вопросов, которые условно по смыслу можно разделить на две части: первая – вопросы относительно знания и самооценки уровня знаний в отношении посмертного донорства органов, вторая – относительно того, что и как необходимо в первую очередь разъяснять в обществе для формирования понимания и альтруистической позиции в отношении донорства.

Итоги опроса [12] показали, что по позиции в отношении к посмертному забору органов большинство студентов ответили, что «изымать или нет органы должно зависеть от прижизненных убеждений самого человека» (73 %), 16 % выбрали ответ «после смерти человека необходимо изымать его органы для трансплантации», 4 % считают, что «после смерти человека недопустимо изымать его органы для трансплантации», и 7 % не имеют мнения на этот счёт. Ответы показательны тем, что абсолютное большинство опрошенных подходит к решению вопроса с позиции автономии личности и необходимости соблюдения прав человека.

На вопрос «Знаете ли вы, какая позиция в отношении посмертного изъятия органов для дальнейшей трансплантации действует в Республике Беларусь?» 47 % участников опросов отметили действующую в республике позицию «презумпции согласия». Однако достаточно большой процент опрошенных (36 %) назвал как действующую сегодня «презумпцию несогласия». И, что ещё больше настораживает, 9 % опрошенных отметили «рутинный забор органов», что рассматривалось автором скорее, как провокационный вопрос, поскольку такой позиции сегодня в мире вообще не существует, при этом 8% опрошенных честно выбрали ответ «не знаю». Наибольшее количество «правильных» ответов выбрали студенты-медики (70 %), наименьшее – студенты-философы (40 %). Подобное распределение ответов не может не настораживать, так как свидетельствует о недостаточности знаний общества в отношении посмертного донорства органов и, соответственно, недостаточность работы

организаторов и координаторов трансплантации, медицинских работников, специалистов по биоэтике и т. д. по просвещению населения.

Следующий вопрос был посвящён собственной оценке уровня знаний, опрашиваемых по некоторым наиболее сложным вопросам посмертного донорства органов. Если свои знания о том, кто может быть донором, как отказаться от посмертного донорства при жизни, могут ли родственники отказаться от забора органов у родственника (после его смерти) студенты оценивали достаточно высоко (около 70 %), то понимание сложного вопроса посмертного донорства несовершеннолетних уже не превысило 50 % (у философов – 29 %!). «Провокационный» вопрос о том, «можно ли в Беларуси продать/купить орган», проявил, насколько живы в общественном мнении мифы (например, о подпольных трансплантологах), а также незнание законов и реалий современной трансплантационной практики в Беларуси (оценка собственных знаний реципиентами по этому вопросу не превысила 40 %).

Формулируя вторую часть вопросов анкеты, автор стремился выявить, какие области знаний в контексте трансплантологии/донорства наиболее интересуют реципиентов, и какие способы донесения этих знаний они считают приоритетными. Наибольшее количество ответов было связано с интересом к правовым аспектам донорства (53,5 %), а также с информацией об успехах и проблемах развития трансплантологии в республике (49,7 %). При этом студенты в «особом мнении» отмечали, что их «особенно интересуют современные данные опросов общества по вопросам донорства (трансплантации)», а также указывали, что информация по этой теме обязательно «должна быть доступной и понятной».

На вопрос о том, как лучше информировать общество по вопросам трансплантации, ответы распределились следующим образом: на первом месте – через СМИ, на втором – посредством встреч с трансплантологами и специалистами в области биоэтики, на третьем – социальная реклама и социальные сети. По мнению большинства опрошенных студентов, получение соответствующей информации на занятиях/лекциях не так актуально

(«через занятия в вузе» актуальность и целесообразность получения информации отметили 28 % реципиентов, «через занятия в школе» – менее 10 %). Следует сделать вывод, что, анализируя вопросы об осведомлённости общества по вопросам донорства, а также о формировании альтруистичного отношения к донорству, организаторы здравоохранения, специалисты в области биоэтики несколько преувеличивают значимость образовательных учреждений в этом вопросе и недооценивают роль встреч с профессионалами (возможно, в режиме онлайн, вебинаров и т. д.), влияние социальных сетей и социальной рекламы.

Таким образом, проведённый пилотный опрос, во-первых, позволил сформировать общее впечатление о знаниях общества по вопросам в отношении посмертного донорства. Итоги опроса заставляют задуматься об усилении работы по просвещению населения в этих вопросах, акцентуации проблем прав человека, его способности принимать знаковые решения и необходимости формировать понимание альтруистичности посмертного донорства.

Во-вторых, опрос «высветил» сложные для понимания темы в контексте посмертного донорства и, к сожалению, немалую роль мифов и «фейковой» информации в сознании студентов относительно посмертного донорства.

В-третьих, опрос позволил определить наиболее значимые каналы и наиболее интересующие вопросы для информирования и воспитания общества относительно донорства.

В целом по итогам пилотного опроса студентов следует отметить, что, к сожалению, на сегодняшний день совместная работа организаторов здравоохранения, трансплант-координаторов, специалистов в области биоэтики и т. д. по просвещению населения в области донорства органов и тканей недостаточна. Особого внимания требует формирование положительного образа донорства, понимание его необходимости в сознании людей. Думается, что широкий опрос населения по вопросам трансплантации/посмертного донорства с последующим глубоким анализом результатов необходимо периодически проводить среди населения, чтобы реально понимать уровень осведомлённости общества по вопросам трансплантации, которые сегодня мо-

гут коснуться каждого. Соответственно элементарная правовая грамотность по этим вопросам в современном мире необходима всем членам общества. Полученные данные позволят скоординировать и улучшить работу как трансплантологических служб, так и существенно повлиять на рост авторитета донорства среди населения, рост сознательности и альтруизма, предотвращение возникновения незаконных некорректных ситуаций (в том числе судебных прецедентов), улучшение законодательства по соответствующим вопросам и т. д.

К сожалению, этические вопросы, напрямую связанные с действием «презумпции согласия» относительно посмертного забора органов, не ограничиваются только вопросами незнания (непонимания) в некоторых слоях общества сущности презумпции согласия. Одним из самых острых этических вопросов остаётся разговор с родственниками умершего, который потенциально может являться донором органов и тканей. Сущность этической коллизии не только в том, могут ли родственники принимать в данном случае решение о разрешении/не разрешении забора органов самостоятельно или исключительно «транслируют» прижизненную позицию умершего. Здесь остро встаёт и этико-коммуникативная проблема – кто и как должен в этой ситуации разговаривать с родственниками умершего, уместны ли аргументы врача/трансплант-координатора «за» забор органов у умершего, возможны ли в такой ситуации «уговоры» по отношению к родственникам.

Все эти вопросы не носят собственно юридического характера, но предполагают наличие как минимум двух предпосылок. Первая – о чём уже говорилось выше – формирование в обществе позитивного отношения к донорству, понимания, что, умирая, человек может подарить жизнь другим и в определённом смысле «продлить» свое земное существование.

Вторая предпосылка касается этико-коммуникативной подготовки врача/трансплант-координатора, который в соответствии с законом будет осуществлять коммуникацию с родственниками. Основы этой коммуникации – этические принципы автономии личности, «не навреди», а также правила информированного согласия, правдивости, конфиденциальности личных данных и

невмешательства в личную жизнь, признание уязвимости личности (не только физической, но и социально-культурной, психологической) и т. д. Коммуникативными основами проведения такого сложного разговора является умение проявить эмпатию, построить разговор так, чтобы не было «нажима» и давления в отношении согласия на забор органов и при этом привести «правильные» жизнеутверждающие аргументы, значимые и жизнеспособные в сложной ситуации.

Этически нерешённым остаётся и вопрос возможности забора органов у неопознанного лица. С точки зрения прав человека, принципов биоэтики в современной биомедицине нравственно оправданным и этически правильным в соответствии с принципом уважения к умершему лицу было бы не столько согласие с соответствующими органами по поводу возможности забора органов (например, с прокуратурой), сколько полный отказ от забора органов у неопознанного лица.

Значимым этапом в понимании и решении биоэтических вопросов, возникающих в контексте практик трансплантации органов и тканей стала этико-правовая экспертиза закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» и Проекта поправок к Закону о соответствии стандартам, закреплённым в Конвенции о правах человека и биомедицине и Дополнительном протоколе к ней, касающемся трансплантации органов и тканей человека, которая была осуществлена в 2018 г. отделом по биоэтике Генерального директората по правам человека и верховенству права Совета Европы (эксперты – Теси Ашан, Ана М. Пирес Силва и Кристоф ван Аш) [6].

По результатам проведенной этико-правовой экспертизы был сделан вывод о том, что Закон о трансплантации органов и тканей (как и законопроект об изменении соответствующего закона) «не содержит норм, которые явно не соответствуют Конвенции о правах человека и биомедицине, и дополнительному протоколу к ней» [6, с. 3]. В частности, эксперты отметили, что основой законодательства о трансплантации органов и тканей в республике являются базовые биоэтические принципы – такие как принцип автономии (уважения) личности; принцип справедливости (равного доступа пациентов к трансплантационным ус-

лугам); принцип «не навреди» (минимизация рисков и максимизация пользы пациентам), а также правила конфиденциальности персональных данных, защиты лиц, не способных дать согласие, правило уважительного отношения к умершему лицу; правило запрета на извлечение финансовой выгоды в вопросах трансплантации [9].

Вместе с тем высказанные экспертами пожелания представляют собой глубокий биоэтический анализ, основанный на международном опыте решения проблем правоприменения, понимания и социальной адаптации этико-правовых норм трансплантологии.

Первая проблема, поставленная экспертами, касается прижизненного донорства. Прежде всего, это вопрос о добровольном информированном согласии живого донора на забор органа и его правильном информировании [4]. Вопрос состоит не только в желании и возможности донора пожертвовать органом, но в его осведомлённости о рисках, возможных последствиях и, в частности, о том, что обязательным правом донора должно быть право и возможность получить независимую консультацию о сопутствующих рисках у специалиста, имеющего соответствующий опыт и не участвующего в процессах, сопряжённых с трансплантацией. В реальной практике такие консультации (и даже их возможность) серьёзно увеличили бы осознанность принимаемого решения, исключили негативное влияние «сарафанного радио», подготовили человека (донора) к принятию возможных рисков и пониманию, какие изменения по результатам забора органа (ткани) могут произойти в его жизни.

Особенно актуальным как для практической медицины, так и для вопросов медицинских исследований, считаю отмеченный экспертами вопрос о том, что пациент (донор) должен быть непосредственно проинформирован (соответственно должен дать согласие) о возможности использования «хирургических остатков» для медицинских целей, отличных от тех, на которые он изначально дал информированное согласие (например, использование амниотической мембраны для исследовательских и других целей).

В отношении прижизненного донорства эксперты отметили важность соблюдения принципа «не навреди», рассматривая не только вопросы изучения физических рисков для живого донора и необходимости (безальтернативности) донорства в конкретной ситуации, но также и значимость проведения психологической оценки при предварительном обследовании живого донора.

Интересное предложение, высказанное экспертами, – создание в стране специальной межведомственной комиссии по вопросам этики, целью которой была бы оценка соблюдения условий живого донорства (соответствие закону, получение информированного согласия, отсутствие давления и принуждения и т. д.).

Важным пунктом экспертного заключения является актуализация, казалось бы, уже решённого вопроса о запрете на получение финансовой выгоды. Этот принцип является основополагающим для мирового сообщества в вопросах трансплантации [5], закреплён он и в белорусском законодательстве («органы и ткани человека не могут быть объектом гражданско-правовых сделок, за исключением сделок, носящих безвозмездный характер» и ... «совершение возмездных сделок, а также реклама спроса и (или) предложений органов и (или) тканей человека запрещаются» (ст. 5 [8]). По мнению экспертов, текущая формулировка запрета в белорусском законодательстве не содержит чёткого упоминания принципа со ссылкой на права и достоинства человека (то есть носит своего рода операциональный характер, не связанный с вопросами человеческого достоинства). Кроме того, как считают эксперты, в вопросе запрета получения финансовой выгоды необходимо обязательно обозначить, что не предусматривается и компенсация в неденежной форме (в том числе получение сравнимых преимуществ) [6, с. 28].

В частности, в своем заключении эксперты ссылаются на недавно принятое Европейским комитетом Совета Европы CD-P-TO при поддержке комитета по биоэтике DH-BIO заявление о том, что комитет в рамках международной программы обмена органами отклоняет предложение обмена почками для доноров из стран с низким / средним уровнем дохода

с реципиентами из стран с высоким уровнем дохода, что предоставило бы доступ к лечению более высокого уровня для доноров из стран с низким/средним уровнем дохода. Такое предложение, по мнению комитетов, способствует эксплуатации уязвимых пациентов из финансово менее развитых стран и нарушает принцип запрета на получение финансовой выгоды.

Вопросы посмертного донорства в биоэтической экспертизе также были обозначены. Прежде всего, отмечена необходимость большей прозрачности и общедоступности (в том числе понятности) системы выражения несогласия по поводу посмертного забора органов. Отдельно эксперты остановились и на вопросе об информировании общественности, который уже поднимался в статье. В качестве предложения прозвучала идея о проведении соответствующих рекламных компаний, а также широкой популяризации информации относительно донорства. Если вопрос с рекламными кампаниями с точки зрения этики неоднозначен, то широкая популяризация информации относительно донорства (естественно, не исключая сохранения конфиденциальности) по мнению автора, является настоятельно необходимой в обществе, для чего в первую очередь можно было бы задействовать СМИ, социальные и информационные сети, в частности You Tube.

Наряду с анализом основных биоэтических проблем, отраженных в экспертной оценке корреляции белорусского законодательства о трансплантации органов и тканей с международными документами, экспертами были проанализированы этико-правовые вопросы трансплантации, требующие сегодня первостепенного внимания.

Особое внимание уделено экспертами закона вопросам, связанным с защитой персональных данных, конфиденциальностью. В частности, один из экспертов – Кристофер ван Аш – ссылается на то, что во многих странах (таких, как Германия, Португалия) эти вопросы регулируются непосредственно в законодательстве о трансплантации [7]. Предлагается рассмотреть возможность о включении в закон норм, которые гарантировали

бы анонимность доноров и реципиентов (в тех случаях, когда вопрос не касается родственных связей). Безусловно, такая норма носила бы прогрессивный характер, однако, с точки зрения автора, необходимо конфиденциальность данных сохранять исключительно по согласию донора (реципиента). Такая точка зрения основана на понимании специфики славянского менталитета, значимости и фактически психологическом «лечебном эффекте» феномена благодарности и признательности.

Безусловно, экспертиза закона представителями Совета Европы, высказанные ими пожелания и рекомендации, не являются однозначным требованием к изменению закона. Вместе с тем, предложенные идеи особенно важны с этической точки зрения, поскольку выявляют и акцентируют те проблемные моменты, на которые в практике трансплантации необходимо обращать первостепенное внимание.

Таким образом, совокупность изучения общественного мнения, улучшения системы информирования населения о вопросах трансплантации, прогрессивности донорства и возможностях спасения человеческих жизней, с одной стороны, и учёт экспертного мнения европейских комитетов и комиссий по биоэтике, этико-правовым вопросам трансплантации, позволит, с точки зрения автора, решить многие сложные социальные вопросы, сопутствующие медицинским практикам трансплантации. О важности этического сопровождения технологий трансплантации, в частности, говорил на белорусском Конгрессе трансплантологов (2018 г.) Михаил Лобов, руководитель департамента политики и сотрудничества в области прав человека Совета Европы: биомедицинские технологии «семимильными шагами» идут вперёд, однако, нельзя забывать, что эти технологии созданы для человека, соответственно этическое сопровождение их чрезвычайно важно; отставание гуманистической составляющей от биомедицинских успехов в области трансплантации может привести к разрушению системы ценностей и несоблюдению/неуважению прав человека.

Список литературы

1. Агеева А. А. Биоэтическое измерение трансплантологии // Современная медицина: актуальные вопросы. – 2013. – № 26. – С. 85–89 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=20929842> (дата обращения: 16.01.2018).
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М., Прогресс-Академия, 1992. – 526 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3754753> (дата обращения 29.03.2018).
3. Всеобщая декларация прав человека / Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 16.01.2018).
4. Декларация о политике в области продвижения прав пациентов в Европе» (ВОЗ, Европейское совещание по правам пациента, Амстердам, Нидерланды, 1994) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zdravinform.mednet.ru/pub/EU.1997.C.29.R.doc> (дата обращения: 12.03.2019).
5. Дополнительный протокол к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека (ETS№186) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.coe.int> (дата обращения: 11.11.2018).
6. Заключение отдела по биоэтике Генерального директората по правам человека и верховенству права по вопросу о соответствии Закона Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-3 «О трансплантации органов и тканей человека» и Проекта закона Республики Беларусь Об изменении Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» Конвенции о правах человека и биомедицине и Дополнительном протоколе к ней, касающемся трансплантации органов и тканей человека. Генеральный директорат по правам человека и верховенству права, DGI (2018) 09, 14.11.2018 (неофициальный перевод на русский язык). 59 с.

7. Кристоф ван Аш. Свободное информированное согласие в области трансплантации органов и тканей человеческого происхождения / Прецеденты европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. – Москва, 2018 г. – с. 17–23.

8. О трансплантации органов и тканей человека: Закон Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-З (в ред. Законов Республики Беларусь от 09.01.2007 № 207-З, от 13.07.2012 № 407-З, от 01.01.2015 № 232-З) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kodeksy-by.com/zakon_rb_o_transplantatsii_organov_i_tkanej_cheloveka.htm (дата обращения: 12.04.2019).

9. Права человека и биомедицина. Конвенция Овьедо и ее протоколы // Council Of Europe, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int> (дата обращения: 15.01.2018).

10. Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 23. Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения человека» // под ред. член-корреспондента РАН Б. Г. Юдина. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2016. – 164 с.

11. Руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по трансплантации органов и тканей, приняты на 63-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения 21 мая 2010 г., резолюция WHA63.22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.who.int/transplantation/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf?ua=1 (дата обращения: 12.04.2019).

12. Сокольчик В. Н. Презумпция согласия: общественное мнение и биоэтические вызовы / Прецеденты европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. – Москва, 2018. – С. 23–29.

*Денис Сергеевич Саранин,
магистрант,
Ляонинский нефтехимический университет,
г. Фушунь, Китай,
e-mail: razorlive94@mail.ru*

Даосизм и толстовство: естественное и социальное в человеке

Даосизм как философско-религиозное учение является одной из основ философии Древнего Китая. Основателем даосизма традиционно считается Лао Цзы. Именно философия этого региона повлияла на становление поздних идей русского писателя Л. Н. Толстого. Оба философа в своих трудах рассуждают об естественном и социальном. Автор анализирует мысли двух философов и старается выявить общие черты их философий. Предпринимается попытка сопоставления работ авторов и обнаружения сходств философий. На основе проведённого исследования автором предлагается выявить сходства суждений философов и их отношения к социальному и естественному в человеке.

Ключевые слова: даосизм, толстовство, увэй, недеяние

*Denis S. Saranin,
master student,
Liaoning Shihua University,
Fushun, China,
e-mail: razorlive94@mail.ru*

Taoism and Tolstoyism: Natural and Social in Human

Taoism as a philosophical and religious doctrine is a foundation of the philosophy of ancient China. The founder of Taoism is traditionally considered to be Lao Tzu. The philosophy of this region influenced the formation of the late ideas of the Russian writer Leo Tolstoy. Both philosophers in their writings talk about the natural and social. The author analyzes the thoughts of two philosophers and tries to reveal the common features of their philosophies. The author attempts to compare the works of two authors and to discover similarities in their philosophies. On the basis of the study, the author proposes to identify the similarities of the opinions of philosophers and their relation to the social and the natural in human.

Keywords: taoism, tolstoyism, wu wei, non-doing

Философия Древнего Китая оказала влияние на многих учёных и писателей, одним из таких является граф Толстой. Помимо того факта, что Лев Николаевич Толстой является великим русским писателем, он также имеет несколько философских работ. Как отмечал сам писатель, большое влияние на него оказал Лао Цзы, идеи которого Толстой разделял.

Трактат «Дао Дэ Цзин» за авторством Лао Цзы является ранним произведением китайской философии. Данный трактат является самым ранним трудом, сформировавшим мировоззрение, бинарную оппозицию диалектики в древнекитайской философии. При разработке и распространении в России доктрины Лао Цзы, она преодолела различные национальные, языковые и культурные барьеры, в связи с чем повлияла на многих российских учёных, в том числе и на Льва Николаевича Толстого, который вступил в заочный диалог с китайским философом, продолжавшийся более двадцати лет, хотя два философа и разделены периодом в две тысячи лет. Процесс диалога между ними сводится к трём этапам: знакомство Толстого с Лао Цзы (чтение и изучение переводов: поверхностный перевод «Дао Дэ Цзин» и начальная ступень знакомства с концепцией «увэй»), углублённое изучение (избирательная интерпретация и понимание: осмысленный перевод трактата и углублённое изучение концепции «увэй»), апогей (этап, когда мысли из трактата стали частью толстовства).

Впервые Толстой познакомился с восточной философией в 70–80-х годах XIX века. В это время Толстой уделяет особое внимание экзистенциальному смыслу и начинает заниматься исследовательской и литературной деятельностью, посвящённой природе человека. Под влиянием этих мыслей он пишет сочинения «О жизни» (1868–1888) и «Царство Божие внутри нас» (1890–1893). В процессе раздумий о смысле жизни граф постепенно отказывается от почитания Шопенгауэра, в письме Э. Роду от 22 февраля 1889 года он критикует пессимистическое мировоззрение Шопенгауэра [12]. В религиозно-философском произведении «Исповедь» (1882) Толстой упоминает философию Востока, а именно рассуждает о Шакьямуни, «индийском

принце Сиддхарта Гаутама, получившим впоследствии имя Будды, то есть пробуждённого, просветлённого, основателе буддизма» [10, с. 247].

В 1877 году Толстой просит Н. Н. Страхова помочь ему собрать переводы китайских мыслителей. В своём ответе от 20 января 1878 года Страхов упоминает о Станисласе Жюльене и о его переводах Лао Цзы. Первые записи о китайской философии Толстой делает в 1884 году, что подтверждается переводом китайских пословиц в дневнике этого года. В феврале-марте того же года Толстой начинает сосредоточенно изучать труды Лао Цзы, Мэн Цзы и Конфуция. Согласно записям, оставленным в дневнике в марте 1884 года, Толстой приступил к переводу Лао Цзы, он также отмечает, что «учение Середины Конфуция – удивительно. Всё то же, что и Лаоцы – исполнение закона природы – это мудрость, это сила, это жизнь» [9]. «Золотая середина, как добродетельный принцип, является наивысшим принципом, но народ давно уже не обладает им» [4, с. 61]. «Золотая середина» – это принцип нахождения компромисса при наличии двух крайностей. Данное понятие встречается в «Беседах и суждениях» Конфуция лишь один раз и поясняется только в комментариях: «Держать в руках две крайности, но использовать для народа лежащую между ними середину».

Толстой изучал трактаты китайских философов, которые были переведены на иностранные языки (английский и французский). Писатель пытался выучить китайский язык для изучения материалов на языке-оригинале, однако отказался от этого стремления.

Мысли Лао Цзы больше ориентированы на внутреннее состояние человека, которое в последующем непосредственно влияет на его социальные отношения, однако в трактате «Дао Дэ Цзин» большая часть отведена рассуждениям о правлении народом, то есть определённым социальным отношениям.

Лао Цзы в «Дао Дэ Цзин» описывал идеи, которые Толстой разделял, в частности концепцию «увэй», однако оба философа трактовали значение концепции по-разному. «Неделание» Толстого подразумевает «непротивление злу насилием» [14] и «не угнетение народа». Писатель считает «братскую любовь»

основой взаимоотношений между людьми. «Увэй» Лао Цзы является метафизической доктриной, которая позволяет более эффективно осуществлять управление государством [3]. «Увей» – понятие, которое Лао Цзы использует в трактате «Дао Дэ Цзин» с целью описания процесса управления государством. «Осуществление надеяния всегда приносит спокойствие», отмечается в третьей главе трактата; правитель осуществляет «недеяние» для того, чтобы общество формировалось само собой.

Одним из важнейших элементов философий обоих мыслителей является диалог. И хотя появление и развитие диалогической философии состоялось в начале XX века, Толстой ведёт заочный диалог с Лао Цзы. Так, читая труд Лао Цзы, Толстой вступает в некое взаимодействие с древнекитайским философом, на практике «беседуя» с «Дао Дэ Цзин». Согласно идеям Розенцвейга, рассказ, описание – это не монолог, а «разговор». Риторика разговора, диалога часто считается содержанием и смыслом диалогической философии [7, с. 261].

Диалог двух философов происходит путём разделения идей Лао Цзы Толстым. Толстой находит настолько близкие ему представления, что соглашается с ними, фиксируя свои размышления на этот счёт в личном дневнике. Для графа идеи Лао Цзы оказались настоящим озарением. Ознакомившись с умозаключениями древнекитайского философа в переводе на французский С. Э. Жульена, Толстой находит единомышленника. Идеи обоих философов становятся основой толстовства.

Один из основных исследователей диалогической философии Мартин Бубер ставит во главе диалога концепцию «Я-Ты» и «Я-Оно». Онтологическая природа диалога, включающая подходы «Я-Ты» и «Я-Оно», раскрывает идею диалогичности человека и его соотносённости с миром, а также представляет золотой фонд философской мысли самого М. Бубера [5].

Диалог Толстого с Лао Цзы следует определять как отношения «Я-Ты», поскольку оба мыслителя являются личностями. Отношения «Я-Ты» отличаются от отношений «Я-Оно», где «Оно» выступает неким подобием Бога, который «Я» может лишь изучать, наблюдать, но не вступать в двусторонний диа-

лог. Я и Ты при этом вступают в онтологический диалог, и мир предстает совершенно отличным от мира Оно и несоизмеримым с ним [1, с. 43].

Традиционно Лао Цзы считается основателем даосизма – религиозно-философского учения, распространённого на территории Восточной Азии. Даосизм является синкретической религией, которая предусматривает многобожие. При этом, как философское направление, ставящее в основе своего учения саморазвитие человека, даосизм находит отклик и в современном мире. В Китае, который является светским государством, даосами признают себя порядка 9 миллионов человек.

Разделяя идеи Лао Цзы, Толстой старается полностью соответствовать образу совершенномудрого, следуя концепциям даосизма. Таким образом, Толстой становится основателем толстовства – религиозно-нравственного учения непротivления злу, составляющего основу мировоззрения позднего русского писателя; толстовство – это «практические опыты, вдохновлённые данным учением и направленные на его воплощение» [8]. Основами учения выступают три начала: непротivление злу насилием, моральное самосовершенствование, всеобщая любовь. Основы толстовства заложены автором в произведениях «Исповедь», «В чём моя вера?», «Царствие божие внутри нас». Толстовство также имело влияние и за границей. Махатма Ганди признавал и соглашался с точкой зрения Толстого о ненасилии, Ганди отмечает: «Книга Толстого “Царствие божие внутри нас” буквально захватила меня. Она оставила неизгладимый след в моей душе» [2, с. 240].

Лао Цзы и его идеи оказали непосредственное влияние на графа Толстого, который искал ответы на важнейший вопрос о смысле жизни и нашёл их в «Дао Дэ Цзин». Нужно указывать людям, что они «должны быть простыми и скромными, уменьшать личные [желания] и освободиться от страстей», отмечает в XIX главе трактата. Идентичной является идея Толстого об «опрощении».

Опрощение, к которому стремится Толстой, для него является единственным верным решением, в связи с чем он отказывается от многих благ, доставшихся ему по наследству, а также

от авторства своих великих произведений. По сути, приняв крестьянскую жизнь, Толстой занимается физическим трудом, взаимодействует с простыми землепашцами, основывает яснополянскую школу для детей крестьян, сам шьёт себе одежду и обувь. При этом, как отмечает сам писатель, физический труд не только не вредит умственной деятельности, но и поощряет её.

Как уже было отмечено ранее, часто «увэй» Лао Цзы соотносят с «неделанием» Толстого. «Неделание» или «недеяние» следует трактовать как не совершение того действия, которое сейчас делает человек с целью остановки и обдумывания поступков, целей, желаний. В своей статье «Неделание» Толстой проводит анализ двух противоположных точек зрения на вопрос о направлении развития молодёжи. Первую точку зрения в своём выступлении озвучивает Э. Золя (французский писатель, политический деятель) перед молодыми студентами, где он призывает аудиторию отказаться от веры и сосредоточиться на трудовой деятельности. Вторую точку зрения в своём письме редактору «Голуа» представляет А. Дюма, в котором автор считает веру единственным спасением. Вера, по его мнению, сможет преодолеть стереотипы, войны, несогласие и дать миру любовь, которая и спасёт этот мир. В данном диалоге Толстой принимает сторону именно А. Дюма, однако при этом ещё предоставляет путь, которым можно достичь данной цели. «Для того, чтобы осуществилось царство божие, нужно, чтобы все люди начали любить друг друга без различия личностей, семей, народностей. Для того, чтобы люди могли так любить друг друга, нужно, чтобы изменилось их жизнепонимание. Для того, чтобы изменилось их жизнепонимание, нужно, чтобы они опомнились; а чтобы они могли опомниться, им нужно прежде всего остановиться жить на время в той горячечной деятельности во имя дел, требуемых языческим пониманием жизни, которой они предаются» [11, с. 201].

Философия Толстого, как и философия Лао Цзы, имеет явную направленность на внутреннее состояние, естественность человека. Тем не менее, сам писатель нередко делился своими идеями в письмах друзьям и даже поделился видением будущего (которое осуществилось) в письме к Николаю II.

В 1904 году, в период начала Русско-японской войны, Л. Н. Толстой публикует статью «Одумайтесь!», в которой русский философ принимает сторону мира, выражая протест происходящим событиям и призывая людей одуматься, отказаться от зверств. Название статьи перекликается с призывом Христа одуматься, которое он озвучивал до своего распятия. Через несколько десятков лет после публикации русским писателем статьи был опубликован роман «На западном фронте без перемен» Э. М. Ремарка, который стал основоположником литературы «потерянного поколения» – людей, прошедших войну и переживших страдания близких, друзей, сослуживцев, которые не видят после окончания войн радости и счастья в мирной жизни.

Великий писатель, занимаясь переводом «Дао Дэ Цзин», составляет список изречений Лао Цзы, где отмечает:

«С справедливостью управляют государством, с хитростью нуждаются в оружии, неделанием становятся владыками поднебесной.

Почему это так?

Потому что, чем больше запрещений и ограничений в государстве, тем более нищает народ.

Чем больше острого оружия у народа, тем больше беспокойства в стране.

Чем больше искусен народ, тем больше производится страшных вещей.

Чем больше обнародывается предписаний, тем больше воров и разбойников.

Поэтому святой человек говорит: я не делаю, и народ сам собою совершенствуется.

Я люблю спокойствие, и народ делается сам собою справедливым.

Я бездеятелен, и народ сам собою делается богатым.

Я без желаний, и народ сам собою возвращается к простоте» [6].

Данная цитата является интерпретацией оригинального текста «Дао дэ цзин» и её смысл всецело соответствует мыслям самого писателя, который в одно время стремился освободить

своих крепостных. Именно «недеянием» и следует управлять народом. Толстой на протяжении всей жизни придерживался принципов пацифизма, идеи которого были изложены им ещё в «Севастопольских рассказах». Именно мирным путём, по мнению русского писателя, именно путём «недеяния» должны управлять государствами правители. По этой причине в «Одумайтесь!» граф критикует правителя Российской Империи Николая II.

Жизненный путь, который преодолел Л. Н. Толстой, был наполнен множеством событий. Философия Лао Цзы нашла отклик, как в произведениях великого русского поэта, так и в его философии жизни. Толстой сам следовал своим наставлениям – «недеянию», «опрощению». Именно этим он смог завоевать любовь и уважение как современников, так и потомков.

Подводя итог вышеописанному, можно утверждать, что Л. Н. Толстой всецело проникся идеями древнекитайского философа Лао Цзы. После личностного кризиса в 80-х годах восемнадцатого столетия, Толстой начал искать смысл жизни и пытаться объяснить предназначение людей в этом мире. Сам писатель отмечает влияние древнекитайских философов на собственные идеи, а именно мыслей Лао Цзы, изложенных в трактате «Дао Дэ Цзин». Граф Толстой определяет «недеяние» и «опрощение» курсом своей жизни до самой его смерти. В связи с этим, можно с уверенностью сказать, что философия Лао Цзы имела непосредственное влияние на философию жизни великого писателя, именно в «Дао Дэ Цзин» Толстой нашёл поддержку и ответы на вопросы, терзавшие его в конце жизни.

Естественное и социальное в трудах обоих философов различимо, однако их идеи всё же ориентированы на включение элементов естественного в человеке (справедливости, мудрости, добра) в социум. Их философии интегрируются в жизненный процесс любого человека, одним из основных вопросов существования которого является смысл жизни. Лао Цзы и Толстой объясняют свои жизненные позиции в своих работах, целью обоих философов является распространение собственных размышлений, идей, с которыми согласятся миллионы.

Список литературы

1. Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Н. Файнгольда / под ред. С. Я. Левит, П. С. Гуревича. – М.: Высшая школа, 1993. – 175 с.
2. Ганди М. Моя жизнь. Моя вера. – М.: Азбука-Аттикус, 2016. – 736 с.
3. Добрынина В. И. Философия XX века: учеб. пособие. – М.: ЦИНО общества «Знание» России, 1997. – 288 с.
4. Конфуций. Беседы и суждения / Конфуций; [пер. с кит., предисл. П. С. Попова]. – М.: Артефакт-пресс; АСТ, 2016. – 206 с.
5. Корягина Т. О. Диалог как философская концепция в «Дао Дэ Цзин» // Гуманитарный вектор. 2018. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/dialog-kak-filosofskaya-kontseptsiya-v-dao-de-tszin> (дата обращения: 16.04.2019).
6. Мысли и изречения известных людей, собранные Л. Н. Толстым. Изречения Лао-Тзе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tolstoy-lit.ru/tolstoy/proza/mysli-i-izrecheniya/izrecheniya-lao-tze.htm> (дата обращения: 15.04.2019).
7. Розенцвейг Ф. Звезда избавления. Отв. ред. и сост. И. Дворкин; пер. с нем. яз. Е. Яндугановой. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2017. – 544 с.
8. Толстовство. Институт философии РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH019bdbfb058c3a7c87a2579b> (дата обращения: 16.04.2019).
9. Толстой Л. Н. Дневник 1884 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tolstoy-lit.ru/tolstoy/dnevnik/1881-1887/dnevnik-1884.htm> (дата обращения: 15.04.2019).
10. Толстой Л. Н. Исповедь. О жизни. – М.: АСТ, 2017. – 288 с.
11. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т.: – М.: ГИЛХ. – 1954. – Т. 29, С. 173–201.
12. Толстой Л. Н. – Роду Э. 22 февраля 1889 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1887-1889/letter-196.htm> (дата обращения: 16.04.2019).

13. Цай Цзяоминь. Принятие и изменение мысли «У Вэй» Лао-цзы Л. Н. Толстым // Вестник Тайюаньского педагогического института (социальные науки). 2011. №1 (10). Кит. яз.: 蔡觉敏. 论托尔斯泰对老子“无为”思想的接受与变通. 太原师范学院学报(社会科学版). – 2011. 1 (10).

14. Шулежкова С. Г. Непротивление злу насилием и не могу молчать (крылатые выражения Л. Н. Толстого) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 1 (39) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/neprotivlenie-zlu-nasiliem-i-ne-mogu-molchat-krylatye-vyrazheniya-l-n-tolstogo> (дата обращения: 20.04.2019).

ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

NATURAL AND SOCIAL IN PUBLIC RELATIONS

УДК 141.32

Алексей Николаевич Фатенков,
доктор философских наук,
профессор факультета социальных наук,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И.
Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия,
e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

Натуралистические смыслы неотчуждённого труда

Уточняется критерий свободного, неотчуждённого труда. В этой связи акцентируется ценность чувственно-телесной человеческой любви. Попутно социализм отграничивается от капитализма: он опознаётся как неханжеское общество свободного труда, сопротивляющееся пошлости и тотальной экспрессии.

Ключевые слова: натуралистические смыслы, свободный (неотчуждённый) труд, чувственно-телесная любовь, радость, социализм, капитализм

Aleksey N. Fatenkov,
Doctor of Sciences (Philosophy),
Professor of the Faculty of Social Sciences,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Nizhni Novgorod, Russia,
e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

The Naturalistic Meanings of Unalienated Labor

The criterion of free, unalienated labor is being specified. In that regard, the value of sensual-corporeal human love is being emphasized. In this context, socialism is being distinguished from capitalism: it is identified as a non sanctimonious society of free labor, which resists vulgarity and total expression.

Keywords: naturalistic meanings, free (unalienated) labor, sensual-corporeal love, joy, socialism, capitalism

Продолжая начатый на прошлых конференциях заведомо многоаспектный разговор о существенной детерминации социального природным (см.: [4; 5; 6]), затрону вопрос о теоретическом и практическом потенциале экзистенциально-натуралистического понимания свободного труда.

Исходный постулат: как жизнь может быть и бывает не высшей ценностью для человека, но без неё не существует ни одной другой человеческой ценности, так и натуралистическая мировоззренческая стратегия, не всегда оказываясь доминирующей в индивидуальном и коллективном сознании, никогда не редуцируется полностью ни к какому иному, в большей степени «окультуренному», мировоззрению – и данный факт положительно ценен.

Натурализм не обрекает нас на вульгарное и циничное. Отличая, по рекомендации Конрада Лоренца, звериное от скотского, он защищает полноту инстинктов, одобренную культурно фундированными высокодифференцированными способами поведения. Натурализм сегодня – знак сопротивления клерикальному и технократическому прессингу, умаляющему психосоматическое основание экзистенции его редукцией к стерильному духу или нейроинжиниринговому инструментарию.

Для носителя теистического мировоззрения труд есть наказание за «первородную» греховность человека, что, вольно или невольно легитимирует любую форму социально-экономической эксплуатации. В технократической мировоззренческой матрице труд также оказывается функцией, никак не защищённой от внешней, корыстно принудительной регуляции. Для симпатизирующего натуралисту экзистенциального реалиста – всё иначе: труд есть деятельность, которая только и позволяет исчерпывающим образом актуализировать эмансипированную человечность. И это неотменяемо – несмотря на здоровое осознание того, что далеко не все виды (формы) отчуждения, возникающие в процессе трудовой деятельности, могут быть сняты, преодолены.

Каков критерий эмансипированного, неотчуждённого труда (насколько таковой вообще возможен для индивида и общества)?

Ответ намечен у Карла Маркса. При капитализме «человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте <...> Правда, еда, питьё, половой акт и т. д. тоже суть подлинно человеческие функции. Но в абстракции, отрывающей их от круга прочей человеческой деятельности и превращающей их в последние и единственные конечные цели, они имеют животный характер» [2, с. 564]. Выходит, труд действительно содержательный, творческий, когда человек получает от него удовольствие как от чувственно-телесной любви.

Единственное ограничение морального толка в обеих ситуациях известно с древних – «языческих» – времён. Не навреди! Это вам не кантовский категорический взаимообмен: я – тебе, ты – мне. Нет, ничего не просить и не требовать взамен! И никакого фрейдизма – никакой «сублимации»: от секса убыло, к творчеству прибыло. Убогий механистический баланс вычитания и сложения. Нет, ниоткуда не вычитать, не красть: ни из земной человеческой любви, ни из содержательного труда! И дать укорот прагматизму, отчуждённо уравнивающему приятное с полезным. Нет, приятное – с приятным! Не виагра – а мёд, сметана и зернистая икра. И без редукции постельных сцен к гастрономии, без плотоядного отождествления их.

В естественном влечении мужчины к женщине нет априори маниакального и закабаляющего. А проблеск свободы тут, наоборот, зрим. Понятно, что структура инстинктов станет нерепрессивной, лишь когда пройдёт испытание самым «беспорядочным» из них – сексуальным. Герберт Маркузе во многом прав. «Нерепрессивный строй (order) возможен только в том случае, если сексуальные инстинкты смогут, движимые собственной динамикой, создать в изменившихся экзистенциальных и общественных условиях прочные эротические отношения между зрелыми индивидами» [3, с. 172]. Определённые сомнения вызывает, правда, статус отношений как таковых – и в эротике, и во всём собственно человеческом.

Под особым подозрением – отношения уравнивания и отождествления заведомо неравного и нетождественного. Да и само равенство (с тождеством – сложнее) в своих притязаниях на он-

тологически привилегированную роль, особенно в пространстве экзистенциального бытия, откровенно говоря, слабавато. Маркс опрометчиво возражает: «...ты сможешь любовь обменивать только на любовь. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она – несчастье» [2, с. 620]. В оправдание автора цитаты – лишь его возраст. Человеку нет и тридцати. Опыт общения с женщинами, конечно, есть, но даже для эмпирического обобщения, без претензии на строгую теорию, материала вряд ли хватает. Жизнь парадоксальнее и мудрее поборников равенства: и принятая, неотвергнутая любовь грозит мучениями; и любовь неразделённая (слово-то с переливающейся семантикой) способна греть душу и крепить твою самость. Вопрос по теме. Отчего так рано настигла смерть Ромео и Джульетты? Ответ социально ангажированного интеллектуала: по причине вражды их семейств. Ответ экзистенциального реалиста: из-за непомерно равной любви друг к другу.

Если неукоснительно держаться Марксова социального (социологического) детерминизма, то надо признать, что при социализме половой акт априори качественнее, чем при капитализме. Смешно, и без шансов на положительную верификацию с учётом несложного сравнения советского и постсоветского опыта. Отсюда вытекает. Во-первых, не стоит удивляться наличию в буржуазном обществе творческих натур, свободных в своём содержательно изысканном труде (иначе неоткуда было бы взяться шедеврам несоциалистического модерна). Во-вторых, бездельем и «свободной любовью» капитализм не победить – на этом сломался хипповавший 1968-й. Не все создатели творений в мире капитала финансово обеспечены, однако не все и бедствуют. Кто-то цинично использует товарно-денежные отношения, осознавая унизительную зависимость от них. Но никто из творцов не встраивается без остатка в структуру капиталистических отношений и, думается, в какую бы то ни было реляционную структуру.

Некоторым образом, скорректируем позицию, и вновь со ссылкой на Конрада Лоренца. Для современного человека характерно обострённое восприятие неудовольствия и притуплённое восприятие удовольствия. Его поведенческая доминанта: любой ценой избегать нежеланного и немедленно удовлетворять едва зародившееся желание. Как неизбежное следствие – «люди теряют способность вкладывать тяжёлый труд в предприятия, сулящие удовольствие лишь через долгое время» [1, с. 35]. Не важно, будь то профессионально-публичная или интимная сфера жизни. А ведь контраст удовольствия-неудовольствия задан неспекулятивной глубиной и неоднородностью небездушного земного мира. И если наслаждение может ещё обойтись без вкрапленного и оттеняющего его неудовольствия, то радость – никогда. Удовольствие pop-stop, без ожиданий и срывов, – окажись оно возможным – превратит «возникшие по воле природы вершины и бездны человеческой жизни в искусственно выровненную плоскость...», обернётся серостью неприметных буден, уготовит нам смертную скуку [см.: 1, с. 36]. Вердикт Лоренца верен. Как и его замечание касательно юношеского эвдемонизма, наподобие Марксова, упрощённо отождествляющего любовь со счастьем, и только с ним.

Отчуждение имеет место, когда, теряя что-то предельно конкретное, мы утрачиваем, и так лишь изредка и не без удачи достигаемую, сущностную полноту. Когда искусственно отдаляется то, чему естественно пребывать рядом. Когда массив созданных и приобретённых вещей заслоняет те немногие, которые по-настоящему дороги. Когда избыток инициированных тобой самим или пассивно принятых социальных связей скрадывает, принижает ту, радостную, которую и связью-то называть совестно. Когда близость покрывается трещинами, паутиной отношений, всё равно каких, и вытесняется ими. Когда реляция – и всякое «меж», «от кого-то к кому-то» – берёт верх над жизненно неделимым.

Любовь не нуждается в выстраивании отношений. Свободный труд не обделяет человека сокровенным, нерелятивным. Капитализм не терпит сокровенного, в активистском раже

выбрасывая его наружу, опошляя. Социализм – если подойти к нему с умом и душой, без горлопанного «догнать и перегнать» – опознаётся как неханжеское общество свободного труда, сопротивляющееся пошлости и тотальной экспрессии (синонимичным, в принципе, друг другу). От «каждому – по труду» веет буржуазной калькуляцией, чего не отрицает и марксизм. Но ведь и «каждому – по потребностям» – тоже с бухгалтерским душком. Полезность труда есть хроническая форма его самоотчуждения. И преодолевается она не вредительством, не немочью и не бесплодными усилиями, а бескорытием. Насколько то само бескорыстно. Насколько понятие выше своей самоидентификации. Насколько любовь выше жажды обладания.

Список литературы

1. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Лоренц К. Так называемое зло. – М.: Культурная революция, 2008. – С. 7–83.

2. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 517–642.

3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 5–250.

4. Фатенков А. Н. «Блоковская незнакомка», ещё одна: революция как произвол стихии, регуляция справедливости и внеморальное величие красоты (актуальные ретроспекции и перспективы) // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: материалы IX Всерос. с международным участием науч. конф. // Забайкал. гос. ун-т.; [под общей редакцией Н. Д. Субботиной]. – Чита. ЗабГУ, 2018. – С. 278–286.

5. Фатенков А. Н. В защиту монистической онтологии, против умаления естества // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: сборник статей 2-й региональной научной конференции (Чита, 17–18 мая 2011) / под общ. ред. д-ра филос. н., проф. Н. Д. Субботиной, канд. филос. н., проф. В. В. Куликова. – Чита, 2011. – С. 18–29.

б. Фатенков А. Н. Национальное / социальное, мужское / женское... и П. Дриё ла Рошель в качестве собеседника // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: сб. ст. VIII Международной науч. конф. / Забайкал. гос. ун-т; под общ. ред. Н. Д. Субботиной; пер. О. А. Борисенко. – Чита: ЗабГУ, 2017. – С. 200–206.

УДК 316

*Алла Викторовна Барковская,
кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: barkovskaja2@gmail.com*

Феномен социализации: стратегии репрезентации

В статье анализируются сущность и механизмы социализации человека, в процессе которой он включается в систему социальных отношений, усваивает опыт людей, нормы и правила их поведения. Специфика социализации раскрывается в разных типах дискурса: психоаналитическом, экзистенциальном, социокультурном и художественном, что позволяет лучше представить процесс самоидентификации личности.

Ключевые слова: человек, личность, социализация, детство, культура, глобализация

*Alla V. Barkovskaja,
Candidate Sciences (Philosophy),
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Philosophy and Methodology of Science,
Belarusian State University,
g. Minsk, Republic of Belarus,
e-mail: barkovskaja2@gmail.com*

The Phenomenon of socialization: representational strategies

The article analyzes the essence and mechanisms of human socialization, in the process of which he is included in the system of social relations, learns the experience of people, the norms and rules of their behavior. The specificity

of socialization is revealed in different types of discourse: psychoanalytic, existential, sociocultural and artistic, which makes it possible to better present the process of self-identification of a person.

Keywords: man, personality, socialization, childhood, culture, globalization

Со времени введения американским социологом Фр. Гиддингом понятия «социализация» (1887 г.) интерес к его смысловому контексту не ослабевает, а, скорее, растёт в геометрической прогрессии. Современные исследования, имеющие антропологический вектор и уделяющие внимание социальным и культурным практикам людей разных исторических эпох, веское тому подтверждение. Определение искомого понятия, биография которого началась с работы Гиддингса «Теория социализации», оказалось инвариантным по отношению ко всем последующим, поскольку акцент автором был сделан на «развитии социальной природы индивида» и его подготовке в качестве «человеческого материала к социальной жизни».

Дисциплинарное оформление и последующая институционализация наук социально-философского профиля привело к тому, что этот первичный и достаточно общий смысл понятия социализации постепенно конкретизировался, приобретая предметную окраску и эксплицитную прозрачность и в других типах дискурса, в частности, психологическом, социологическом, культурологическом, не говоря уже о философском. Соответственно, когда задаётся целостный образ социализации, то в обязательном порядке подчёркивается, что социализация – это процесс приобщения человека к определённой социальной среде, усвоение им социального опыта и конвертация последнего в личную систему знаний, ценностей и ориентаций, включая и правила поведения людей.

Социализация – это территория пересечения разных типов дискурса, которые уже давно и достаточно детально изучают этот феномен, поэтому в качестве наиболее референтных её стратегий представим психоаналитическую, экзистенциальную, социокультурную и художественную. Каждая из них по-своему исследует не только природу социализации, но и её основные институты. Акцентуация внимания на этих стратегиях социализации свидетельствует о том, что это сложный двусторонний

процесс: с одной стороны, детерминация социума, транслирующего социально-значимый опыт посредством специальных механизмов и институтов; с другой – креатив самого индивида, открытого к интериоризации такого опыта и включённого в процесс воспроизводства системы социальных связей. В этой связи Жан Жак Руссо утверждал, что следует говорить о «двократном рождении» человека: в процессе первичной социализации (детство, подростковый период) формируется только «минимум» личности, в то время как её второе рождение связано с образованием целостного мировоззрения и идеологии, активной воли и системы жизненных установок.

Эту тему можно продолжить ссылкой, например, на позиции П. Бергмана и Т. Лукмана, для которых индивид становится членом общества, лишь, когда достигает подобной степени интернализации. И онтогенетический процесс, с помощью которого это происходит, они называют социализацией, определяя её как всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть. Вместе с тем индивид рождается лишь с предрасположенностью к социальности, а не членом общества, и только затем он приобретает этот статус. Поэтому в жизни каждого индивида существует временная последовательность его вхождения в орбиту социетальной диалектики. Первичной социализации индивид подвергается в детстве и благодаря ей он становится членом общества и формирует свой первый мир. Присущее ему особое качество устойчивости, хотя бы отчасти, объясняется неизбежностью взаимосвязи индивида с его самыми первыми значимыми другими. Первичная социализация предполагает знакомство с социально предопределённым ходом событий, и каждая программа обучения ребёнка в той или иной степени содержит социальное признание биологического роста и дифференциации. Этот этап, по мнению авторов, завершается тогда, когда в сознании индивида укореняется понятие обобщённого другого и всё, что его сопровождает. С этого момента он – действительный член общества и субъективно, обладающий своим Я и миром.

Под вторичной социализацией понимается непрерывный процесс, позволяющий уже социализированному индивиду вхо-

дять в новые сектора объективного мира его общества. Данный этап предполагает интернализацию институциональных или институционально обоснованных «подмиров» и требует приобретения специфическо-ролевого словаря, то есть осуществить интернализацию семантических полей, структурирующих обыденные интерпретации и поведение в рамках институциональной сферы. К этому процессу должны подключиться оценки и эмоциональная окраска этих семантических полей. «Подмиры», интернализируемые в процессе вторичной социализации, в основном представляют собой частичные реальности, в отличие от «базисного мира», приобретённого в процессе первичной социализации. Вторичная социализация всегда предполагает предшествующий ей процесс первичной социализации. Это означает, что приходится иметь дело с уже сформировавшимися Я и интернализированным миром, хотя бы на том основании, что «из ничего» нельзя сконструировать субъективную реальность [3, с. 212–213].

Несомненно, что процесс вхождения в сферу социального является трудным и неординарным для любого человека, особенно, с учётом доминирования в обществе массовой культуры, интенсивного развития информационных технологий и функционирования виртуальных коммуникаций. Знаковое место проблема социализации личности занимает в структуре философской антропологии, акцентирующей внимание на социокультурных модусах человеческого бытия. В роли таких модусов рассматривают образование (подчинено ценностным и инструментально-технологическим требованиям); деятельность (способность человека к активному и целенаправленному преобразованию объективной действительности); коммуникацию (процесс обмена информацией); общение (условие самопонимания и саморазвития). Семья, традиция, образование и СМИ становятся ведущими проводниками в реализации как первичной, так и вторичной социализации человека. В этом перечне семья занимает особые позиции, ибо именно она аккумулирует в себе опыт взаимодействия между людьми и передаёт его по наследству. Семья – это то первичное, с чего должна начинаться социализация человека, поэтому акцентуация внимания на его детских го-

дах, во многом объединяет данные стратегии. Ф. Арьес работой «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» способствовал институализации социологии детства и стал, по сути, родоначальником генеалогии детства в целом. Внимание обращено на характер отношений взрослых к детям и детству, на экспликацию природы социальных установок, в рамках которых формировался ребенок, на практику его воспитания в социуме и т. д.

Историческая реконструкция проблемы, проведенная автором, показала, что старое традиционное общество «плохо представляло себе ребёнка и ещё хуже подростка или юношу. Продолжительность детства была сведена к его самому хрупкому периоду, когда маленький человек ещё не может обходиться без посторонней помощи; очень рано, едва окрепнув физически, ребёнок смешивался с взрослыми, разделяя их работу и игры. <...> Семья не осуществляла и не контролировала передачу ценностей и знаний, или, в общем виде, социализацию ребёнка. Эмоциональные контакты и социальные связи осуществлялись вне семьи, благодаря очень плотной и активной «среде», состоящей из соседей, друзей, господ и слуг, детей и стариков, где привязанности осуществлялись вне строгих рамок. Супружеская семья растворялась в этой среде» [1, с. 8–10]. Серьёзные изменения в этом институте начинаются с процессом индустриализации общества и развитием школы, которая «заменила практическое обучение “в людях” в качестве способа получения образования. Ребёнок уже не смешивается со взрослыми и не постигает жизнь в непосредственном контакте с ними. Это отделение и осознание детства являются одной из сторон великого процесса морализации, осуществленного католическими и протестантскими реформаторами, церковными и государственными деятелями. Этот процесс стал возможным на практике лишь благодаря эмоциональной поддержке семьи» [1, с. 8–10].

Постепенно ребёнок обретает дом как свое социальное пространство, семью с её моральными принципами и регламентациями, направленными на гармонизацию отношений между поколениями. В частности, М. Осорина отмечает, что в традиционной культуре поведение членов семьи жёстко регламентировалось: это касалось и порядка рассадки людей за столом, очерёдности

подачи блюд, поведения во время еды, что определяло значимость каждого члена семьи, закрепляло необходимый тип отношений между ними и, тем самым, утверждалась незыблемость семейной структуры.

В современном социуме наблюдается падение статуса семьи в процессе вторичной социализации и это уже общепризнанный факт. В нынешние времена демократические установки проникли в систему и семейных отношений: большие семьи рассыпаются на множество мелких, коллективная солидарность семьи поддерживается, как правило, совместным празднованием дней рождения её членов или другими событиями, если сформировалась подобная традиция. Соответственно появился гостевой формат общения родителей и детей, стремящихся к независимости. Взрослые дети учатся строить свои семьи методом проб и ошибок, порой, не обременяя себя формальными узами, но обретая новый жизненный опыт. Изменению семейной структуры в немалой степени способствует и открытость границ, образовательных программ, возможность миграции в другие культурные и жизненные пространства. В последнем варианте Скайп становится главным посредником в дистанционной коммуникации членов семьи, не позволяя полностью разрушить семейные связи и традиции. И социальные сети, мобильный телефон, смс-переписка, Вайбер подключены к этому процессу.

Вырастая из детских одёжек, каждый взрослый становится архивариусом своей памяти, которая постоянно возвращает нас к тем ещё близким или далёким годам. Детство ассоциируется с семьёй, как той «малой Родиной», в которой было тепло и уютно, где тебя учили и воспитывали, передавали опыт жизни и семейные традиции. Детство для тебя – это тот район или улица, где счастливо проживалась жизнь, наполненная детскими заботами. И не важно, что твоё детство жило в этом же самом городе, который ты не покинул, а не где-то там далеко, измеряемое километрами. Детство – это внутренний двор твоего дома, волейбол с друзьями, классики с подружками, каток с одноклассниками или лапта. Наконец, казаки-разбойники, когда дети прятались в лабиринтах недостроенного дома культуры, на месте которого сегодня появился не он, его давно разрушили за ненадобно-

стью, а высотный дом, гордо стоящий, как победитель, и прямо смотрящий в глаза, через дорогу расположенному старцу-заводу, чьи руководители отказались от своего первенца, долгостроя. Былое сохраняет память, его сакрализирует и сожалеет об утрате. Люди, живущие в этом новом и красивом доме, будут слагать свои легенды о том времени, когда счастье их детства запечатлел уже их дворик, если таковой есть, где можно жить отдельно, но не чувствовать себя в одиночестве. Правда, современные мегаполисы такие цели, как правило, не преследуют.

У современных детей иное детство: гаджеты, красочные мультики и анимэшки, аудиокнижки и т. д. Маркетинговые технологии обеспечивают не только продвижение товаров и стимулирование к изобретению новых, но и с помощью рекламы вмешиваются в процесс социализации детей. Они создают для них красочный мир, в котором, как в Греции все есть, без особого труда можно осуществить все свои мечты, достаточно приобрести рекламируемую жвачку, конфетку, шоколадку и т. п., в противном случае жизнь лишена смысла. Дети воспринимают мир и жизнь через рекламные ролики и рисуют свой детский мир с иными героями, текстами, играми. Сегодня у них уже своя культура, свои традиции, которые передают из поколения в поколение детей. С 60-х годов XX в. используется термин «детская субкультура», которая «выполняет те же основные функции, что и любая культура взрослых. Она выделяет наиболее значимые возрастные проблемы развития личности в её отношениях с окружающим миром и помогает их решать, опираясь на опыт прежних поколений детей, которые сталкивались с теми же проблемами». А формы самостоятельного освоения физического и социального мира, которые устойчиво схожи у разных детей, называются протокультурными. Детская традиция формируется через модели ритуализированного поведения и создание текстов собственного фольклора. Период от 6–7 до 11–12 лет является временем расцвета детской субкультуры [8, с. 332–334]. Социализация современных детей осуществляется интенсивнее и внешне интереснее, веселее.

Однако не остаётся незамеченным и процесс некоторой инфантилизации современной молодёжи, у которой сроки взрос-

ления выходят за границы ранее установленных норм, в связи с этим в европейских структурах обсуждается проблема их изменения в сторону повышения, например, вести отсчёт как минимум от 24 лет. Сегодня родительский патернализм достаточно силен и проявляется в навязывании детям своей программы видения их будущего. Родители исходят из презумпции, что они обладают жизненным опытом и знают эффективные способы адаптации к реалиям современной жизни. Тем самым они формируют у ребёнка тот социальный образ, который на их взгляд, релевантен запросам рынка, чтобы быть в моде, пользоваться повышенным спросом и стать успешным человеком, но иногда родительская любовь мешает объективной оценке его способностей. Правда, «успех зависит, по большей части, от того, насколько хорошо человек умеет продать себя на рынке, насколько хорошо он умеет подать себя, насколько привлекательна его “упаковка”» [13, с. 73].

Реальная практика показывает, что родительские предпочтения в выборе профессии, учебного заведения и т. п. далеко не всегда совпадают с желаниями и способностями молодого человека, ещё только нащупывающего свой собственный путь, ещё не способного в полной мере ответить себе на вопрос: кто он такой? Патернализм, как чужезаконие, лишает взрослеющего ребенка свободы выбора жизненного пути, что приводит к этому самому инфантилизму, не умению принимать решения и нести за них ответственность. Отсюда вечный статус «маменькиного сыночка» или «папенькиной доченьки». Категория «мы» приоритетнее и безопаснее понятия «Я». В связи с этим пишут о том, что новые поколения не горят желанием посвящать себя воспитанию детей или служению цели всего общества, их учат жить ради себя, любить себя, удовлетворять собственные желания. Идеологические лозунги сменились, ибо раньше призывали «жить ради будущих поколений». Общество потребления и масс-медиа формируют систему ценностей современного человека, среди которых блага комфортной жизни становятся приоритетнее.

В свое время Э. Гуссерль пояснял, что сущность человека следует искать не в изолированных индивидах, а в связях личности с её поколением и её обществом, поэтому первично знание

сущности этих связей, то есть совместно осознаваемое, осознается различным образом, при этом мы приходим к взаимопониманию с находящимися рядом людьми. Жизненный мир есть история, его реалии отнесены к человеку и его практическим задачам, поэтому он, как простая данность, доступен для нашего понимания. У человека всегда есть вопросы, как он говорил, «наиболее животрепещущие для человека, брошенного на произвол судьбы в наше злосчастное время... А именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования [4, с. 53].

Возвращаясь к стратегиям социализации, следует отметить и тот вклад в развитие этой темы, которую вносили психоанализ и некоторое время педология (автор понятия Г. Стенли-Холл). Педологию позиционировали в качестве междисциплинарной науки о ребенке, объединяющей психологические, биологические и социологические концепции его развития. Философскими основаниями теории педологии являются представления о ребенке, судьба которого фатально предопределена наследственностью и влияниями социальной среды. Она возникает в конце XIX в. в США и Западной Европе и с психоанализом её сближает интерес к детству. В отличие от психоанализа, транслировавшего свою экспансию в гуманитарные науки, социальные службы и обыденную жизнь человека, педология быстро утратила своё значение, хотя её адепты успели провести конгрессы в Брюсселе и России. Например, А. В. Луначарский возлагал на неё определённые надежды: педология, изучив, что такое ребёнок, по каким законам он развивается, тем самым осветит перед нами самый важный процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идёт по хозяйственной линии.

И. Н. Бухарин в речи на I педологическом конгрессе утверждал, что влияние социальной среды играет большую роль, чем это обычно предполагается, изменения могут совершаться гораздо быстрее, и та глубокая реорганизация, которую мы называем культурной революцией, имеет свой социально-биологический эквивалент вплоть до физиологической природы организма. На том основании, что в природе и обществе, в ребенке и его разви-

тии нет ничего такого, на что нельзя влиять; переделать можно всё, вплоть до физиологической природы организма. Поэтому свои силы нужно устремлять на то, чтобы в кратчайший срок произвести определённое количество живых рабочих, квалифицированных, специально вышколенных машин, которые можно было бы сейчас завести и пустить в общий оборот. Здесь социализация предстаёт как некое конструирование человека, идеально отвечающего запросам общества, априори лишённого каких-либо физических недостатков или асоциального поведения. В России педология стала жертвой политических репрессий [16, с. 24], в остальном победил психоанализ, отняв у первой тему детства.

3. Фрейд рассматривал жизнь человека как взаимодействие и борьбу Эроса и Танатоса. С одной стороны, это воля человека к жизни и любви, с другой – к разрушению и смерти. На примере структуры личности, представленной в виде «Оно – Я – сверх-Я», он попытался показать функционирование этих установок, дисгармония которых приводит к диссоциации личности. Бессознательное («Оно»), как глубинная внутренняя основа психики, влияет на подсознание и сознание людей, импульсы и мотивы их поведения. В отличие от Оно, сверх-Я содержит в себе предписания индивиду со стороны родителей, воспитателей, общества в целом, поэтому индивид (Я) оказывается в центре столкновения природного и социально-культурного начал. Фрейд писал, что «в психологии взрослого нам счастливо удалось разделить душевные процессы на сознательные и бессознательные и описать их с достаточной ясностью. В отношении ребёнка это различие почти недоступно нам». Он считает, что «сознание не приобрело у ребёнка всех характеризующих его признаков: оно находится в процессе развития и не обладает ещё способностью превратиться в словесные представления» [12, с. 255].

«Супер-Я ребёнка, пишет Фрейд, в действительности конструируется по модели супер-Я родителей. В процессе идентификации ребёнок ведёт себя, думает и чувствует, как это делал бы другой человек, с которым он себя идентифицирует (например, мать или отец). Социализация начинается с детского возраста, когда появляется и усиливается действие «эдипового

комплекса» – инстинктивного эротического влечения детей и подростков к родителям противоположного пола. Инстинктивные силы Оно возбуждают и требуют удовлетворения инстинктов, а социальные силы (сверх-Я) стремятся направить эти инстинкты в общественно безопасное, цивилизованное русло. Фрейд выделяет несколько стадий социализации: оральная, анальная, фаллическая и генитальная функционируют с рождения и до половой зрелости. Таким образом, сексуальное развитие является системообразующим фактором становления индивида, а социализация – это процесс обуздания биологических побуждений. В этой связи было замечено, что до появления фрейдизма, западная цивилизация была склонна считать детей от природы «невинными» и «неиспорченными», хотя в других обществах они признаются «по природе грешными и нечистыми», отличающимися от взрослых лишь силой и пониманием [3].

В развитие теории социализации и в преодоление идеи пансексуализма внесли вклад также К. Юнг, Э. Эриксон, А. Адлер, Ж. Пиаже, К. Хорни, Ж. Лакан и др. В индивидуальной психологии А. Адлера структура личности едина, но социальное чувство является врождённым, а не формируется в процессе её социализации. Человек как сознательное существо формирует себя в жизни путём свободы выбора, определением смысла жизни и стремлением к самореализации. В этом случае для личности социально-значимыми становятся внутренние приоритеты и экзистенциальные ценности. Препятствием на пути к самореализации становится «чувство неполноценности» (телесные недостатки, детские неблагоприятные социальные условия и др.), поэтому его преодоление рассматривается как личностное развитие. Адлер не сбрасывал со счетов объективные детерминации поведения человека, но акцент делал на его мотивацию. Именно неполноценность, компенсация и социальная среда инициируют человека к превосходству и своей значимости. Личность – это эго, не замкнутое на себя, а экстравертированное на мир.

Адлер, среди видов компенсации, создающих различные «жизненные стили», выделяет следующие: успешную компенсацию, когда у личности стремление к превосходству совпадает с социальным интересом; сверхкомпенсацию – одностороннее

приспособление к жизни в результате развития какой-либо своей способности (личность не может полностью избавиться от породивших её проблем); уход в болезнь, в этом случае личность «вырабатывает» эффект болезни как оправдание своих неудач. По Адлеру, важна гуманизация воспитания и процесса социализации, элиминирующая из этих процессов любую авторитарность, поскольку в детстве у ребёнка возможны неврозы не только телесной природы, но и неврозы униженного или избалованного человека.

К. Хорни в работе «Невротическая личность нашего времени» критикует Фрейда и полагает, что основу сущности человека составляет врождённое чувство беспокойства, которое ребёнок испытывает с первых минут рождения. Чувство беспокойства – это основная мотивация поступков человека, связанная с желанием избавиться от него. В этой связи Хорни описывает три линии, по которым ребёнок может двигаться: навстречу людям (беспомощность), против людей (враждебность), от людей (изоляция). Отсюда может сформироваться три типа невротической личности: уступчивый, агрессивный и отстранённый. Избавление от невроза – это освобождение от своего «идеализированного Я», человек должен принять себя со всеми недостатками. В позиции Хорни усматривается описание современного социума с его социальными конфликтами, дисгармониями между детьми, детьми и родителями, мужчиной и женщиной и т. п. Чувство беспокойства сопровождает не только ребёнка, ещё не знающего настоящих проблем, но и опытного взрослого. В этом плане её исследование является операциональным знанием.

Интересна в этом отношении структурно-психоаналитическая концепция Жака Лакана, согласно которой бессознательное структурировано как язык, то есть его функция состоит в раскрытии содержания бессознательных процессов. Структура человеческой психики предстаёт взаимодействием трёх составляющих: Воображаемого, Символического и Реального. Обычно субъект, поясняет Ж. Лакан, делает объектом своей первичной идентификации ряд воображаемых эквивалентов, упрочивающих его мир, – наметив идентификацию с одними объектами, он тут же разрывает её, строит идентификацию вновь, но уже с другими,

и т. д. И каждый раз окончательную идентификацию, фиксацию реальности задерживает тревога. Формирование воображаемого происходит у ребёнка в возрасте от 6 до 18 месяцев – на «стадии зеркала», функция которого «представляется нам частным случаем функции *imago*, которая заключается, в установлении связей между организмом и его реальностью». Стадия зеркала характеризует воображаемую идентификацию – идентификацию с оглядкой на Другого [5]. Для ребёнка зеркало – это нечто реальное, которое он пытается понять, а затем признаёт зеркальный образ как собственное отражение.

Символическое, согласно Ж. Лакану, это область «внеприродной комбинаторики», игра недостатка и избытка. Система языка нигде, в каком бы пункте вы её не взяли, не становится перстом, указывающим на определённую точку реальности; сеть языка, взятая как целое, покрывает всю реальность в её совокупности. Вы никогда не сможете сказать, что указано именно вот это, ибо даже если бы это вам удалось, вы бы ни за что не узнали, на что я указываю. В работе «Римский доклад» акцентуация внимания сделана на том, что объекты символического обмена – это сосуды, в которые ничего не положишь, щиты, слишком тяжёлые для битвы, венки, которым суждено засохнуть, пики, втыкаемые в землю, – всегда бывают либо заведомо бесполезны, либо избыточно обильны. Таким образом, у Лакана на этой стадии человек должен усвоить определённые социокультурные символы с целью адаптации к обществу.

Реальное как потребность фиксирует непосредственные жизненные функции и отправления, но эти потребности не даны сознанию индивида в рационализированной форме. Человек возникает на месте разрыва с Реальным!!! Сам по себе он есть «ничто», «пустота», которая наполняется содержанием символических матриц. Современный контекст этого переплетённого клубка воображаемого, символического и реального, в сплетении которого человек оказывается на протяжении всего процесса социализации, видится в том, что ему кажется, будто бы порядок символического он создал сам и реальность тут, но символы его опутывают так, что не замечает второго рождения. Благодеяния потребления, по меткому замечанию Ж. Бодрийяра, не пережи-

ваются в повседневной практике как результат труда или процесс производства, они переживаются как чудо, а массовые коммуникации дают нам не действительность, а головокружение от действительности.

В экзистенциальной стратегии социализации человек выглядит как абсолютная ценность, которая должна гордо идти навстречу событиям и свободной реализации собственных способностей. Проблемное поле определяется вопросами о способах существования личности, выборе ею жизненного пути, о конечности бытия и неизбежности смерти и др. Здесь понимание процесса социализации зависит от интерпретации природы человека, в отличие от простого бытия вещи, он есть несовпадение с самим собой, присутствие с собой и с миром. Сущность человеческого бытия выражается в экзистенции, которая не редуцирована к его физическому существованию. Именно забота превращает человека из природного существа в культурно-социальное. М. Хайдеггер не отрицал социальные связи, однако в них он видел и череду препятствий на пути человека к собственному Я. Он есть то, чем он может стать в своем бытии: его человеческое бытие обнаруживает себя в изначальной принадлежности миру, при этом предполагает своё бытие рядом с другими людьми.

Взаимодействие с другими людьми делает бытие человека совместным как событие. В то же время есть мир повседневности с его болтовнёй, любопытством, двусмысленностью, с безликой, усредненной общественностью, которые олицетворяют собой мир не подлинности, полной анонимности, отсутствия свободы и ответственности. Трудность человеку на пути к «подлинной экзистенции» создаёт мир анонимности, так как именно он навязывает повседневности способ существования: «присутствие как повседневное бытие с другими оказывается на посылах у других. Не оно само есть, другие отняли у него бытие» [14, с. 126]. Однако экзистенциальный смысл в том и состоит, что человек должен быть тем, что он есть, а не просто быть, он должен создавать себя. Для ныне живущих практический контекст философии М. Хайдеггера заключается в напоминании о конечности нашего бытия, чтобы мы не теряли время зря.

Ж.-П. Сартр, размышляя о суверенности поступков человека, создаёт своеобразную формулу для социализации: мы сами творим собственную жизнь! В его программном документе «Экзистенциализм – это гуманизм» сформулированы две основные смысловые идеи: индивидуальный субъект сам себя выбирает и человек не может выйти за пределы человеческой субъективности. Это объясняется тем, что «существование человека предшествует его сущности», его характеризуют индивидуальные предпочтения и поступки, а не устойчивая «человеческая природа». В автобиографии «Слова» он раскрывает своё понимание детства, окружённого старшим поколением, но акцентирует внимание на том, что через «читать» и «писать» он социализировался в обществе: «Я не ковырялся в земле. Не разорял гнёзд, не собирал растений, не стрелял из рогатки в птиц. Книги были для меня птицами и гнёздами, домашними животными, конюшней и полями. Книги – это был мир, отражённый в зеркале, они обладали его бесконечной плотностью, многообразием и непредугаданностью» [9, с. 53]. Для Ж.-П. Сартра книга стала важнее всего на свете, в книжных полках ему виделся храм, а чтение, как уход от взрослых, означал не преднамеренное отчуждение от них, а наоборот, возможность более тесного общения с ними. Вторая фаза детской социализации Сартра проходила под знаком «писать», вдохновение от которого он познал между семью и восемью годами: «Я никогда не поддавался полностью обману “автоматического письма”. Но эта игра мне нравилась; единственный ребёнок в семье, я мог играть в неё один ... вперив взор в пространство, я ощущал себя писателем» [9, с. 163]. Социализация здесь предстаёт как личный выбор ребёнка среди возможностей семьи, предоставившей их.

Жизнь есть поток перемен, инициаторами которых являемся мы с вами, как утверждает А. Камю: *«Будь я деревом или животным, жизнь обрела бы для меня смысл. Вернее, проблема смысла исчезла бы вовсе, так как я сделался бы частью этого мира. Я был бы этим миром, которому ныне противостояю всем своим сознанием, моим требованием вольности. Ничтожный разум противопоставил меня всему сотворённому, и я не могу отвергнуть его росчерком пера»* [5, с. 258]. Проблема в том, что «по-

вседневный человек не любит задерживаться, он в вечной гонке. Но в то же время он ничем, кроме себя самого, не интересуется, в особенности, когда речь идёт о том, кем бы он мог стать. Отсюда его склонность к театру, к зрелищам, предлагающим на выбор столько судеб. Он может ознакомиться с ними без сострадания и горечи. В этом легко узнать бессознательного человека, торопливо стремящегося к неведомо каким надеждам. Абсурдный человек появляется, когда с надеждами покончено, когда ум уже не восхищается игрой, а вступает в неё» [5, с. 276].

Не менее значимой в содержательном отношении является и социокультурная стратегия социализации личности, которую сформировали концепции социального дискурса: Ч. Кули, Дж. Мид, М. Мид и др. В этом дискурсе значимо то, что внимание переносится с семьи, как первичной группы, на друзей, то есть тех других, которые для ребенка становятся новыми авторитетами. Благодаря и родителям, и друзьям он начинает осознавать себя в качестве самостоятельного «Я» и тем самым выделять себя из коллектива. Кули этот процесс называет «зеркальным Я», когда другие люди воспринимаются в качестве зеркал, вглядываясь в которые можно форматировать и свое личное «Я». Такое «Я» рассматривается как элемент самосознания ребёнка. Для Дж. Мида в этом вопросе важна ролевая функция, формирующаяся ещё в детстве: кто из нас взрослых, не примерял на себя роль матери, надевая её туфли и платья, отца, когда брали в руки его инструменты и т. д.? Одновременно эти трансформации для ребёнка – это забавный вид игры, имитирующий поведение взрослых. Социализация разворачивается путём имитации, ролевых игр и коллективных игр, в процессе которых появляется чувство социальной идентичности. *«Именно в форме обобщённого другого социальный процесс влияет на поведение вовлечённых в него и поддерживающих его индивидов... В абстрактном мышлении индивид принимает установку обобщённого другого» [7, с. 124].* Роль «обобщённого другого» становится критерием формирования «Я». В результате сутью социализации является способность индивида становиться объектом для самого себя, то есть перейти от «I» к «Me», чтобы сформироваться в качестве полноценной личности.

Среди множества подходов, вполне релевантных нашей эпохе, является позиция М. Мид, рассматривающей три типа культур на основании механизмов трансляция опыта между поколениями: *постфигуративные культуры* – дети учатся у своих предков, передающих им традицию и правила взаимоотношений между членами сообщества разных возрастов. *Конфигуративные культуры* – дети и взрослые учатся у сверстников, как равных себе, эффект сотворчества. Однако влияние старших падает, расширенная семья заменяется нуклеарной, традиция уступает место новациям. *Префигуративные*: ситуация качественно иная и уже взрослые учатся у своих детей. Формируется новый тип социальной связи между поколениями, когда нет патернализма старшего поколения над младшим. В современный век ИТ-технологий наблюдается создание волонтерских групп, обучающих старших обращаться с гаджетами, открываются университеты «третьего возраста» и т. д.

Мир, конечно, многолик и интересен тем, что он не только говорит на разных языках, но и повествует о разнообразии стратегий социализации людей, населяющих его, с их сценариями повседневной и социально-культурной жизни. Любому человеку чужой язык, согласно Э. Сепиру, позволяет войти в новую сферу мысли и понять, что человеческие существа живут не только в объективном мире, поэтому миры, в которых живут разные общества – это разные миры, а не просто один и тот же мир с разными ярлыками. Язык в роли социализующего фактора обеспечивает социальный контакт даже между членами временно образуемой группы, например, во время приема гостей. Но язык не только социализующая и унифицирующая сила, он в то же время является наиболее мощным и единственно известным фактором развития индивидуальности. Современная цивилизация в целом, с её школами, библиотеками, бесконечными запасами знаний, мнений, фиксированных в словесной форме чувств, немислима без языка, обладающего вечностью документа [10, с. 223–247].

Язык действительно социальный феномен и «им нельзя овладеть вне социального взаимодействия, то есть без общения с другими людьми. Хотя процесс социализации в значительной мере основан на имитации жестов – кивков, манеры улыбаться

и хмуриться, язык служит основным средством передачи культуры», он «участвует также в процессе приобретения и организации опыта людей» [11, с. 57]. Правда, сегодня с печалью констатируют, что язык современной культуры перестал быть языком подлинного бытия, он превращается в инструмент с иной манерой трансляции социальных эстафет. Но реалии таковы, что мы все глобально стандартны и унифицированы, для кого-то это беда, а кто-то этот мир воспринимает позитивно, стремится к нему как личностному развитию. Глобализация не может не изменять конфигурацию жизненного пространства народов, ставит под вопрос сохранение их автохтонности, и как следствие – порождает у людей страх утраты своей уникальной культурной традиции, языка, обычаев, механизмов передачи этих самых социальных эстафет.

В то же время нельзя не заметить, что вольно или невольно она же инициирует у локальных сообществ, не занимающих выгодных магистральных позиций, осознание происходящего, что даёт им шанс поставить необходимые барьеры на её пути, с которыми она вынуждена будет считаться. Однако и этноцентризм не способствует взаимопониманию народов, поэтому идея культурного релятивизма кажется более продуктивной, ибо она ориентирует на понимание взглядов и линию поведения других людей с позиции их традиций. И термин для этой ситуации есть подходящий – «глокализация» (Р. Робертсон), в котором сочетается глобальное и локальное, универсальное и индивидуальное, гомогенное и гетерогенное. *«Уже сегодня ясно, – пишет Э. Хобсбаум, – что глобализация не уничтожает локальные, национальные и прочие культуры, а сочетается с ними в разных неожиданных комбинациях. Например, индейское племя Эквадора каким-то образом встроилось в мировую экономику в качестве продавцов тканей. Их отличительным признаком были тёмно-синие юбки женщин и пончо, длинные заплетённые волосы мужчин». При этом «они не американизовались, напротив, они так сказать, «отоваленызировали» влияние США»* [16, с. 44-45]. В итоге глобализация расширила жизненный мир иммигранта, так как оказался сразу в трёх мирах: в своем автохтонном, в мире страны его принявшей и, собственно, в мире глобальном.

Современная художественная литература активно реагирует на проблемы глобализирующегося мира в формате автобиографий, мемуаров, литературных произведений или спектаклей, осмысливая возможности философии «мультикультурализма», процессы социализации в различных культурных средах, их кросскультурных контекстах и т. п. По словам известного французского писателя Фредерика Бегбедера, «литература часто помнит то, о чём сами мы забыли; писать – значит читать в себе», а «жанр автобиографии располагается на перекрестке дорог, между Зигмундом Фрейдом и мадам Солей» [2, с. 21–22]. Он своего детства не помнит и когда в этом признаётся, ему никто не верит: *«мозг искажает картины детства, рисуя его более радостным или мрачным и уж во всяком случае куда более интересным»* [2, с. 37]. С огорчением констатирует, что «дети воспринимают вечность как нечто само собой разумеющееся, однако родители их родителей уходят, не дав им времени задать нужные вопросы. Потом наступает момент, когда дети, сами став родителями, испытывают желание узнать, от кого они произошли, но могилы не отвечают. Никогда» [2, с. 52].

В художественных классических и современных произведениях особое место уделяется роли старших поколений в социализации личности, семейным ценностям и традициям, образующим мир ребёнка, системе его воспитания и образования. В диссертационных исследованиях показано, что детская тема становится одной из ведущих в русской литературе только с середины XIX века. При этом для большинства писателей, описывающих процесс социализации «дитяти», интересует возраст ребёнка от 5 до 12–13 лет, поскольку в данном возрасте он уже относительно независим от родителей, способен к самостоятельным действиям и поступкам, у него развиты мотивационная сфера, память, внимание. Детство возникает там и тогда, как полагает исследователь этого феномена Л. Н. Савина, когда ребёнка нельзя включить в систему непосредственного общественного воспроизводства, поскольку дитя не может овладеть орудиями труда в силу их сложности. Теме детства была центральной для многих русских писателей и в этом контексте

нельзя не вспомнить произведения Н. М. Гарин-Михайловского, С. Т. Аксакова, М. Горького, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др.

Сельская и городская жизнь белорусов, их методы воспитания и обучения детей в этих разных культурных традициях не обошли своим писательским вниманием ни Я. Колас, ни Л. Гениуш, ни В. Быков, ни А. Глобус. Понятно, что эта тема волновала и многих других писателей и поэтов, чья жизнь протекала на лоне природы, и память упорно возвращает их в то детство. Сельская жизнь делает мир детей иным: они живут среди природы, их бытие изначально неотделимо от неё. Здесь они учатся чувствовать и сопереживать, природа расширяет горизонт их видения, достаточно выйти за пределы усадьбы, хутора или деревни. Мир детских фантазий уносит их в бесконечную даль подобно движущейся реке. Их социализация ещё во многом проходит по канонам традиции, ещё присутствует тесная связь поколений, поскольку бабушки и дедушки могут жить в шаговой доступности. Городской ребёнок формируется среди стекла и бетона, растёт на асфальте и дышит плодами техногенной цивилизации. Высотный многоквартирный дом заслоняет ребёнку естественный мир, который при встрече с ним воспринимается как чудо. В городе правят бал новации, общество потребления оформляет ценностный мир ребёнка, «окно в мир» – это прерогатива технических средств, которыми родители всегда могут воспользоваться, чтобы его занять. Конечно, сегодня уже нет такой огромной разницы между деревенским и городским образом жизни, технический прогресс её постепенно нивелирует и процесс социализации стандартизируется. Синдром провинциальности, правда, ещё «сидит» в генах сельских жителей, поэтому его изживание у детей начинается в каникулярное время в процессе посещения городских театров, музеев, цирка или заморского ресторана Макдональдс.

В современной литературе писатели поднимают вопросы самоидентификации ребёнка в неполной семье и проблемах его социализации: Р. Гари («Обещание на рассвете»), Фр. Бегбедер («Французский роман»), М. Уэльбек («Элементарные частицы») и др. Жан-Мишель Генассия («Клуб неисправимых оптимистов»),

прозу которого критики назвали великой, описывает жизнь подростка 60-х годов XX в., увлекающегося фотографией и чтением, не рвущегося в школу, испытывающего трудности в общении с родителями, но ощущающего комфорт в обществе людей в силу разных причин бежавших от железного занавеса. Не осталась без внимания и злободневная тема террора, поднятая Э.-Э. Шмиттом («Человек, который видел сквозь лица»), рассказывающего о фанатиках и экстремистах, кровавой мести по принципу «око за око». В тексте именно это становится причиной взрыва на паперти собора, совершённого подростком из Магриба, что повлекло за собой немало других детских жертв.

В заключение можно сказать, что тема социализации не остаётся в стороне от художественного дискурса, в силу её значимости и неисчерпаемости. Мир активно изменяется, а с ним и способы социализации детей: «Воспитывать теперь самая трудная вещь; думаешь: ну, всё теперь кончилось! Не тут-то было: только начинается!..» М. Ю. Лермонтов. («Странный человек»).

Список литературы

1. Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 416 с.
2. Бегбедер Ф. Французский роман: Роман / пер. с фр. Е. Головиной. – М.: Иностранка, 2010. – 320 с.
3. Бергман П. Социальное конструирование реальности. – М.: Московский философский фонд «Academia-Центр», «МЕДИУМ», 1995. – Гл. III.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – Новочеркасск: САГУНА, 1994. – С. 51–100.
5. Камю А. Миф о Сизифе. Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 222–318.

6. Лакан Ж. Стадия зеркала и её роль в формировании функции Я // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара, 2000. – С. 398–405.
7. Мид Дж. Интернализированные другие и самость. Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В. И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.
8. Осорина М. В. Секретный мир детства в пространстве мира взрослых. 5 изд. – СПб.: Питер, 2010. – 368 с.
9. Сартр Ж.-П. Слова. пер. с фр. Ю. Яхниной, Л. Зониной. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 304 с.
10. Сепир Э. Язык. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – С. 223–247.
11. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
12. Фрейд З. Психоанализ и детские неврозы. – Минск: ООО «Поппури», 1998. – 608 с.
13. Фромм Э. Человек для себя. пер. с англ. и послесл. Л. А. Чернышовой. – Минск: «Коллегиум», 1992. – 253 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: «Ad Marginem», 1997. – 451 с.
15. Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество. Пер. с англ. Н. Охотина. – М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2017. – 384 с.
16. Эткинд А. М. От психоанализа к педологии // Человек. – 1990 – № 1. – С. 20–30.

Юлия Владимировна Дедолко,
*магистр философии,
старший преподаватель кафедры
философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: dedolko@mail.ru*

Экспликация концепта «капитал» посредством парадигмы Минской методологической школы

Статья посвящена проблемам трансформации понятия «капитал» на различных этапах развития науки. Представлена история развития Минской методологической школы, основателем которой является философ В. С. Стёпин, охарактеризованы основные достижения и положения школы. Проанализировано развитие понятия «капитал» сквозь призму методологии В. С. Стёпина и Минской школы. Автор статьи обосновывает интегративный статус философии и перспективы трансдисциплинарного синтеза естественных и социогуманитарных наук в исследованиях феномена капитала.

Ключевые слова: наука, научное познание, методология, капитал, трансдисциплинарные исследования

Julia V. Dedolko,
*Senior Lecturer,
Department of Philosophy and Methodology a Science,
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: dedolko@mail.ru*

Explication of the concept of “capital” through the paradigm of the Minsk Methodological School

The article is devoted to the problems of transformation of the concept of “capital” at various stages of the development of science. The history of the development of the Minsk Methodological School, the founder of which is the philosopher V. Stepin, is presented. The main achievements and positions of the school are described. The development of the concept of “capital” is analyzed through the prism of the methodology of V. Stepin and the Minsk School. The author of the article substantiates the integrative status of philosophy and the

prospects for the transdisciplinary synthesis of natural and social sciences in the study of the phenomenon of capital.

Keywords: science, scientific knowledge, methodology, capital, transdisciplinary research

Одной из важнейших философских проблем, определяющей приоритетные направления дискуссий мыслителей различных эпох, является проблема познания. Формулировки данной проблемы трансформировались в зависимости от исторического социокультурного контекста: философы Античности дискутировали о критериях различения мнения и знания, Средневековья – о соотношении веры и разума, Нового времени – о научном методе. С появлением и интенсивным развитием науки проблемы методологии научного познания, его взаимосвязи с иными формами познавательной деятельности и социокультурным контекстом широко обсуждаются как в западноевропейской философской традиции (от классиков Ф. Бэкона и Р. Декарта до исследований К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, М. Полани, С. Тулмина, Дж. Агасси и др.), так в работах представителей философско-методологических школ, зародившихся в пространстве СССР. Одной из известнейших школ постсоветского пространства, продуктивно работающей в сфере философии и методологии науки, является Минская методологическая школа, ведущая начало со второй половины XX в. Зарождение и расцвет этой школы связаны с именем белорусского и российского философа, академика РАН В. С. Стёпина. Белорусский философ, яркий представитель Минской методологической школы, профессор А. И. Зеленков выделяет три этапа в её истории: 1) конец 60-х – начало 70-х гг. XX в. – период становления и формирования теоретических оснований школы в рамках деятельностного подхода на примере анализа структуры и динамики физического научного знания (В. С. Стёпин и Л. М. Томильчик); 2) вторая половина 70-х – конец 80-х гг. XX в. – период развития идей и формирования творческого коллектива Минской методологической школы под руководством В. С. Стёпина в Белорусском государственном университете, представители которого исследовали философско-методологические проблемы как естественнонаучного, так

социально-гуманитарного познания (В. Ф. Берков, А. Н. Елсуков, А. И. Зеленков, П. С. Карако, Я. С. Яскевич и др.); 3) 90-е гг. XX в. – настоящее время – период исследований методологических проблем социально-гуманитарного научного познания и роли философии в формировании метатеоретических оснований науки и интеграции её достижений в культуру (А. И. Зеленков, Н. А. Кандричин, В. Т. Новиков, В. В. Анохина, В. Ф. Берков, Л. Ф. Кузнецова, В. К. Лукашевич, Я. С. Яскевич и др.). В настоящее время приоритетным направлением исследований Минской методологической школы являются проблемы социокультурной детерминации научного познания и гуманизации науки как важнейшего социального института современности, расширения предметного пространства и методологических возможностей научного познания, его социокультурные, антропологические и экзистенциальные аспекты [9].

Исходным пунктом генезиса философско-методологической парадигмы, разработанной В. С. Стёпиным, стал критический анализ позитивистской программы и выявление ряда её недостатков и нерешённых проблем, в частности, так называемой «программы очищения науки от метафизики» и подхода к научному познанию как к автономной структуре, не зависящей от влияния социокультурных факторов и иных форм практической и познавательной деятельности (обыденного познания, искусства, философии), а также контекста исторического развития науки и её методологии; неопозитивистской концепции физикализма, в рамках которой была предпринята попытка унификации научного знания путём редуцирования научных дисциплинарных языков к языку физики. Также были выявлены и развиты содержательные аспекты программы неопозитивизма в рамках структуры научного познания и языка науки, в частности, разделение эмпирического и теоретического уровней с выделением их подуровней (экспериментов и их эмпирических схем; частных и обобщающих теорий) с последующим обоснованием и внедрением в научный дискурс таких концептов как теоретическая схема, эмпирическая схема, картина мира и её разновидности (специальная или дисциплинарная, естественно-научная и социально-научная,

общенаучная); обоснование существования нескольких уровней и типов языковых выражений, взаимосвязанных между собой в рамках теории и формирующих её понятийный каркас.

Главными достижениями и ключевыми идеями В. С. Стёпина в сфере методологического анализа структуры науки и её исторического развития, оформившихся в качестве парадигмы и активно применяющихся в исследованиях представителей Минской методологической школы, являются: 1) обоснование метода аналогового моделирования в процессе генезиса знаний и разработки новых теоретических схем и генетически-конструктивного метода для объяснения и предсказания новых опытных фактов в рамках уже функционирующих теорий; 2) разработка деятельностной парадигмы и выявление социокультурной обусловленности научного познания, что позволило впоследствии обосновать существование третьего, метатеоретического, уровня научного познания, включающего в себя обобщённую научную картину мира, идеалы и нормы науки, её философские основания; 3) анализ проблемы формирования нового знания с учётом исторического развития науки, что повлияло на разработку системного, а затем и синергетического подхода в философской и научной методологии, а также позволило вычленив в истории развития науки три периода: классический, неклассический и постнеклассический, критериями различений которых являются специфика системной организации объектов научного исследования, методов исследовательской деятельности, а также ценностных и целевых ориентаций субъекта научной деятельности, включающих в себя философскую рефлексию.

Принципы методологии, разработанной В. С. Стёпиным для анализа структуры и динамики научного познания и успешно апробированные им на примере физического научного познания, могут быть использованы не только в естественнонаучном познании, но и в социальном. На возможность экстраполяции указывает и сам В. С. Стёпин, приводя в качестве примера исследования В. М. Розина, направленные на сравнительный анализ естественных, технических и гуманитарных наук и позволившие В. С. Стёпину обосновать тезис о том, что «...идеальные теоретические объекты и построенные из них целостные теоре-

тические модели (схемы) выступают существенной характеристикой структуры любой научной теории, независимо от того, принадлежит ли она к сфере гуманитарных, социальных или естественных наук» [16, с. 114]. Позднее поле методологических исследований В. С. Стёпина расширилось за счёт анализа проблем философии культуры, социальной философии и философской антропологии. Важнейшими достижениями В. С. Стёпина в этот период стали: разработка целостной картины социальной реальности с выделением трёх ее подсистем (экономической, социальных отношений и культурной), а также дальнейшее обоснование статуса философии в развитии науки и жизнедеятельности общества. Важнейшей функцией философии, по мнению В. С. Стёпина, является разработка мировоззренческих универсалий культуры и последующая рефлексия над ними в процессе развития общества. В философии в процессе разработки новых смыслов мировоззренческих универсалий также создаются категориальные схемы, обладающие прогностическим и эвристическим потенциалом и востребованные наукой. Постоянное взаимодействие философии и науки происходит посредством отбора, конкретизации и адаптации философских идей в рамках той или иной научной дисциплины и обратно к осмыслению философией новых, порождённых наукой категориальных смыслов.

Интересным примером подобного взаимодействия философии и науки, на наш взгляд, является трансформация концепта «капитал», прошедшего все три этапа развития науки, выделенные В. С. Стёпиным, демонстрирующая обоснованность экстраполяции принципов его философско-методологического анализа к сфере социального научного познания. Исследования капитала как ценности, обладающей свойством приращения, долгое время являлось прерогативой экономических дисциплин, однако детальный анализ показывает, что проблема ценности находится в фокусе философских учений, начиная с Античности, что позволяет причислить её к одной из мировоззренческих универсалий культуры. В. С. Стёпин выделил два уровня философской рефлексии над универсалиями культуры: первый включает рефлексии над их общими смыслами в различных сферах культуры, включая обыденное сознание и язык, и фиксацию универсалий

в виде смыслообразов; второй уровень путём рационализации и абстрагирования превращает последние в строгие понятия. Таким образом, мировоззренческие универсалии трансформируются в философские категории, а затем и научные концепты, взаимосвязанные и развивающиеся, обретающие новые характеристики и определения. Данные тенденции коснулись и понятия «капитал», экстраполяция которого требует исторической реконструкции и философско-методологического анализа с целью выявления, и фиксации новых смыслов данного понятия в рамках дисциплинарных исследований и кристаллизации мировоззренческих установок нового этапа цивилизационного развития социума.

Согласно современным исследованиям этимологии понятия (Ф. Бродель, Э. де Сото) слово «капитал» имеет латинские корни (от лат. «caput»), употреблялось в значении «голова», «главный» и означало голову крупного скота, но с течением времени приобретало ряд дополнительных коннотаций в силу развития общественно-экономических отношений и включения в лексикон европейских народов. Позднее римляне стали чеканить монеты с изображением головы быка, как символа богатства, а слово «caput» трансформировалось в «capitale», которое означало «ценности; запас товаров, массу денег или же деньги, приносящие процент» [5]. Длительное время капитал и отождествляющееся с ним богатство не были предметом специального научного исследования, но проблема ценности, являющаяся базовой и смыслообразующей для данного понятия, поднималась в трудах философов (Платон, Аристотель, стоики) и является, безусловно, культурной универсалией. В Средневековье, в эпоху господства натурального хозяйства и слабой развитости рыночной торговли и товарно-денежных отношений, капитал имеет землевладельческий характер и представлен традиционными орудиями ремесла [11]. Фома Аквинский, опираясь на труды Аристотеля, осуждал торговую прибыль и ростовщический процент, а экономическую жизнь общества рассматривал с моральной точки зрения, на предмет её соответствия церковным канонам. На исходе Средневековья (XIII в.) слово «capitale» было задокументировано в Италии и употреблялось уже в значении денежного капитала [5].

Таким образом, согласно классификации уровней философской рефлексии, над мировоззренческими универсалиями культуры по В. С. Стёпину, период Античности и Средневековья предстаёт как первый уровень, когда в рамках философского осмысления были обнаружены и зафиксированы общие смыслы универсалии ценности, её соотношение с понятиями богатства и собственности в обыденном сознании и языке, в сфере нравственности, религии, политики. На этом уровне строгое понятие «капитал» ещё не сформировано, но зафиксировано в различных смыслообразях, имеющих также эмоциональную и морально-этическую нагруженность.

В эпоху Возрождения слово прочно вошло в лексикон европейских народов в связи с активным развитием рыночной экономики, и появились первые попытки исследования феномена капитала. Долгое время понятие «капитал» конкурировало с близкими по значению словами: «доля», «богатство», «возможности», «серебро», «ценность», «деньги», «достояние» и т. д. [5]. Социокультурные и экономические трансформации западноевропейского общества эпох Возрождения и Реформации, секуляризация интеллектуальной жизни и зарождение науки создали предпосылки рационального осмысления природы капитала, по традиции отождествлявшегося с богатством. Меркантилисты У. Стаффорд, Г. Скарuffи, Т. Ман, А. Сера, А. де Монкретьен (XV–XVII вв.) источником богатства считали экспортную сырьевую и товарную торговлю, а воплощением – золото и серебро, выполнявшие роль средства накопления. Таким образом, в сфере обращения меркантилисты обнаружили существенный признак капитала – превращение и приращение богатства: «Первое теоретическое освещение современного способа производства – меркантилистская система – по необходимости исходило из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому оно схватывало только внешнюю видимость явлений» [11].

Меркантилистское понимание капитала как результата торговой деятельности и отождествление его с богатством и деньгами критиковали основоположники классической политэкономии У. Петти и П. Буагильбер (XVII – нач. XVIII в.), сместившие ак-

центы в исследовании природы капитала с торговли на производство и разработавшие теорию трудовой стоимости. Основатель школы физиократов Ф. Кенэ (2-ая пол. XVIII в.) утверждал, что капитал есть орудие производства и результат земледелия, подразделял капитал на основной и оборотный. Ф. Кенэ и А. Тюрго также различали «капиталы праздные» и «капиталы деятельные». Заслугой А. Тюрго стала демаркация капитала и денег. Он считал прибыль особым видом дохода, а деньги – формой сбережения и накопления богатства. А. Смит развил представления физиократов о двух формах капитала (оборотный и основной) и подразделил запасы государства или частного лица на две части. Часть, от которой ожидается получение дохода, А. Смит и считал капиталом, накоплению которого способствует бережливость. Также А. Смит высказывал мысль о том, что человек обладает природной склонностью к торгу и обмену, что повлияло впоследствии на появление понятия «человек экономический». Таким образом, в Новое время представления о капитале трансформируются – коммерциализируются два важнейших фактора производства (земля и труд), под влиянием развития промышленности происходит пересмотр источников богатства, выкристаллизовывается разница между богатством, деньгами и капиталом, разрабатывается структура капитала.

Несмотря на достижения классиков политэкономии, конкретизировавших терминологию, «капитал» и «богатство» ещё долго употреблялись как синонимы. В начале XIX в. Ж. Б. Сей и С. де Сисмонди чаще использовали термин «богатство», но зафиксировали абстрактную сущность капитала. С. де Сисмонди считал, что капитал представляет собой постоянную ценность, которая не расточается, а приумножается: «Капитал непрерывно умножающая себя стоимость» [цит. по К. Марксу, 11]. Когда эта ценность обособляется от создавшего её продукта, она обращается в метафизическую и нематериальную величину, воплощённую в различных формах и всегда принадлежащую тому, кто её создал. Ж. Б. Сей полагал, что капитал нематериален, так как производит его не материя, а ценность, заключённая в ней. В ценности же нет ничего материального, потому что она является абстрактной категорией, порождённой сознанием

человека [5]. Здесь мы вплотную подходим ко второму уровню философской рефлексии, когда смыслообразы мировоззренческих универсалий трансформируются в строгие понятия. Как отмечают С. Н. Корсаков и Л. Ф. Кузнецова: «На этом уровне философия решает теоретические задачи, оперируя категориями как особыми идеальными объектами, обнаруживая их новые характеристики» [10]. Ж. Б. Сей и С. де Сисмонди удалось рационализировать суть капитала и закрепить её в определении. Также классики политэкономии разработали категориальный базис будущей экономической теории, как научной дисциплины, установили связи между понятиями, образующие особые сети отношений или категориальные кластеры, в которых изменение смысла одного элемента приводит к изменениям смысла других, согласно В. С. Стёпину.

Исследование причин возникновения и природы капитала, а также дальнейшую теоретизацию, опирающуюся на глубокий философский анализ, продолжил К. Маркс, применивший исторический метод исследования феномена капитала и положивший начало деятельностному подходу. К. Маркс также учитывает в своем исследовании влияние социокультурных факторов, повлиявших как на развитие собственно капитала, так и трансформацию представлений о нём в западноевропейской интеллектуальной мысли. Капитал в работах К. Маркса окончательно «дематериализуется», приобретает статус социально-экономической категории, отражающей определённый тип классовых отношений. Это не товар как у меркантилистов, не земля и материальные средства труда, как у физиократов, а определённое общественное производственное отношение, которое кристаллизуется в вещи в виде прибавочной стоимости и придаёт этой вещи специфический общественный характер. Заслугой К. Маркса является не только окончательное закрепление категориального статуса капитала, но также использование широчайшего статистического материала в качестве эмпирического обоснования своих теоретических положений, попытка формализации экономических процессов, применение исторического метода к анализу социально-экономических проблем и процессу становления политэкономии, заложившей основы будущей эко-

номической теории, философский анализ социальных и антропологических проблем капитализма, разработка основ деятельностного подхода.

Следует отметить, что экономические учения, как и большинство современных научных дисциплин, зародились и длительное время развивались в формате одного из направлений философии, что накладывало отпечаток на методы исследования (методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстракции), охват исследуемых явлений (в работах меркантилистов, физиократов, классиков политэкономии речь идёт не об абстрактных категориях и идеальных моделях, а о реальных социально-экономических проблемах во всей широте их проявлений и взаимосвязей, сопряжённых с попытками выявления их причин и последующего устранения), стиль повествования, не лишённый порой назидательного и морально-этического пафоса. Труды ранних экономистов более напоминают философские трактаты, имеющие статус протонаучного экономического познания. Однако, ситуация меняется уже в период творчества классиков марксизма, когда под влиянием активно развивающегося социально-гуманитарного познания начинает оформляться экономическая теория как научная дисциплина, развивающаяся по канонам современного ей естествознания. Но и в этот период влияние философии проявило себя в позитивизме, попытавшемся обозначить чёткие рамки и критерии научного познания в любом его проявлении.

Экономическая теория закрепляется в статусе научной дисциплины, обладающей всеми признаками таковой: системой абстрактных идеализированных объектов эмпирического и теоретического уровней; собственной методологией, включающей философские и общенаучные методы, а также характерный для развитых теорий метод математического моделирования; теоретической схемой, обладающей объяснительной и предсказательной способностями. Данный период развития экономической теории как научной дисциплины приходится на этап классической науки и характеризуется всеми присущими ему признаками, заимствованными из классического естествознания: экономическая сфера рассматривается как простая система, включающая ряд абстрактных идеализированных объектов (ресурс, рынок,

капитал, спрос, предложение и др.), на основе которых выстраивается дисциплинарная онтология по образцу доминирующей механистической картины мира; характерным пониманием идеалов и норм исследования, ориентирующимся на критерии физического познания; специфику ценностно-целевых структур деятельности, заключающуюся в стремлении к достижению истинного знания и построению целостной завершённой теории.

В начале XX в. под влиянием развивающегося естествознания, в частности, физики, закладываются основы неклассического этапа развития науки и происходит пересмотр идей позитивизма, требующего «очистить науку от метафизики». Объектом исследований становятся сложные саморегулирующиеся системы, принципы теории сложных систем применяются к анализу социальных процессов, развиваются междисциплинарные исследования. Под влиянием общих тенденций развития научного познания, и специфики социального познания, помимо субъект-объектных отношений включающей субъект-субъектные, происходит трансформация экономического научного познания. В экономической теории появляются школы, анализирующие экономические феномены в их взаимосвязи с социокультурным контекстом и историческим развитием (институционализм, монетаризм). В рамках Чикагской школы в результате исследований Т. Шульца и Г. Беккера 60-х гг. XX в. сформировалась концепция человеческого капитала. Т. Шульц выявил, что быстрые темпы восстановления Западной Германии и Японии после Второй мировой войны связаны с уровнем образования и здоровья населения. Г. Беккер разработал микроэкономические основания концепции человеческого капитала и сформулировал суть своего научного поиска как «экономический подход к социальным вопросам» [3]. Человеческий капитал – это знания, навыки и мотивации человека, инвестициями в который выступают образование, опыт, забота о здоровье, мобильность. Г. Беккер расширил рамки неоклассической экономической теории, которая понималась им как универсальный язык описания человеческого поведения.

П. Бурдье в 80-х гг. XX в. сформулировал концепт «символический капитал» и произвёл демаркацию капитала на

экономический, культурный и социальный. По определению П. Бурдые символический капитал функционирует «...как капитал в любой его форме, представляемой (то есть воспринимаемой) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или неузнаванием», предполагающим влияние хабитуса как социально сконструированной когнитивной способности [7]. Культурный капитал – это знания, позволяющие человеку понимать и оценивать различные типы культурных отношений и культурных продуктов; социальный капитал – это совокупность ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания или с членством в группе [7]. Концепция социального капитала активно развивается в работах американских авторов, поскольку они имеют доступ к большим базам данных социологических исследований американского общества XX в. (Ф. Фукуяма, Р. Патнэм, Дж. Коулман, Р. Бёрт). С переходом развитых стран на информационный или постиндустриальный этап, на базе концепций человеческого, культурного, социального и символического капиталов оформилась концепция интеллектуального капитала (Дж. Гэлбрэйт, Т. Стюарт, Л. Эдвинсон). Интеллектуальный капитал рассматривается как составная часть нематериальных активов компании, приносящих дополнительный доход, включающая в себя три группы: компетенции сотрудников, структурные, рыночные или клиентские факторы.

В результате развития междисциплинарных исследований в социогуманитарных науках неклассического этапа, понятие «капитал» стало наделяться большим количеством взаимодополняющих и пересекающихся коннотаций. В частности, П. Бурдые использует понятия капитала академической, политической и экономической власти, научного престижа, лингвистического, преподавательского, художественного капиталов. Не все коннотации капитала укоренились, но они дали импульс к переосмыслению проблемы ресурсов на различных этапах технико-технологического, экономического и социокультурного развития человечества. Вышеперечисленные виды капитала обладают нематериальной природой, но в процессе обращения могут принимать вещную форму. Отличительной чертой нематериального

капитала, как отмечает Л. А. Беляева, является его социальное содержание, не ограничивающееся анализом производимых экономических эффектов [4].

В конце XX в. начинает формироваться постнеклассический этап развития науки, специфическими чертами которого, согласно классификации В. С. Стёпина, являются: анализ сложных саморазвивающихся систем, к которым относятся и социальные объекты; объединение идей эволюционизма и системного подхода; широкое использование междисциплинарных и проблемно-ориентированных исследований; ориентация не только на получение знаний, но и решение социальных, экономических и политических проблем; необходимость дополнения научных ценностей и идеалов с общесоциальными ценностями [15]. Одним из трендов современного научного познания является развитие трансдисциплинарных исследований, направленных на формирование целостного образа объекта исследования во всей широте его взаимосвязей, что особенно актуально в социальных исследованиях. В классической науке (политэкономии) капитал рассматривается как материальный объект, противопоставленный человеку; в неклассической – фокус исследований смещается в сферу субъект-субъектных отношений, в состав капитала включаются гуманистические и социальные ценности (образование, знания, доверие и пр.); постнеклассический этап исследований феномена капитала, особенно его нематериальных форм, невозможен без синтеза достижений социогуманитарных и естественных наук в сфере исследований проблем человека и общества, диалектики естественного и искусственного.

В настоящее время актуальна синтетическая эволюционная парадигма, в которой философия обеспечивает трансдисциплинарный синтез достижений конкретных научных дисциплин для получения полной и объективной информации об исследуемом объекте. Поэтому нам представляется обоснованным при изучении нематериальных форм капитала исходить из биологического, психологического и социального триединства человека. Современные исследования в области специализированных дисциплинарных направлений биологии (социобиология, нейро-

биология) и антропологии (физическая, социокультурная) свидетельствуют о том, что антропо- и социогенез в исторической динамике диалектически взаимосвязаны и взаимообусловлены. Данные нейро- и социобиологии, показывают, что большинство человеческих качеств, ранее относимых исключительно к духовным достижениям человеческого общества, а ныне включаемых в состав различных форм нематериального капитала (интеллект, доверие, социальность и пр.) являются продуктом эволюции, в силу чего актуализируются трансдисциплинарные исследования различных человеческих и социальных феноменов, имеющих статус ресурсов в современном информационном обществе.

Список литературы

1. Аникин А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. – М.: Политиздат, 1971. – 382 с.
2. Безуглова Н. П. «Культурный поворот» в экономических учениях // Полигнозис. – 2009. – № 3 (36). – С. 72–82.
3. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход / пер. с англ. Е. В. Батраковой и др.; под общ. ред. Р. И. Капельюшникова. – Москва: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
4. Беляева Л. А. Нематериальный капитал: к методологии исследования // Социологические исследования. – 2014. – № 10. – С. 36–44.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. 2-е изд. – М.: Весь мир, 2007. – 672 с.
6. Бурдые П. Мир как взаимопревращение форм капитала // Сообщение. 2004. № 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soob.ru/n/2004/11/oi/3> (дата обращения: 10.04.2012).
7. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Т. 3. № 5. С. 60–74 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 23.05.2014).
8. Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всём остальном мире. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. – 272 с.

9. Зеленков А. И. Минская философско-методологическая школа как социокогнитивный феномен // Веснік БДУ. Сер. 3. Філософія. – 2006. – № 3. – С. 44–49.

10. Корсаков С. Ф., Кузнецова Л. Ф. Логика философского творчества. К 80-летию академика В. С. Стёпина // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 3-27. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1011 (дата обращения: 07.09.2018).

11. Маркс К. Капитал [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.esperanto.mv.ru/Marksismo/index.html (дата обращения: 07.09.2015).

12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1968. Т. 46: Ч. 1–2; Экономические рукописи 1857–1859 годов. 559 с.; 618 с.

13. Новиков В. Т. Социально-гуманитарное познание как предмет философской рефлексии // Проблемы управления. – 2007. – № 4 (25). – С. 118–129.

14. Стёпин В. С. Картина социальной реальности в системе научного знания. В 2-х частях // Социология. – 2009. – № 3. – С. 7–18; Социология. – 2009. – № 4. – С. 3–19.

15. Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. – С. 249–295 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf (дата обращения: 25.05.2014).

16. Стёпин В. С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

*Галина Дмитриевна Ковригина,
кандидат философских наук,
доцент Института экономики, управления и права,
Иркутский национальный
исследовательский технический университет
г. Иркутск, Россия
e-mail: Kovrigina_gd@mail.ru*

Естественные основы солидарности и просоциальности в отечественных и зарубежных исследованиях

В статье анализируются естественные основы и социальные закономерности просоциального поведения и социальной солидарности различных социальных групп. В работе проводится общий анализ существующих на данный момент в науке подходов изучения просоциального поведения, анализируются сильные и слабые стороны, формируются общие закономерности.

Ключевые слова: солидарность, просоциальное поведение, теоретические подходы, естественные основы, социальные условия

*Galina D. Kovrigina,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor of the Institute of Economics, Management and Law
Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russia
e-mail: Kovrigina_gd@mail.ru*

Natural bases of solidarity and prosociality in domestic and foreign studies

The article analyzes the natural foundations and social patterns of prosocial behavior and social solidarity of various social groups. The paper presents a general analysis of the currently existing approaches to the study of prosocial behavior in science, analyzes strengths and weaknesses and forms general patterns.

Key words: solidarity, prosocial behavior, theoretical approaches, natural bases, social conditions

Тема социальной консолидации занимает многих исследователей по всему миру. Проблема социального единства подни-

мается в связи с множеством вызовов, вставших перед современным миром, включая межэтническое согласие, правовую консолидацию ЕС, территориальную интеграцию, организационную, социализационную, и институциональную форму измерения солидарности, и др. Рассмотрим некоторые из наиболее выразительных подходов и исследований.

Р. Веевстра исследует, опираясь на теорию фреймов З. Линденберга, развитие просоциального и антисоциального поведения у детей и подростков. Автор приходит к выводу, что молодые люди далеко не всегда демонстрируют либо просоциальное, либо антисоциальное поведение, но довольно часто встречается комбинация первого и второго у одного человека. С точки зрения теории фрейминга, подростки, часто демонстрирующее антисоциальность, структурируют свою социальную среду, используя гедонистический фрейм. Эта тенденция проистекает из индивидуальных недостатков, которые формируются тогда, когда трудные дети взаимодействуют со сложной домашней обстановкой. Начиная с детства, индивидуальные недостатки накапливают все больший потенциал, ограничивая возможности практиковать просоциальное поведение. С течением времени восстановление вообще становится проблематичным из-за неадаптивных индивидуальных диспозиций и сужения возможностей жизненного выбора. Таким образом, сильнейшими предикторами стойкого антисоциального поведения являются показатели индивидуальных и семейных характеристик. Зачастую эти подростки не обладают обычными средствами для достижения социального статуса и высокого уровня субъективного благополучия. «Плохие когнитивные и социальные навыки и отклонения в характере, такие как высокая импульсивность и стремление к новизне, затрудняют для них инвестирование в нормальные ресурсы. Кроме того, у них отсутствует ясное понимание ожиданий от отношений с другими. Как следствие, они часто терпят неудачу в социальных отношениях и в основном воспринимаются как недружественные. Именно эту группу подростков описывают как стойкую антисоциальную группу на протяжении всей жизни» [18, с. 104].

Напротив, дети и подростки, «которых можно охарактеризовать как “просоциалов” (то есть тех, кто высоко оценён в про- социальном и низко в антисоциальном поведении), как правило, структурируют свою социальную среду и свою собственную жизнь, используя нормативный фрейм. У них есть навыки, чтобы игнорировать случайные искушения, и они также склонны прощать друг друга, если что-то идет не так время от времени. Как следствие, эти несовершеннолетние имеют хорошие отношения с друзьями и семьей. В конечном счёте, их просоциальность окупается, поскольку служит средством достижения высокого уровня личного благосостояния» [18, с. 104].

Вместе с тем, как показывает Веенстра на основании эмпирических исследований, постоянная демонстрация просоциального и воздержание от антисоциального поведения вовсе не гарантирует тебе высокий социальный статус. Альтернативный способ достичь этой цели состоит в том, чтобы иногда быть просоциальным, а в других случаях – антисоциальным. Согласно выводам исследователя, эта группа в общем и целом хорошо адаптирована и высокоэффективна. Макиавеллиевский подход членов такой группы предполагает определённый баланс между равными отношениями и рывком вперёд, они вполне могут учитывать интересы и цели других, и кажутся вполне приемлющими социальные нормы, хотя, возможно, и не соблюдают их в действительности. Их можно назвать, по мнению Веенстры, «антисоциалами, ограниченными периодом юности» [18, с. 105]. В это время они могут быть вовлечены в какие-то противоправные действия, однако способны прекратить такого рода поведение, если цена его становится слишком высокой. Фокус на контроле говорит о вероятности того, что двойная стратегия этих детей позволяет им относиться стратегически и к просоциальным / антисоциальным поступкам. С точки зрения теории фрейминга эти молодые люди применяют достиженческий фрейм, когда имеют дело со своей социальной средой. То есть, они следуют социальным нормам справедливости и законности пока это соответствует их интересам, но воздерживаются от солидарности в том случае, если последняя им ничего не сулит.

А. Горбан анализирует межкультурные и межэтнические противоречия на примере общества современной Молдовы. По её мнению, проблемы в данной сфере определили как политическое сознание и поведение населения данной страны, так и сложившуюся здесь форму государственности. Как показывает исследователь, молдавское общество остается разделённым на сторонников построения и развития национального государства и на сторонников развития мультикультурного государства, и взаимоотношения между ними довольно натянутые, формальные и неэффективные. Одним из главных критериев разделения населения по отношению к этим противоположным категориям является этническая самоидентификация, которая играет ключевую роль в определении характера межкультурного диалога в стране. Инициативы молдавского руководства в области языка, культуры и истории не вызывают одобрения у значительной части молдавского общества, а также вызывают отторжение у автономий, входящих в состав Молдовы, что можно охарактеризовать как провал построения молдавской солидарности и консолидации общества вокруг каких-либо общих идеалов и ценностных ориентиров [14].

Не всё благополучно с солидарностью и, казалось бы, стабильном Китае. Так, китайский исследователь С. Ву, рассматривая региональные автономии этнических меньшинств Китая и их роль в реализации культурных прав меньшинств, доказывает, что этнические автономии нуждаются в реформировании системы реализации культурных прав с целью укрепления национального единства, социальной гармонии, солидарности и равенства между этническими группами в Китае. В свете последних межэтнических конфликтов в некоторых автономных районах и провинциях Китая, показывающих, что культурные условия в стране меняются, и руководство государства не успевает за современными тенденциями, а также со ссылкой на международный опыт, автор предлагает реформировать политику в области прав этнических меньшинств. По мнению Ву, существующую административную и политическую систему необходимо корректировать, и китайское государство должно применять новые подходы, базирующиеся на элементах верховенства права, изби-

рательной демократии и международных стандартах в области прав человека. Новый подход должен гарантировать уважение самобытности этнических меньшинств, а также должны быть предусмотрены финансовые средства для реализации культурных прав в автономиях [21].

Теория фрейминга также доказала свою эвристичность в работе Р. Виттека и Д. Фетченауэра, посвящённой исследованию солидарности в условиях отсутствия внешних санкций или давления на человека, когда справедливое, или просоциальное поведение измерялось на кросс-культурной основе в сопоставлении с возможностями противоправного поведения, и в соотношении с такими сферами, как экономический рост, межличностное доверие, уровень преступности, стили образовательной системы (авторитарный, демократичный). Проанализировав в компаративном аспекте данные по 15 странам, социологи зафиксировали положительную корреляцию высокого уровня справедливого поведения (fair-share behavior), и того или иного уровня вышеприведенных показателей [20].

На компаративной, кросскультурной основе осуществлён и исследовательский проект «Богатство, климат и фрейминг: кросснациональные отличия солидарности», реализованный Э. Флиртом и З. Линденбергом. Заметим, что полученные этими исследователями данные несколько противоречат выводам, к которым пришли авторы, указанные выше. Так, если один из основных результатов исследования Виттека и Фетченауэра заключался в том, что жители богатых стран демонстрируют большую склонность к просоциальному поведению в силу того, что живут в более экономически благополучных странах, и поэтому могут позволить себе большую щедрость, исследование Флирта и Линденберга указывает на то, что есть в социологии и противоположные результаты, согласно которым в бедных странах помогающее поведение более выражено и более широко представлено, а процветание как раз делает людей более эгоистичными. Разрешить это противоречие помогает теория фреймов. Один из главных факторов здесь, согласно учёным – климат, то есть, его более или менее благоприятные характеристики. Социологи приходят к выводам о том, что сложный, требовательный климат

создаёт сильную потребность в частных и государственных ресурсах для удовлетворения повседневных потребностей людей. Когда страна бедна, эта огромная потребность в ресурсах создаёт сильную солидарность в небольшом кругу и в ситуациях повседневной жизни, но также эгоистичное и оппортунистическое поведение в отношениях между группами. С точки зрения фрейминга, такие ситуации создают несовместимость между нормативным и достиженческим фреймами. Люди, по отношению к которым поведение солидарно (малый круг), отделены от людей, по отношению к которым можно действовать оппортунистически (люди из внешних групп). «Когда такие страны становятся богатыми, возникает меньшая потребность в помощи малого круга и большая потребность в нормативном регулировании системной взаимозависимости» (т. е. поведения среди членов общества, будь то друзья или незнакомцы). Таким образом, нормы солидарности, ранее преимущественно применявшиеся в малом кругу, не исчезают, а превращаются в нормы, поддерживающие эгалитаризм, терпимость и уважение к незнакомцам» [20, с. 220].

Флирт и Линденберг приходят к выводам о том, что солидарность переплетается с доход-ориентированным взаимодействием со знакомыми и незнакомыми людьми, и поэтому она используется в качестве регулирующего средства для достижения выгоды. Таким образом, нормативный и достиженческий фреймы становятся совместимыми и сочетаются в слабой форме солидарности между группами (с ценностями эгалитаризма, терпимости и уважения). «Люди в богатых странах с требовательным климатом, похоже, проявляют больше солидарности в общих ценностях и государственном обеспечении, в то время как люди в бедных странах с требовательным климатом, похоже, проявляют большую тенденцию помогать в ситуациях повседневной жизни с небольшим альтруизмом между группами» [19, с. 220]. Именно так теория фрейминга разрешает указанную выше дилемму о различиях в просоциальном поведении, обнаруживаемых в странах с различным уровнем экономического развития.

Пристальное внимание уделяется вопросам территориальной и этнокультурной интеграции в Канаде. Так, Н. Ченфут и Б. Каллен доказывают, что развитие федерализма в контексте

неолиберальной эпохи 2000-х годов позволило начать создавать условия для более стабильного сотрудничества между федеральным правительством Канады и правительством Квебека, способствуя уменьшению тенденций сепаратизма в Квебеке. В контексте неолиберализма соглашения на уровне «федерация – провинция» создали условия для достаточно справедливой асимметрии в отношениях между федеральным правительством Канады и правительством Квебека, таким образом, сняв с повестки дня историческую проблему самоопределения Квебека. Такие взаимоотношения от прошлых отличают существенные изменения, в контексте которых неолиберальная ориентация становится единой ценностью в деле развития сотрудничества. По мнению авторов, если канадский федерализм продолжает нынешний курс неолиберализма без каких-либо серьезных встрясок, то впервые с момента кризисных периодов 1990-х и начала 2000-х отношения «федерация – Квебек», вероятно, будут стабильными, без кризисов национального единства, которые имели место в 1980 и 1995 годах, когда Квебек проводил референдумы о суверенитете [12].

В свою очередь, другой канадский исследователь С. Арнольд исследует самосознание Канады как «Nordic nation» (нордической / северной нации) через «северное измерение» внешней политики и политики безопасности. Представление о «канадской нордичности» берёт свои корни из того, что раньше называлось «инуитским видением севера». Образ канадской «нордичности» способствует гармоничному развитию взаимоотношений между инуитами Канады и канадским правительством. Эти взаимоотношения основаны и строятся на связи важности диалога между представителями коренных народов Америки и потомками иммигрантов, но в то же время они имеют важные внешние проявления, которые предстают в виде целей внешней политики Канады и интернациональной повестки дня инуитов в течение последних десяти лет. Действительно, после разрыва с колониальной эпохой и политикой ассимиляции, отношения между Канадой и инуитами теперь представлены как воплощение «нового духа партнерства». Этот образ, в частности, работает на то, чтобы придать значительное влияние голосу Канады в

Арктике, а также на важность доверия между правительством и инуитами как внутри страны, так и за рубежом. Он также служит в качестве важного ресурса в деле укрепления национального единства канадцев, в деле интеграции как инуитов в «типичные канадские ценности», так и наоборот [10].

М. Лам посвятила своё исследование поиску путей консолидации долгое время разделённых этнокультурных сообществ Северной Ирландии. Осуществив ряд социологических исследований, Лам разработала ряд практических предложений, основанных, в том числе, на представлении о необходимости формирования общих ценностей, связанных, прежде всего, с тематикой прав человека, которая является достаточно очевидной для всех сообществ, и может послужить своего рода мировоззренческим «перекрытием», под сенью которого можно будет пытаться построить диалог и по другим жизненно важным вопросам [15].

Как доказывает британский исследователь Э. Васта, дискуссии об этнической принадлежности, национальности и социальной консолидации являются частью более широкой дискуссии, которая отражает проблемы, связанные с идентичностью, с её этническим и религиозным компонентами, противопоставляемыми однородной национальной (гражданской / государственной) идентичности. Одной из основных проблем в странах, принимающих иммигрантов, является то, что многие иммигранты и этнические меньшинства не интегрируются в принимающих обществах. Это создаёт опасения по поводу того, будут ли новички чувствовать себя частью национальной (гражданской) идентичности, господствующей в принимающем обществе. Такие опасения, если они распространены в обществе, ставят под удар социальную солидарность и консолидацию общества, а также подрывают основы любого демократического строя. Автор доказывает, что страх и опасения являются взаимосвязанными между личностью и обществом через понятие «чувство принадлежности» к обществу, форме правления и нации. По мнению автора, чтобы быть «ответственным гражданином», нужно «испытывать чувство гражданской общности с людьми, окружающими тебя». Исследователь приходит к такому заключению, анализируя рассказы иммигрантов в Лондоне, рассматривая их так называемые

«модели принадлежности», имеющие многогранный характер, будь то иммигранты и этнические меньшинства, которые не имеют «чувства принадлежности» к принимающему обществу, или же у которых есть фрагментарное «чувство принадлежности» к какому-либо символу или территории принимающего общества, которые могут также характеризоваться как «чувство приверженности общему благу», способствующее социальной солидарности и консолидации общества. Чувство принадлежности как фактор социальной солидарности может сыграть ключевую роль в выстраивании позитивных взаимоотношений между различными этническими группами в фрагментарном обществе, так как «принимающее большинство» будет видеть лояльность меньшинства и всячески способствовать их интеграции [17].

Американские социологи Э. Брондолло, М. Либретти, и другие рассматривают проблему социальной консолидации с точки зрения препятствий, которые чинит последний расизм. Как известно, расизм может проявляться на культурном, институциональном и индивидуальном уровнях, и оказывает влияние на личностном уровне, если индивидуумы интернализируют свои мироощущения согласно своей собственной расовой / этнической группе, при этом отвергая другие. Исследователи пытаются установить – каким образом различные уровни / виды расизма подрывают развитие взаимоотношений с «другими», как они разрушают наработанный социальный капитал (или же – как он не даёт ему развиваться), как расизм мешает развитию социальной солидарности и консолидации в мультикультурных обществах; и, как следствие, влияет на здоровье и благополучие определённых индивидуумов. Данные, приводимые авторами, свидетельствуют о том, что культурный расизм развивает такие межэтнические отношения, которые способствуют социальной дистанцированности. Институциональный расизм изолирует людей от возможности развивать навыки / умения, необходимые для выстраивания кросс-культурных взаимоотношений и побуждает взаимодействовать с людьми, демонстрирующими анти-социальное поведение; межличностный расизм подрывает качество обычных межличностных взаимоотношений и порождает психическое беспокойство при взаимодействии с людьми другой

национальности; интернализированный расизм является причиной упущения экономической выгоды при кросс-культурном взаимодействии. В итоге это приводит к тому, что социальная солидарность и консолидация не могут быть выработаны в масштабах всего общества, а только лишь в некоторых его частях, группирующихся на основе собственных представлений, кто может быть с ними, а кто – нет. Какие-либо формы национального единства при подобной политике просто не могут быть выработаны. При этом различные формы солидарности формируются как среди угнетающих, так и среди угнетаемых, что, в конечном счёте, ведёт к фрагментации общества, конфликтам, в отдельных случаях – к распаду общества [11].

Британская исследовательница С. Кондор анализирует проблему формирования общекультурной солидарности через призму проблематики гражданственности. По её мнению, для того чтобы достичь солидарности и консолидации общества на основе гражданства, государственным институтам и обществу необходимо разработать такую модель, в которой учитывались бы интересы как большинства, так и меньшинств (независимо от того, о каких меньшинствах мы говорим). Принцип гражданской солидарности должен строиться на истинном равенстве прав и свобод (во всяком случае, общество и государство должны к этому стремиться), и свободы одних не должны ущемлять свобод других. Таким образом, автор приходит к выводу, что основой для гражданской солидарности является демократическое общество, которое по формам и видам демократии может принимать самые разные формы (от шведского социализма до американской самодостаточности), но основная ценность такого общества – свобода выбора, не ущемляющая свобод других. Исследователь доказывает, что в авторитарных обществах невозможно истинное построение гражданской солидарности, и такое общество невозможно консолидировать целиком, так как в таких обществах одна часть противопоставляется другой, и какой-либо общей основы для всех в этом обществе нет [13].

Всё большее внимание привлекает проблематика социальной солидарности и в отечественной науке. В. П. Бабинцев, при анализе факторов социокультурной фрагментации российского

общества, обращает внимание на то, что в результате этого процесса «разрушаются общественные связи. Принадлежность людей к социальным институтам становится чисто формальной, а граждане отказываются не только отвечать на вызовы, которые адресуются им от имени государства и общества, но и конструктивно сотрудничать друг с другом» [2, с. 120]. Исследователь характеризует сложившуюся в отечественном социуме ситуацию как «распад связи времён», характерными признаками которого являются дискредитация общественно значимых, консолидирующих идей; аномальная композиция индивидуального и общественного сознания, в котором уживаются противоположные по своей направленности установки; социальное дезертирство; алогичность и даже абсурдность социального мышления; негативная самооценка, проявляющаяся в мазохистском унижении истории и культуры собственной страны; массовая общественная апатия и равнодушие; социальная виктимность, готовность стать объектом манипулирования [1, с. 58].

А. А. Семенова и Н. П. Копцева рассматривают социальную консолидацию, как обусловленную тремя главными факторами, без коих она невозможна, и к которым исследователи относят: во-первых, экономическую сферу, включая промышленность, во-вторых, политику и закон, и, в-третьих, духовную жизнь, под каковой авторы понимают идеологические основы, способные воплотиться в религиозных и философских доктринах. Затрагивают исследователи и проблематику рефлексии в формировании социальной консолидации: «Механическое, или принудительное соединение отдельных индивидов не будет длиться долго. Необходимо внутреннее стремление каждого отдельного существа к единству с подобными себе; необходимо понять, что искомое единение с другими является неременным условием для индивидуальной цельности. Необходимо также, чтобы отдельные индивиды желали действовать таким образом, чтобы их действия могли привести к их единению» [16, с. 32]. Н. П. Копцева исследует также проблемы формирования общегражданского согласия через возможности преобразования этнической культурной идентичности в общенациональную идентичность. Учёный показывает, что такое преобразование возможно, особенно,

учитывая конструируемую природу общегражданской идентификации, в отличие от «естественных» начал идентификации этнической [6].

О. А. Полюшкевич уделяет внимание вопросам социокультурной консолидации, под которой социолог понимает формирование единства целей, межпоколенческую преемственность, и нормативно-ценностный консенсус [7; 8]. Любые процессы социальной солидарности общества строятся вокруг культурной модели, которая состоит из разнообразных ориентаций, поддерживаемых определёнными социальными группами в виде постоянных практик. Практики создают соответствующие социокультурные модели – ценностные и нормативные образцы взаимодействия между людьми и институтами общества [9].

И. А. Исаев говорит о естественности состояния солидарности для общества, и неизбежных психологических и организационных проблемах, с которыми сталкивается социум, переживающий дезинтеграцию, а значит – сталкивающийся со всей силой иррационального и неконтролируемого. «Чтобы выжить, общество должно противопоставить этой наступающей стихии доступную ему организованность, используя для этого внешнюю силу принуждения, и, разумеется, главным объектом защиты в этой ситуации остается сама целостность, единство социального организма» [3, с. 131]. Восстановление социального единства ведёт, по справедливой мысли Исаева, и к восстановлению внутренней целостности индивидов – членов данного общества.

О. А. Кармадонов исследует социальную солидарность с точки зрения сформулированной им «потокковой модели» консолидации, которая объединяет людей либо через вертикальные, либо через горизонтальные связи [4]. В работах автора прослеживается та же тенденция о том, что символические структуры заложены в базовых установках, способны объединять людей по разным признакам, формальной и неформальной принадлежности к определённым группам [5].

Таким образом, солидарность или просоциальное поведение пользуется повышенным вниманием в науке. Естественные основы просоциального поведения вписаны в основные паттерны поведения человечества, вне зависимости от культуры и тради-

ций. Они объясняют схожие реакции и особенности восприятия людей из разных стран, говорящих на разных языках и верящих в разных богов.

Говорить о единой, целостной теоретической модели про- социального поведения пока не приходится. Но, безусловно, существующие рамки и формы изучения солидарности позволяют нам выделять общие естественные условия возникновения про- социального поведения.

Список литературы

1. Бабинцев В. П. Формирование солидарного общества как стратегия регионального развития: проблемы и риски реализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2012. – № 20 (139). – Выпуск 22. – С. 57–64.

2. Бабинцев В. П., Ушамирская Г. Ф. Стратегия формирования солидарного общества в регионе // Дискуссия. – 2013. – № 5–6. – С. 120–127.

3. Исаев И. А. Солидарность как воображаемое политико- правовое состояние. – М.: Проспект, 2013. – 176 с.

4. Кармадонов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. – 2015. – № 2. – С. 3–12.

5. Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. Социально-психологические факторы макро-, и микросоциальной консолидации в молодежной среде // Научный результат. Социология и управление. – 2017. – Т. 3. – № 2. – С. 32–47.

6. Копцева Н. П. К вопросу о концептуальных основаниях строительства общенационального российского государства // Социодинамика. – 2014. – № 1. – С. 1–14.

7. Полюшкевич О. А. Идеологические ресурсы социокультурной солидарности // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 64. – С. 217–230.

8. Полюшкевич О. А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2017. – № 4 (47). – С. 293–300.

9. Полюшкевич О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – № 6 (130). – С. 3–18.

10. Arnold S. Constructing an Indigenous Nordicity: The «New Partnership» and Canada's Northern Agenda // *International Studies Perspectives*. – 2012. – Vol. 13. – Issue 1. – P. 105–120.

11. Brondolo E., Libretti M., Rivera L., Walsemann K. M. Racism and Social Capital: The Implications for Social and Physical Well-Being // *Journal of Social Issues*. – 2012. – Vol. 68. – Issue 2. – P. 358–384.

12. Changfoot N., Cullen B. Why is Quebec Separatism off the Agenda? Reducing National Unity Crisis in the Neoliberal Era // *Canadian Journal of Political Science*. – 2011. – Vol. 44. – Issue 4. – P. 769–787.

13. Condor S. Towards a social psychology of citizenship? Introduction to the Special Issue // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. – 2011. – Vol. 21. – Issue 3. – P. 193–201.

14. Gorban A. Ethnic and socio-cultural aspects of political culture in Moldova // *EuroTimes*. – 2011 supplement. – P. 133–149.

15. Lamb M. Ethno-nationalist conflict, participation and human rights-based solidarity in Northern Ireland // *International Journal of Human Rights*. – 2013. – Vol. 17. – Issue 7/8. – P. 723–738.

16. Semenova A. A., Koptzeva N. P. Truth as a Form of Modelling of Integrity at Social Being Level // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2009. – No. 1. – P. 31–55.

17. Vasta E. Do We Need Social Cohesion in the 21st Century? Multiple Languages of Belonging in the Metropolis // *Journal of Intercultural Studies*. – 2013. – Vol. 34. – Issue 2. – P. 196–213.

18. Veenstra R. The Development of Dr. Jekyll and Mr. Hyde: Prosocial and Antisocial Behavior in Adolescence, in: *Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives*. NY: Springer, 2006. – P. 93–110.

19. Vliert E., Lindenberg S. Wealth, Climate, and Framing: Cross-National Differences in Solidarity, in: *Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives*. – NY: Springer, 2006. – P. 207–224.

20. Wittek R., Fetschenhauer D. Solidarity in the Absence of External Sanctions: A Cross-Cultural Study of Educational Goals and Fair-Share Behavior, in: Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives. – NY: Springer, 2006. – P. 191–206.

21. Wu X. From Assimilation to Autonomy: Realizing Ethnic Minority Rights in China's National Autonomous Regions // Chinese Journal of International Law. – 2014. – Vol. 13. – Issue 1. – P. 55–90.

УДК 316.64

Оксана Александровна Полюшкевич,

кандидат философских наук,

доцент,

доцент кафедры государственного и муниципального управления,

Институт социальных наук, Иркутский государственный

университет,

г. Иркутск, Россия

e-mail: okwook@mail.ru

Нормы солидарности после массового насилия

В статье рассматривается пример формирования норм солидарности после актов массового насилия на территории России. На примере событий в Керчи показывается восприятие общественным мнением данных событий, их воздействие на повседневные практики и жизненные планы, страхи и ожидания россиян. Анализируются формы приписываний культурной травмы и поводов для социальной солидарности группы.

Ключевые слова: культурная травма, массовое насилие, общественная солидарность, реабилитация

Oksana A. Polyushkevich,

Candidate of Sciences (Philosophy),

Associate Professor of the Department of Public Administration Associate

Professor

Institute of Social Sciences Irkutsk State University,

Irkutsk, Russia

e-mail: okwook@mail.ru

Standards of solidarity after mass violence

The article considers an example of the formation of norms of solidarity after acts of mass violence in Russia. On the example of events in Kerch, public perception of these events is shown, their impact on everyday practices and life

plans, fears and expectations of Russians. The forms of attribution of cultural trauma and reasons for social solidarity of the group are analyzed.

Keywords: cultural trauma, mass violence, social solidarity

Общим местом в социальных науках выступает тот факт, что людей объединяет либо радость, либо беда. Социальная солидарность является условием и одновременно следствием социальной идентичности, социальной эмпатии и социального взаимодействия различных социальных групп.

В данной статье делается попытка проанализировать последствия усиления солидарности, операционализации внутренних основ идеологии, в период кризиса, вызванного террористическими актами. За последние десять лет их количество, охват и формы только увеличиваются и становятся все более разнообразны.

В данной работе мы попытаемся проследить особенности взаимодействия и типы поведенческих ожиданий россиян, после массового насилия в виде взрыва в Керчи 17 октября 2018 года.

Социология катастроф рассматривает поведение людей после массовых бедствий достаточно давно и опирается на идеи Э. Дюркгейма о том, что совместно пережитые катастрофы повышают уровень солидарности и кооперации между индивидами и целыми социальными группами. Социальная солидарность в данном случае понимается как взаимная поддержка и чувство единства социальной группы при столкновении с кризисом. Поддерживая друг друга – они помогают сами себе пережить трагические события.

Большинство авторов, работающих в данной теме, полагают, что этот факт позволяет стирать культурные рамки, идеологическую или какую-то другую вражду, тем самым излечивая общество (Ч. Фриц [4], Л. Н. Батянова и И. А. Журавлева [1]), формируя идеологический каркас (Р. В. Иванов [2]). Мы же полагаем, что катастрофические события, особенно в сфере терроризма могут провоцировать новые конфликты и приводить к отрицательным формам социальной солидарности после трагедий. Вслед за К. Эринсоном [3], мы предполагаем, что если в кризисной ситуации находятся отдельные индивиды – то общая

часть группы может им помочь, но, если страдают все, травма становится коллективной и община уже не может поддерживать своих членов и саму себя.

Террористические акты могут выступать в качестве культурной травмы, потому что они происходят внезапно, они всегда шокируют, и под угрозой находятся повседневные социальные практики, социальные взаимодействия, которые могут касаться всех абсолютно членов общества. Общее страдание является способом для «травмированного сообщества» приобрести новую, более устойчивую и безопасную форму идентичности. В результате этого, возрастает внутригрупповая солидарность. Поэтому, даже те, кто не был непосредственным участником массового насилия, благодаря СМИ и Интернету активно может быть включён в информационное поле по данным вопросам. И их реакцию, и оценку можно воспринимать как общую для россиян.

Эмпирической основой исследования стал массовый опрос иркутян, проведённый зимой 2018–2019 годов, в котором приняло участие 1200 человек (в возрасте от 16 до 75 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин).

Мы выявили, что респонденты чаще говорят о том, что спустя какое-то время после массовых трагедий, в обществе и в их непосредственной социальной группе присутствует взаимное доверие, но при этом кооперация и поддержка представлены недостаточно. Респонденты на субъективном уровне чувствуют усиление сплочённости после массовых убийств. Так как эти события полностью меняют их представления о повседневности, ритуальных обыденных практиках и привычках поведения. Несмотря на то, что никто из них не был жертвой террористического акта, но после каждого из них, благодаря активному освещению в прессе чувствовал на себе их воздействие. Например, «переворачивается жизнь с ног на голову» (Мария, 25 лет), «понимаешь, что всё может измениться в один миг» (Николай, 39 лет), «жизнь очень быстро меняется и всё что важно для тебя сейчас – это пустой звук, если происходит террористический акт» (Алла, 45 лет), «я более остро стал чувствовать свою потребность в безопасности» (Тарас, 44 года).

Таким образом, теракт в Керчи выступает примером массового насилия, приведшим к коллективной травме и соответственно к изменению идентичности всех членов российского общества, виктимизации отдельных сообществ. Чувство жертвы выступает в данном случае поводом для социальной солидарности и выступает частью травматического процесса. Более того, для отдельных социальных групп социальная солидарность имела негативный долгосрочный эффект.

Например, после событий в Керчи, для психологического состояния молодых людей, обучающихся или только планирующих поступление в средне-специальные или высшие учебные заведения, встал серьёзный вопрос о том, стоит ли далеко уезжать от дома и так ли уж это необходимо. «Я хотела поступать в медицинский техникум на медсестру, но сейчас не так в этом уверена, так как нет гарантий моей безопасности» (Нина, 17 лет). «Мне кажется, что обучение в другом городе – более опасно, чем в своём городе, хотя выбор мест и специальностей обучения значительно меньше» (Руслан, 16 лет). Иными словами, у молодых людей наблюдается посттравматический период, хотя сами они не были непосредственными участниками этих событий, но которые влияют на их жизненные установки и выбор стратегий поведения в реальной жизни сейчас. Более старшее поколение, также не избавилось от ощущения страха, и это их сближает между собой. «Я боюсь отправлять своего ребёнка в другой город в колледж. Пусть уж тут учится. Тут безопаснее» (Дарья, 43 года). «В большом городе – больше рисков, взрывы, убийства. У нас спокойнее и безопаснее» (Мария, 48 лет).

При этом противостояние между людьми, наблюдавшими за массовыми убийствами со стороны, также имеет место быть. В одной группе те, кто опасается повторных угроз и не хотел бы вовлекаться в активные социальные практики и действия (в виде обучения, переезда, социальной активности и прочее). «Конечно, события в Керчи стали сигналом для усиления внимания к своим детям, вовлечения в различные сообщества которые могут их обезопасить. Как мы смогли это допустить – вот в чём вопрос и одновременно упрёк нам» (Надежда, 42 года). «После событий в Керчи, в школе, где учатся мои дети – после совета с

родительским комитетом, ввели ещё одну должность психолога, чтобы лучше можно было работать с каждым ребёнком. Я считаю, что это делает нашу школу более безопасной, чем другие, но не снимает ответственности за события в Керчи» (Екатерина 47 лет). «Я чувствую свою ответственность за безопасность детей. И более того – вину за то, что в одном учебном заведении взорвалась бомба, ведь она может взорваться и в любом другом. Не бывает чужих детей. Также не бывает чужой ответственности» (Лада, 40 лет).

В другой группе те, кто не идентифицирует себя с пострадавшей группой и не готов признать, что есть какие-либо угрозы. «Это же не в нашем техникуме бомба взорвалась. У нас все ребята нормальные. Так что я не боюсь, ни за себя, ни за друзей» (Мария, 16 лет). «Чем более западнее – тем больше опасности, а у нас все хорошо, спокойно» (Николай, 38 лет).

Тем самым формируется незримое противоборство и конкуренция в виде того, чья позиция возобладает. Это впоследствии может привести к стигматизации группы, испытывающей вину. Коллективная вина прослеживается в ответах в той мере, в контексте того «как и почему мы допустили это». С одной стороны, размытое обвинение объединяет группу. С другой стороны – парализует группу, что приводит к самоизоляции. «События в Керчи – это результат нашего безучастия к проблемам молодежи, да и всего общества» (Светлана, 32 года). «Чем более мы формально относимся к молодежи, тем больше рисков и угроз её безопасности мы имеем» (Татьяна, 39 лет).

Таким образом, с одной стороны, мы наблюдаем усиление сплочённости среди населения, не участвующего непосредственно в террористических актах, при этом у них наблюдаются долгосрочные посттравматические эффекты, которые приводят к изменению их поведенческих установок и жизненных ориентиров, усилению чувства вины. Рост солидарности может помочь индивидам справиться и реабилитироваться после кризиса, однако он же инициирует объединение групп на основе негативного пережитого опыта, которое ведёт к формированию негативной коллективной идентичности, затормаживающей процесс восстановления и возвращения к обычной жизни. Причём непосред-

ственное участие или опосредованное информирования о массовом насилии – лишь формальные поводы (эффект воздействия одинаков).

Список литературы

1. Батьянова Л. Н., Журавлева И. А. Гражданская активность как фактор социально-политической стабильности региона (социально-философский аспект) // Социальные проблемы и безопасность российских регионов. Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. – 2015. – С. 177–186.

2. Иванов Р. В. Источники формирования идеологического пространства в России // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: материалы IX Всерос. с международным участием науч. конф. // Забайкал. гос. ун-т.; [под общей редакцией Н. Д. Субботиной]. – Чита. ЗабГУ, 2018. – С. 239–245.

3. Erikson K. T. Everything in its path: Destruction of community in the Buffalo Creek Flood. – N.Y.: Simon & Schuster, 1976. – P. 153–154.

4. Fritz C. E. Disasters // Contemporary social problems / Ed. by R. K. Merton, R. Nisbet. – N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1961. – P. 651–694.

УДК 904

*Артём Вадимович Жуков,
доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: Artem_jukov68@mail.ru*

Культурное пространство г. Читы

Статья посвящена анализу культурного пространства г. Читы, который проводится в контексте методологии семиотического подхода. Автор рассматривает характеристики этой территории, как особый региональный

локус российского культурного поля. Проводится анализ пространственно-устроительной деятельности в Чите, имеющий отчасти православное, отчасти архаическое содержание. Представляются данные о современной структуре культурного пространства г. Чита, которая испытывает влияние мировой глобализирующейся, российской и региональной культуры.

Ключевые слова: культурное пространство, региональная культура глобализирующаяся культура, семиотический подход, Забайкалье, г. Чита, культура провинции

Artem V. Zhukov,
Doctor of Sciences (Philosophy),
Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail; Artem_jukov68@mail.ru

Cultural space of Chita

The article is devoted to the analysis of the cultural space of Chita, which is conducted in the context of the methodology of the semiotic approach. The author considers the characteristics of this territory as a special regional locus of the Russian cultural field. The analysis of spatial-organizing activity in Chita, which is partly Orthodox, partly archaic content is being conducted. It presents data on the modern structure of the cultural space of Chita, which is influenced by the globalization of the world, Russian and regional cultures.

Keywords: cultural space, regional culture, globalized culture, semiotic approach, Transbaikalia, Chita, provincial culture

Культурное пространство г. Читы формировалось под влиянием факторов, характеризующих эту территорию, как особый локус российского культурного поля. К этим факторам относится особое местоположение, связанное с отдалённостью от политических, культурных и экономических центров и ресурсов; с замедленными темпами развития; с архаичной культурной инфраструктурой. Эти признаки характеризуют тип культуры, который понимается, как «региональный», то есть противопоставленный «столичному» типу культуры. В контексте методологии российских исследователей, таких как В. Н. Топоров [12], Ю. М. Лотман [7], И. А. Мурзина [11], представляется, что ин-

струментом такого формирования, является пространственная дихотомия «сакрального» и «профанного», которая приобрела форму противопоставления «столичного», то есть места формирования высших ценностей, и «регионального». По отношению к теме статьи – это зона забайкальской профанической периферии. В топографической модели исторических городов и посёлков Забайкалья, таких как Нерчинск, Петровск-Забайкальский, Сретенск, Шилка, Чита можно проследить тенденцию, выраженную в столкновении образцов региональной и столичной культуры. Наиболее ярко проявляется на примере столицы региона – г. Читы, являющегося культурным, и, следовательно, сакральным центром современного Забайкалья.

Город Чита, имеющий более чем трёхсотлетнюю историю, в течение которой этот город формировался как административный, торговый и военный центр, с явно выраженным культурным центром и жилыми (и «спальными») районами, дихотомия которых может быть перенесена на всё региональное пространство культуры. Основное пространство Читы занимают жилые («спальные») районы, названия которых увязываются с упоминаниями об изначальной профессиональной принадлежности жителей или учреждений, среди которых выделяются: исторические районы, названия которых указывают на места поселений казаков, это Остров (со станицей Титовская), Антипиха, Песчанка, Атамановка; районы советского периода, такие как ГРЭС (гидроэлектростанция), КСК (комвольно-суконный комбинат), ЗабВО (Забайкальский военный округ), ЗаБИИЖТ (Забайкальский институт железнодорожного транспорта), Пожарка (пожарные части), Зенитка и Батарейный (артиллерийские подразделения), Черновские (поселения горняков), Метеостанция (Гидрометцентр), Биофабрика и т. д.; районы поздней советской истории, такие как Северный, и современной застройки, указывающие на высокий социальный статус их жителей, как правило, занимающихся предпринимательской или административной деятельностью: Царский, Октябрьский, Чеховский, Добротный.

Значительно меньшее место, согласно модели культурного пространства, преподносимой Ю. М. Лотманом [7], занимает культурный и сакральный центр поселения. Это сравнительно

небольшой по площади, административный и культурный центр, имеющий название «город», что напрямую связывается архаическим понятием об организованном центре мира. Культурный центр города Читы включает такие районы, как Привокзальная площадь, Площадь Ленина, Театральная площадь, Площадь декабристов, район Церкви Декабристов, а также районы, прилегающие к улицам Амурская и Ленина. Центральную точку города представляет фигура В. И. Ленина, расположенная на центральной площади, носящей имя советского вождя [7]. Сходство с колонной, или «мировым деревом», обеспечивающим сакральную связь с небесами, фигуре придают её внушительные размеры и форма, из-за которой памятник напоминает высокую гору. Категориальное значение «центра» памятник выполняет не только благодаря местоположению и размерам, но и потому, что он установлен на месте уничтоженного в 1936 г. Собора Александра Невского, также выполнявшего эти функции. Усилению этого сакрального значения центральной части города, способствует расположение вокруг площади Ленина государственных учреждений, от решения которых зависит судьба забайкальцев: это здания Правительства Забайкальского края, Городской Думы, Управления железной дороги, Штаба 39 Армии (исторически Штаб Забайкальского военного округа). Интересно, что категория «центра мира» старательно используется и в современном градостроительстве, олицетворением чего стало установление по краям площади Ленина четырех «ростральных колонн», являющихся уменьшенными и упрощёнными копиями ростральных колонн в Санкт-Петербурге. Очевидно, что ростральные колонны не являются памятниками военно-морских достижений забайкальцев, однако таблички с упоминаниями о значимых для нашего города событиях и живших здесь людях, ясно говорят о значимости их положения для городского культурного пространства. Таким образом, центральная площадь г. Читы ясно показывает, что является городским сакральным пространством, несущим в своем содержании образ или архетип небесного града [4].

Особенностью читинского культурного пространства, отличающего его от множества российских городов, в контексте идей И. Я. Мурзиной [11], являются постоянные апелляции не

к московским, а петербургским градообразующим символам. Причиной этого является генетическое тяготение Читы к Санкт-Петербургу, связанное с памятью о пребывании здесь декабристов, которые воспринимаются исключительно как носители «подлинной» культуры, просветители и, самое главное, «отцы города», задавшие планировку его «петербургских» улиц (ул. Александровская, ныне Амурская и ул. Большая, ныне ул. Ленина), сформировавшие архитектурные образцы (таким является дом Нарышкиных), которых придерживались все, кто строил свои дома вдоль этих улиц (такие как Дворец Шумовых, Окуловское подворье, дома Древновского, Зазовских, Самсоновичей и др.). Стремление отождествиться с Санкт-Петербургом, культурной столицей России, проявляется не только в архитектурном обустройстве центра города, но и в других знаковых для городской культуры районах и объектах: районе Церкви декабристов, Площади Декабристов и Привокзальной Площади.

Эти места, как правило, связаны не только с архитектурными сооружениями, отразившими на себе влияние петербургской культуры, но и с памятниками, содержащими духовно-ценностный потенциал, как исторического, так и современного Забайкалья. Духовность, религия и непростая история основания города и формирования его традиций, слились в культурном центре города, известном под названием «Церковь Декабристов». Здесь в районе некогда высившегося казачьего острога стоит самое старое здание г. Читы – Михайло-Архангельская церковь, являющаяся наиболее известным символом города. Однако ещё более значимо то, что в здании бывшей церкви располагается музей Декабристов, формирующий вместе с домом-памятником декабристов Нарышкиных, ул. Декабристов, «Банным» озером и Площадью Декабристов, на которой стоит здания библиотеки им. А. С. Пушкина, специфическое культурное пространство, напоминающее о жизни в Чите декабристов, таких как Д. Завалишин и П. Фаленберг, формировавших первый архитектурный план Читы. Оно напоминает о шагающих к острогу по читинским улицам женах декабристов, таких как А. Волконская, П. Гебль, А. Завалишина и др., которые отпечатались в названиях улицы Декабристов, улицы Александровской (ныне Амур-

ская), набережной Д. Завалишина. В реальной истории, также как и в современности влияние декабристов на облик Читы тесно увязывается с религиозными символами, так как декабристы не только были прихожанами Михайло-Архангельской церкви, но и установили первый в Чите поклонный крест, расположенный на Титовской сопке. По сути, сами они, будучи людьми, принадлежащими христианской культуре, творили именно это культурное пространство, которое уже после окрашивалось в декабристские мотивы [14].

Впоследствии, в Чите, так же, как и в большинстве христианских городов, проявлялось отмеченное Ю. М. Лотманом стремление освятить внутренние, обжитые территории, уберечь их от проникновения зла из внешнего мира [7]. Оппозиция между своим и чужим в Чите имела достаточно чёткие параметры, так как с расширением границ города, увеличивалось количество храмов, и даже был установлен мужской монастырь [3]. В наибольшей степени христианская пространственно-устроительная деятельность в Чите была проявлена во время строительства кафедрального Собора Александра-Невского, установленного в самом центре растущего города на Новособорной площади (ныне площадь Ленина) в начале XX в. Территория храма олицетворяла наивысшую степень освоенности и защищённости, так как считалось, что князь Александр Невский был защитником забайкальских казаков и часовня его имени уже стояла к этому времени на месте поклонного креста декабристов на Титовской сопке. В целом в период от середины XVII до начала XX в. культурное пространство г. Читы перемещалось от места заложения читинского острога к культурному центру в районе Новособорной площади, однако сохранялись параметры, указывающие на сакральный характер пространственно-устроительной деятельности, отделяющей пространство своей культуры от культуры внешней. О том, что эта деятельность только имела форму христианской, но носила характер архетипический, говорит то, что её олицетворением в конце XIX в. стало установление триумфальной арки для приезжающего царевича Николая на восточной границе тогдашней Читы. Сакральный смысл этого действия состоял в необходимости демонстрации наследнику не только

гостеприимства и радушия горожан, но и степени обустроенности и защищённости городской среды. Согласно историческим источникам, обряд прохождения почётного гостя под аркой был завершён ритуальной трапезой на Титовской сопке [7].

Современная пространственно-устроительная деятельность в Чите также имеет православное влияние, так как в городе активно устанавливаются православные сооружения, такие как Храм Казанской иконы божией Матери и скульптура кн. Александру Невскому. Характерно, что новый кафедральный Собор в Чите поставлен в таком месте на Привокзальной площади, где он вместе с памятником Александру Невскому символизирует для жителей и гостей города ворота в православное культурное пространство, но и имеет свою внутреннюю структуру отгороженного от внешнего мира внутреннего космоса. При этом сохраняются и даже актуализируются архаические черты этой деятельности, связанные с усилением внимания к обрядам переходности, что проявляется в активизации строительства поклонных крестов, устанавливаемых на всех дорогах, на выходе/входе из города [1]. Архетипическое культурное содержание пространственно-устроительной деятельности, несмотря на то, что приобретает новую символическую форму, сохраняется и делает неизменным сакральный смысл этого действия [5]. Приобщение к нему неизбежно ведёт к принятию его ценностей и, следовательно, формированию менталитета, проживающих здесь людей. Таким образом, труды авторов, исследующих культурное пространство Забайкалья, отмечают, что в период российской колонизации за Байкалом создавалось российское культурное пространство с его православным менталитетом и государственностью.

В настоящее время культурный ландшафт Забайкалья преобразуется. Вместе с традиционными формами культур можно стать свидетелем и новых форм, нацеленных на активизацию культурной жизни региона. Исследователи большое внимание уделяют процессам становления человека, которые протекают на территории Забайкалья в современный период. Они отмечают, что сейчас на развитие регионального культурного пространства всё более влияют процессы взаимодействия между мировой гло-

бализирующей, российской и региональной культурами. При этом, как пишет А. В. Спиридонова [13], специфика современного дискурса между культурами на территории Забайкалья проявляется в том, что он связан с активным внедрением в процессы межкультурного взаимодействия средств массовой информации, положение о роли которых сформулировал Н. Луман [8], а также интернета и особенно социальных сетей, роль которых, как средств сжатия времени и пространства в процессе коммуникации, была осмыслена А. Мартинелли [9]. Информационное взаимодействие происходит в разных дискурсивных уровнях – политическом, экономическом, религиозном, что создаёт особый семиотический контекст для функционирования регионального культурного пространства. Сеть Интернет стала в настоящее время заменителем культурного пространства, в котором жители Забайкальского края приобщаются к знаниям, одинаково доступным людям всего мира, представляемым такими проектами, как Википедия, интернет-библиотеки, сеть виртуальных театров, музеев, выставок, сетевые путешествия по достопримечательностям мира. Технологии виртуальной реальности дают беспрецедентные возможности для творческого самовыражения и приобретения опыта, основанного на достижениях мировой культуры.

Выводы:

1. Культурное пространство г. Читы формировалось под влиянием факторов, характеризующих эту территорию, как особый региональный локус российского культурного поля. К этим факторам относится особое местоположение, связанное с удаленностью от политических, культурных и экономических центров и ресурсов; с замедленными темпами развития; с архаичной культурной инфраструктурой. По отношению к теме статьи, это зона забайкальской профанической периферии. Пространственно-устроительная деятельность в Чите имеет православное влияние, но и имеет свою внутреннюю структуру отгороженного от внешнего мира внутреннего космоса. При этом сохраняются и даже актуализируются архаические черты этой деятельности, связанные с усилением внимания к обрядам переходности. Архетипическое культурное содержание пространственно-устрои-

тельной деятельности, несмотря на то что приобретает новую символическую форму, сохраняется и делает неизменным сакральный смысл этого действия.

2. В настоящее время культурный ландшафт Забайкалья испытывает влияние мировой глобализирующейся, российской и региональной культур. Специфика современного дискурса между культурами на территории Забайкалья проявляется в том, что он связан с активным внедрением в процессы межкультурного взаимодействия средств массовой информации, Интернета и социальных сетей. В этих условиях, как показывает исторический опыт, региональная культура для народов Забайкалья должна стать «адаптивным механизмом», объединяющим национальные и региональные аспекты культуры, что должно обеспечить идентификацию, проживающих здесь людей. В частности, позитивный характер влияния региональной культуры на территории региона сегодня влияет на процесс формирования смешанного населения, нуждающегося в интегрирующих людей символах.

Список литературы

1. Геннеп А. Обряды перехода: монография. – М.: Вост. лит. – 1999. – 198 с.

2. Заславская Т. И. Социетальная трансформация русского общества: Деятельностно-структурная концепция: монография. – М.: Дело, 2003. – 568 с.

3. Звягинцева М. М. Константы региональной культуры // Ученые записки Электронный научный журнал Курского государственного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scientific-notes/index.php?page=68> (дата обращения: 09.10.2018).

4. Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры: монография. – СПб.: Паритет, 2006. – 477 с

5. Косинцева Ю. Ф. Тенденции трансформации региональной социальной системы культуры // Вестник Северокавказского государственного технического университета, 2008. – С. 112–117.

6. Кремень В. Г. Философия национальной идеи. Человек. Образование. Социум: монография. – М.: Грамота, 2007. – 576 с.
7. Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/culture/lotman> (дата обращения: 09.10.2018).
8. Луман Н. Реальность массмедиа: монография. – М.: Праксис, 2005. – 8. – 256 с.
9. Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С.16–28.
10. Морозова В. С. Региональная культура как ресурс формирования положительного имиджа Забайкальского края в контексте взаимодействия РФ и КНР // Вестник ЧитГУ, 2010. – № 1 (58). – С. 130–135.
11. Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. – Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2003. – С. 28–29.
12. Топоров В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. – М.: Рукописные памятники Древней Руси: монография. – Т. 1. – 2010. – 448 с.
13. Спиридонова А. В. Проблема взаимодействия универсального и локального в региональной культуре Забайкалья // Известия Российского Государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2007. – Т. 12. – № 33. – С. 246–249.
14. Филиппова Н. П. Символо-знаковые системы региональной культуры Забайкалья // Вестник ЧитГУ – № 2. (53). – С. 21–27.

Надежда Сергеевна Зимина,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: 13zimina@mail.ru

Особенности трансграничного социокультурного взаимодействия

В статье представлен анализ особенностей и механизмов взаимодействия культур в трансграничном социокультурном пространстве. Выделены две тенденции: культурный изоляционизм и культурный регионализм. Отмечено, что обе они основаны на стремлении к самосохранению и самоопределению. Исследованы такие негативные последствия трансграничного взаимодействия, как культурная ассимиляция и культурная гомогенизация.

Ключевые слова: культура, идентичность, трансграничность, социокультурное пространство, изоляционизм, регионализм

Nadezhda S. Zimina,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Assistant professor of the Department of Philosophy,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: 13zimina@mail.ru

Features of cross-border socio-cultural interaction

The article presents an analysis of the features and mechanisms of interaction of cultures in a transboundary socio-cultural space. Two trends are highlighted: cultural isolationism and cultural regionalism. It is noted that both of them are based on the desire for self-preservation and self-determination. The negative effects of cross-border interaction, such as cultural assimilation and cultural homogenization, have been studied.

Keywords: culture, identity, transboundary, sociocultural space, isolationism, regionalism

Трансграничный регионализм детерминирует усиление социокультурных связей «поверх» национальных границ, вследствие чего складывается трансграничное социокультурное про-

странство. Оно формирует внутри себя законы человеческой деятельности, определённые нормы и ценности, представляет собой область взаимопроникновения культур, а соответственно и ценностей, где аккумулируются различные элементы граничащих культур. Так возникают «гибридные» социокультурные образования. Например, Россия, как пространство тесного соприкосновения Востока и Запада представляет собой такого рода образование, вобравшее в себя элементы двух цивилизаций и исторически сформировавшая свою особую самобытность.

По мнению Д. Г. Емченко, трансграничное социокультурное пространство представляет собой область взаимопроникновения культур, в результате чего образуется некая культурная целостность, способная ассимилировать различные элементы граничащих культур, не разрушая их и выявляя потенциальные точки роста [5, с. 47–50]. Но угроза культурной ассимиляции способна привести к всплеску культурной идентичности, культурным движениям. От диалогического взаимодействия разных культур, а значит и ценностей, либо их столкновения и противоборства будет зависеть характер трансграничного социокультурного пространства. В таком случае обратимся к возможным последствиям социокультурного трансграничья. Итак, с одной стороны, трансграничье может выступать как угроза утраты культуры, включённой в трансграничное пространство. С другой стороны, трансграничье способно актуализировать отдельные культуры и социокультурную идентичность через механизмы культурного регионализма, либо культурного изоляционизма.

Проблемы регионализации и концептуализация региона чаще увязываются с политическим и экономическим контекстом. Культурной же регионализации уделяется недостаточное внимание, эта проблема представляет собой новое направление в гуманитарной науке, в связи с чем обнаруживается недостаток исследовательских работ по данной теме. В новой интерпретации регионализм выступает как открытое, ориентированное вовне активное участие регионов в международных процессах, цель которого – не отделение, а соединение глобального с локальным (региональным) [2]. Так, Н. А. Абрамова и Ли Пин делают попытку концептуализировать культурную регионализацию и

представляют её как процессуальную характеристику эволюции культурной среды в компактно-территориальном сообществе, обладающем единой пространственной локализацией и структурой, определяемой общей идентичностью и детерминированной культурной политикой [1, с. 109]. Такой тип регионализации характеризуется стремлением к самосохранению этнокультурных, религиозных и иных сообществ. Похожая трактовка содержится и в исследованиях В. А. Дергачёва: культурная регионализация акцентирует внимание на процессе развития культурных регионов и субрегионов, отличающихся социокультурными особенностями [4].

Иной характер имеет культурный изоляционизм, как крайняя форма проявления регионализма. Общее определение изоляционизма (от фр. *isolation* – отделение, разобщение) обозначает его как стремление к обособлению. Концептуализируем культурный изоляционизм как стремление отдельных социокультурных общностей, регионов к обособлению, возникающее как реакция на трансграничное пространство. Если культурный регионализм предстаёт как мирное диалоговое сосуществование культур, сохранение и презентация собственной культуры через механизмы, не нарушающие этических и правовых норм, то культурный изоляционизм может приобрести конфронтационный характер и насильственные формы своего проявления, предстать как открытое противостояние регионов, культур, народов и т. д. трансграничному пространству.

При этом и регионализм, и изоляционизм имеют в своей основе стремление культур к самосохранению и самоопределению. В зависимости от степени доминирования и способности к устойчивости одной из взаимодействующих культур, ценности той и будут преобладать в трансграничном пространстве. В данном случае речь идёт о таких негативных последствиях трансграничного взаимодействия, как проблемы ассимиляции (растворение и постепенная утрата какой-либо культуры) и культурной гомогенизации – доминировании одной культуры (национальной, региональной) над остальными, что соответствует экспансионистской политике [8]. Тогда к культурному изоляционизму культуры прибегают как к средству обособления в трансграничном пространстве.

Согласно теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона, невозможно создание единого социокультурного пространства и полное взаимопонимание культур, цивилизации обязательно сталкиваются. Конфликты и войны по цивилизационным линиям разлома возникают, прежде всего, из-за несхожести людей между собой, фундаментальных вопросов идентичности, что является особенностью таких процессов [8, с. 407]. Иной позиции придерживается отечественный философ М. С. Каган, считающий, что «... только всечеловеческое единство ценностей позволит землянам избежать экологической катастрофы» [6, с. 195].

На наш взгляд столкновение цивилизаций – закономерное следствие попыток сохранить собственную идентичность цивилизаций, доказать своё превосходство и преимущество перед другими. Раскол ценностных ориентаций пронизывает всю историю человечества. Но «не все народы идут в счёт в мировой истории. Каждый соответственно своему принципу выступает в свой момент. Затем он исчезает со сцены, по-видимому, навсегда ...» [3, с. 205]. Таким образом, можно сказать, что взаимодействие культур влечёт за собой стремление к самосохранению, выражающееся в их неизбежном столкновении, в результате которого одни из них исчезают, другие выживают, становясь сильнее и возможно претерпевая некоторые изменения. Это закономерность исторического развития. Рассуждая об историзме, Г. Гегель отмечал, что мировая история имеет свой «разумный план» и все негативные моменты на деле оказываются необходимыми пружинами диалектики постоянного становления всеобщего [3]. Тогда войны, смерть движут историю. «В войнах становятся крепче народы и нации, внутренний раздор, вытолкнутый в военные действия на стороне, сменяется умиротворением ... это как момент движения необходимого» [3].

В связи с этим необходимо обратиться к возможным сценариям взаимодействия культур. Так, В. Г. Федотова предлагает три возможных варианта развития идентичности при социокультурном взаимодействии: столкновение; мягкое взаимодействие; изменение, отрыв от традиционной идентичности через унификацию и упрощение рациональности [7, с. 151]. В этой ситуации

культура как совокупность ценностей, мировоззренческих установок, образцов поведения выступает «мягкой силой», которая способна дестабилизировать социокультурное пространство объекта геополитики стран-противников или стран-реципиентов трансграничного региона. Таким образом, культура и её ценности являются средством доминирования, к которому прибегают лидирующие в трансграничном пространстве объекты.

Подобной позиции придерживается З. Бжезинский, рассматривая культуру и её ценности как способ укрепления имперского центра управления миром. Кроме обычных причин возможных конфликтов между странами, принадлежащими к различным цивилизациям (контроль над территорией, ресурсами и т. д.), особо выделяются достижение могущества на определённой территории, возможность насадить собственные ценности, культуру и институты другой стране.

На основе вышеизложенного отметим, что важнейшей чертой трансграничного социокультурного пространства является неоднородность составляющих его пространств культур, следовательно, необходимо говорить о его плюралистичности. Трансграничное социокультурное пространство вмещает в себя пространства нескольких культур. Это делает его сложным многослойным образованием. Характер взаимодействия культур определяется качествами самой культуры, с одной стороны, и её целями и возможностями в трансграничье, с другой.

Список литературы

1. Абрамова Н. А., Ли Пин Проблема регионализации: культурный аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2009. – № 1. – С. 105–111.
2. Бусыгина И. М. Регионализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126549> (дата обращения 22.04.2019).
3. Гегель Г. Работы разных лет / сост., общ. ред. А. В. Гулыги // в 2 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – 630 с.

4. Дергачев В. А. Регионалистика. Научные труды в семи книгах. Книга 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dergachev.ru/book-7/01.html> (дата обращения 15.09.2018).

5. Емченко Д. Г. Маргинальный человек в контексте культуры трансграничного региона // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2009. – № 11. – С. 47–50.

6. Каган М. С. Философская теория ценности. – СПб: ТОО ТК «Петрополис». – 1997. – 205 с.

7. Федотова В. Г. Глобализация и российская идентичность // Глобализация и перспективы современной цивилизации. – М.: КМК, 2005. – С. 150–172.

8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ». – 2003. – 603 с.

УДК 101.1:316

Алексей Анатольевич Тарасов,

кандидат философских наук,

начальник управления научных

исследований и проектов,

Нижегородский институт управления (филиал РАНХиГС),

г. Нижний Новгород, Россия

e-mail: alexey.an.tarasov@gmail.com

Био-корпоративная этика управления

В этой статье мы задаёмся вопросом о том, что является «телом» государственного управления и управления вообще, и, соответственно, их сознанием. Это приводит нас к выводу о «корпоративной» сущности менеджмента и администрирования. Особое внимание в этой связи мы уделяем трансформации роли науки в современном обществе как инструмента и одновременно объекта управления в рамках неолиберального этоса.

Ключевые слова: корпорация, управление, этика, бюрократия, организация, риск, неолиберализм, рынок, наука, конфликтология, феноменология

Alexey A. Tarasov,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Head of Research Department,
Nizhny Novgorod Institute of Management,
Branch of RANEPa,
Nizhny Novgorod, Russia,
e-mail: alexey.an.tarasov@gmail.com

Bio-corporative ethics of management

In this article we ask ourselves what is the «body» of public administration and of management theory and practice in general, and, accordingly, what is their consciousness. This leads us to the conclusion about their «corporate» essence. In that regard, we pay special attention to the transformation of the role of science in modern society as an instrument and at the same time as an object of management within the confines of the neoliberal ethos.

Keywords: corporation, management, ethics, bureaucracy, organization, risk, neoliberalism, market, science, conflictology, phenomenology

«Левиафан» (1651 г.) Томаса Гоббса поставил один из вопросов, который до сих пор с нами, – вопрос о «теле» государства (его «материи, форме и власти»). Сам Гоббс давал метафоричный ответ, описывая аналогию с искусственным организмом – автоматом, в котором высшую суверенную власть представляет «искусственная душа (интеллект)», а муниципалитеты – «искусственные шарниры (роботы)».

Эта традиция соединить управление с его телом, «воплотить», «инкорпорировать» нашла продолжение в идее о том, что организм – это в первую очередь организация, а не сами элементы, и наоборот, что любая организация действует как самостоятельный организм, имеющий свою цель, внутреннюю и внешнюю среду, то есть «этос». В XIX-м веке мы можем упомянуть «новую физиологию» Клода Бернара и Германа фон Гельмгольца. Важным препятствием на пути этой мысли в то время было понятие труда, труд как сущность, «успешно» устранённый в 1870-е годы «маржиналистской революцией», одновременно с которой (или сразу вслед за ней) начался триумфальный поход «научного менеджмента», науки об управлении.

Одну из попыток в наши дни развить эту мысль сделал Альфред Чандлер, чьим именем называется «классическая» иерархическая форма организации корпорации, господствовавшая большую часть прошлого столетия – «чандлеровская корпорация». Свою последнюю работу он так и назвал – «Левиафаны. Мультинациональные корпорации и новая глобальная история» [3].

Это название проясняет тот факт, что современное государство изначально само является всего лишь одной из форм «корпорации», наряду с другими (церковью и университетами, если иметь в виду власть духовную и научную, и, конечно же, коммерческими). Сама этимология слова «корпорация» (от лат. *corpus* – тело) только подтверждает эту интерпретацию, в рамках которой «государство» управляет не телами людей, составляющих его, но другими корпорациями, которые, с одной стороны, нацелены на преобразование мира, в котором мы живём, под наши потребности, а с другой – на встраивание («инкорпорирование») части его элементов в нас самих посредством диеты, тренировки, дисциплины, аскезы. Эти два вектора всегда идут параллельно, но неизбежно оставляют некий не(до)инкорпорированный остаток, недоступный абсолютному контролю. Управление этим остатком, «маржой», её инкорпорация – и есть смысл существования государства. Ключевой вопрос, который здесь возникает – имеет ли государство собственные цели, отличные от целей составляющих его людей? И если да, то как именно это возможно?

Главным событием последних двух столетий А. Чандлер считает вторую индустриальную революцию, характеризующуюся созданием больших организаций – индустриальных промышленных корпораций, а также государственного бюрократического аппарата, который в первую очередь призван регулировать деятельность первых («инкорпорировать» без остатка). Государство на этом пути следует за корпорациями. И лишь в 20–30-е годы XX века государство само по себе (а не только его лидеры, руководители) стало «автономной» сущностью, независимой системой со своей специфической структурой, институтами, процессами, взаимодействиями внутри себя; стало самосто-

ятельным «актором». В это же время впервые оформилась наука «public administration», имеющая своим предметом управление большими корпорациями и бюрократическим аппаратом.

Хотя нельзя однозначно отождествить «Левиафан» Т. Гоббса с корпорациями, как это делает А. Чандлер, однако, соглашаясь с последним в том, что именно крупные организации стали в течение XIX-го века главным объектом управления, попутно вызвав к жизни такие науки как социология и менеджмент, продуктивной представляется гипотеза о том, что начиная с этого времени любое управление, в том числе государственное, пытается занять с помощью всевозможных техник, подходов, философий, наук позицию, позволяющую ему приобрести корпоративное «видение», «зрение», «восприятие». Ибо для того, чтобы управлять чем-то, нужно овладеть его телом (организацией) и сознанием (этосом).

Это непростая задача, ибо корпорация, бюрократия – это всё-таки вещи нематериальные. Их нельзя определить, просто указав пальцем на объект. Всё, что возможно – косвенно очертить совокупность людей, которые ведут себя так, как если бы они были частью некой системы, которую мы и называем корпорацией или бюрократией. По причине этой сложности определения эти объекты и стоящие за ними понятия не сразу стали главными референтами для анализа, понимания современного общества, а, следовательно, и управления им. Если механизм, например, часы, фабрика, конвейер, каждый в своё время значительно изменили понимание «человеческого тела», через которое всегда направляется «интенция», посредством которого определяется управляющее «сознание», то корпорация или бюрократия в этом смысле сами требуют предварительного овеществления, инкорпорации, поскольку без этого не могут быть управляемы и управлять сами.

Наконец, информационные технологии позволили произвести эту материализацию, предоставив возможность наглядно представить, увидеть, «воспринять» неосознаваемые, но могущественные структуры мира и общества («левиафаны»). Ещё важнее то, что они дали самим корпорациям сенсориум [4], посредством которого они смогли войти в наш мир на правах «левиафанов».

Важно помнить, что любая корпорация не только управляет той или иной областью нашего опыта, но и своего рода «уси-

лителем», позволяющим увидеть, познать то, что естественным образом нам не доступно, получить новый опыт. В этом смысле научный метод очень близок, вплоть до полного слияния, к «корпоративному», позволяющему создать коллективного субъекта, превосходящего по влиянию, сфере действия, длительного приложения усилий любого из нас в отдельности. Согласно Х. Саймону люди создают организации для того, чтобы получить способность принятия таких решений, которые вне её рамок им вообще не могут быть доступны [5, с. 131]. Таким образом, из источника «проблем» организация превращается в инструмент их решения. Круг замыкается.

Представители эпохи Просвещения считали любой автомат или машину синонимами «слуги» или «раба», который не может мыслить, поскольку для этого необходимы «способность к суждению» и автономия. В противоположность этому в эпоху крупного бизнеса, гигантских корпораций и бюрократических аппаратов рациональность сводится к следованию правилам, инструкциям, алгоритмам, вследствие чего может быть воплощена, «инкорпорирована» в машинах и автоматах – как бюрократических, так и электронных. Бихевиористская революция в политических науках, когнитивная революция в психологии, структурно-функциональная революция в социологии, структуралистская революция в антропологии, появление макроэкономики, эконометрики и теории игр в экономической теории – все эти «революции», достигшие своего пика в 50–60-е годы XX-го века, объединял разрыв с традиционными, «просвещенческими» морально-этико-философскими подходами в социально-гуманитарных науках.

Новые науки имели дело с «разумом» самим по себе, «вне-антропологическим» – искали ответ на вопрос, может ли «рациональный выбор» быть произведён системой или процессом с определённой функциональной организацией. Когда соответствующая «организация» обнаруживалась, её уже в обратном направлении следовало переформулировать как идеал для реальных «систем» и явлений, процессов принятия решений, политических стратегий, процедур, инструкций, протоколов – людей, в конце концов. Такое «прививание» давало возможность «аген-

ту» принимать рациональные решения, причём этим «агентом» в этой рафинированной, отфильтрованной ситуации мог быть в равной степени как человек, так и машина, или комплекс людей и автоматов.

Одним из воплощений такого рода мышления в современном бизнесе, деятельности корпораций, а также во всё большей степени и государственного аппарата является процедурное решение любых возникающих в процессе их функционирования этических вопросов и дилемм с помощью универсальных технологий и стратегий «управления рисками» (risk management). В данном случае – «этическими рисками». При переформулировании этики в терминах рисков от человека не требуется этическое мышление, так как за него здесь «мыслит» умная, этическая система, в которую он встраивается. Система оказывается застрахована от рисков [2]. Так становится возможна «этическая система» без этических людей (вообще без людей?), добро без добрых людей, кофе без кофеина, etc. Короче говоря, система или «корпорация». (Не случайно «системный» подход в наши дни трансформировался преимущественно в «философию тела» и неофеноменологию [6]).

Первым и вполне традиционным шагом на пути становления «корпоративного видения» и упрощения восприятия грандиозных организационных перемен стало перенесение модели естественных наук на социально-гуманитарные, которое со временем претерпело изменение направления вектора. Что поменялось, так это представление о том, что является главным источником превосходства естественных наук. Изначально – во второй половине XIX-го – начале XX-го веков – большинство исследователей общества ключевой характеристикой, заслуживающей перенесения, заимствования с их стороны считало морально-этическую дисциплину, с которой, например, физики и математики следовали принципу объективности перед лицом любого социального давления или персональных слабостей и недостатков. С середины XX-го столетия, особенно наглядно с 1970-х годов, главную ценность, которую необходимо было транслировать, осуществлять её «перевод», приобретает способность естественных наук с наибольшей точностью отражать, удержи-

вать, впитывать в себя все тончайшие общественные и личные противоречия и конфликты, дилеммы и выборы. Тем самым физика, математика, во всё большей степени – химия и биология, становятся главными рычагами управления техно-социумом. А само управление в широком смысле смещается от устранения, разрешения конфликтов, к управлению ими – конфликтологии.

Как только новая идея захватывает этическое пространство, всё остальное – дело техники. Новая парадигма управления начинает приобретать свои очертания, нащупывать новое мироощущение и восприятие начиная с 1930-х годов и становится доминирующей с 1970-х. Она получила название неолиберализма, который даже в обыденном сознании вполне ассоциируется с тотальным господством, расцветом крупного бизнеса, корпораций – как национальных, так и глобальных. Неолиберализм получил преимущество, поскольку первым сформулировал действительно «корпоративное и бюрократическое» видение, а его главным инструментом управления стали конфликтология и менеджмент науки (в противовес «научному менеджменту» Ф. Тейлора).

Например, теория игр в рамках этой «корпоративной» парадигмы управления пытается преодолеть разрыв, поставить знак равенства между индивидом и организацией: их различие здесь не между биологией и социологией, но чисто функциональное. Поэтому организация при определённых условиях может рассматриваться как индивид, а индивид – как организация и конфликт интересов.

В целом в науке начинает превалировать «менеджеризм» – функционально-организационный подход: у нас это была СМД-методология Г. П. Щедровицкого, чей главный продолжатель и наследник П. Г. Щедровицкий сегодня выступает главным российским протагонистом «четвёртой промышленной революции», на Западе же – различные ипостаси Knowledge Management или «информационного общества». Дело в том, что к началу 1970-х годов наука переживала время неведомой прежде фрагментации и появления всё новых дисциплин – транс- и междисциплинарных. Концепция Т. Куна была одной из попыток изнутри понять происходящее и вернуть контроль. Истинной же

причиной «кризиса» было не то, что наука после десятилетий процветания пошла на спад, но, напротив, что она из «Большой Науки» (Big Science) стала превращаться в «Слишком Большую (Мега) Науку» (Mega Science). Пирог стал слишком громоздким, а потому стал сам собой распадаться.

Чем больше наука, тем больше в неё должно быть встроено механизмов управления, то есть, на языке неолиберализма – конфликтов. По этой причине в Big Science на сегодняшний день встроено наибольшее количество инструментов непрерывного контроля. Например, FermiLab или CERN с их ускорителями-коллайдерами, стали в первую очередь on-line, виртуальными лабораториями (и в определённом смысле всегда ими являлись), где любой учёный вынужден любые результаты своих исследований, даже промежуточные, на материале их экспериментов, размещать в открытом доступе. В такой ситуации корпорации могут контролировать процесс научных открытий, изобретений, инноваций в режиме реального времени, присваивая себе, конечно же, наибольшую часть «добавленной стоимости», не говоря уже о том, что направлять этот процесс в определённом направлении.

Одновременно с этим, как мы уже отмечали, многие – как внутри науки, так и вне её – начали осознавать, что их мнение, их роль в разрешении этических конфликтов сводится к минимуму. Вследствие этого в 1970-е годы дискурс о выборе вместо того, чтобы быть частью решения проблемы рациональности, сместился в сторону вопроса о свободе: стал важен выбор сам по себе, сама «интенция» – выбирать! «Больше выбора = больше конфликтов = больше свободы».

Неолибералы считают, что сильное государство является условием создания и поддержания такого рода рынков, проникающих всё глубже в ткань общества и науки, как единственно возможного сегодня механизма постичь все его конфликты и противоречия. Именно рынки, следуя Маркизу де Кондорсе, они считают единственным социальным механизмом, одновременно дающим людям «свободу выбора» и позволяющим управлять наукой как инструментом социальной (корпоративной) эпистемологии.

Главной функцией управления в рамках «научного менеджмента» является обеспечение «синтеза» многочисленных противоборствующих, конфликтующих сил, инстинктов, интересов, условий, идеалов: «Управлять организацией = управлять организмом = управлять синтезом оппозиций, дихотомий и противоречий». Задача большой, массовой организации – не просто производство, но небывалый синтез спроса и предложения в одном функциональном пространстве – организме корпорации. Главная же функция управления в рамках «менеджмента науки» – производство конфликта внутри объекта, иначе им нельзя управлять.

Тонкой гранью такого подхода является вовсе не то, что нечто может избежать «натуралистического» объяснения, сколько то, что рынок несёт в себе как попытку/возможность вернуть антропологическое измерение вышедшим из-под контроля научно-корпоративным сущностям, так и окончательно запутаться в них и безвозвратно утратить.

Именно неолиберализм ввёл термин «человеческого капитала» и этики управления самим собой как предприятием, то есть последовательно внедрил «корпоративную» перспективу в нашу жизнь и последовательно с помощью конфликтологии и public relations распределяет её всё глубже в тело социума, «инкорпорирует». Делает это он через универсальный механизм рынка, соединяющего субъективное и нормативное в неразложимое единство. Поэтому М. Фуко определял неолиберализм как практику феноменологического учения [1]. Именно феноменология заложила основы нового «корпоративного» виртуально-информационного видения мира. Его новое *argiōi*.

Список литературы

1. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с.
2. Alfieri A. The fall of legal ethics and the rise of risk management // The Georgetown law journal. – 2006. – Vol. 96. – Pp. 1909–1955.

3. Chandler A., Mazlish B. eds. Leviathans. Multinational corporations and the new global history. Cambridge University Press, New York. – 2005.

4. Hayek F. The sensory order. An inquiry into the foundations of theoretical psychology. The University of Chicago Press, Chicago. – 1952.

5. Heyck H. Age of System. Understanding the development of modern social science. Johns Hopkins University Press, Baltimore. – 2015.

6. Simmons A., Benson B. The new phenomenology. A philosophical introduction. Bloomsbury Publishing Plc., New York. – 2013.

**ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ
В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ**
NATURAL AND SOCIAL IN PUBLIC CONSCIOUSNESS

УДК 2.633

Юлия Викторовна Гаврилова,
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии,
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия
e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru*

**Соотношение социогуманитарных
и естественно-научных подходов к исследованию
синкретичного религиозного сознания**

В статье анализируются основные исследовательские подходы к проблемам формирования и функционирования синкретичного религиозного сознания. Отмечается роль социогуманитарного и естественно-научного знания в исследованиях синкретичности. Показывая точки соприкосновения социогуманитарных и естественно-научных подходов, автор приходит к выводу о наибольшей эффективности междисциплинарных исследований синкретичного религиозного сознания, о необходимости дополнения существующих подходов теорией соотношения естественного и социального в обществе и человеке.

Ключевые слова: религии, сознание, религиозное сознание, религиозный синкретизм, теоретические подходы

Yulia V. Gavrilova,
*Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, Philosophy Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru*

**The ratio of socio-humanitarian and natural science
approaches to the study of syncretic religious consciousness**

The article analyzes the main research approaches to the problems of the formation and functioning of syncretic religious consciousness. The role of socio-humanitarian and natural-science knowledge in syncretism studies is

noted. Showing the points of contact of socio-humanitarian and natural science approaches, the author comes to the conclusion that interdisciplinary studies of syncretic religious consciousness are most effective, and that the existing approaches should be supplemented with a theory of the relationship between the natural and the social in society and man.

Keywords: religion, consciousness, religious consciousness, religious syncretism, theoretical approaches

Религиозный синкретизм входит в область исследований, направленных на выявление механизмов возникновения и эволюции религий, определение специфики межрелигиозного взаимодействия и функционирования религиозного сознания. Исследования религиозного синкретизма как данного в чувственном опыте феномена, наблюдаемого и переживаемого, осуществлялись в лоне культурной антропологии, этнографии, истории религий. В то время как изучение религиозного сознания оставалось прерогативой психологии и философии религий. Особо стоит отметить, что, исследуя проблемы религиозного синкретизма, учёные, на наш взгляд, уделяли неоправданно мало внимания выявлению синкретичности в религиозном сознании, забывая о том, что именно религиозное сознание является системообразующим «каркасом» религий и всех феноменов их сопровождающих.

Вместе с тем, нельзя сказать, что синкретичность в религиозном сознании вовсе не исследовалась и что до сих пор не создано ни одной теории синкретичного мышления, а вместе с ним и сознания. Среди известных теорий следует назвать такие как теория «пралогического (дологического) мышления» (Л. Леви-Брюль), «мифологического мышления» (К. Леви-Стросс), «архаического мышления» (М. Элиаде), «пробуждающегося мышления» (Ф. Кликс), теория мифа (А. Ф. Лосев) теории развития мышления (Ж. Пиаже). Однако вышеперечисленные теории, прежде всего, акцентируют внимание на выявлении закономерностей и механизмов возникновения и функционирования мышления человека, а также на особенностях некоторых форм общественного сознания на ранних ступенях развития

истории. В то время как синкретичность на различных уровнях религиозного сознания не входит в область вышеназванных теорий, либо затрагивается в них весьма посредственно.

Рассмотрим основные подходы к исследованию религиозного синкретизма, а вместе с ним и синкретичного религиозного сознания, которые, на наш взгляд, обладают особым эвристическим потенциалом и помогают исследователям в выявлении закономерностей возникновения и функционирования особой синкретической сущности разных уровней религиозного сознания.

Согласно американским учёным М. Лютеру и А. Леопольд, исследование религиозного синкретизма проводилось в рамках так называемых «старых» и «новых» подходов [16]. Говоря о «старых» подходах, учёные имеют в виду конфессионально ориентированное изучение религиозного синкретизма, осуществляемое в условиях противостояния католических и протестантских теологов в XVIII–XIX вв. Так называемые «новые подходы к старым проблемам» определились в XX в. Среди «новых» подходов появляются те, которые дают возможность выстраивать и реализовывать исследовательские стратегии по вопросам изучения синкретичности в религиозном сознании. К группе «новых подходов» следует отнести: исторический подход (синкретизм как процесс), антропологический подход (синкретизм как система), социально-политический подход (синкретизм как идеология/мифотворчество), семиотический подход (синкретизм как культурный код), когнитивный подход (синкретизм как содержание мышления/сознания). Эти подходы позволяют расширить рамки исследования синкретичного религиозного сознания, менять ракурс его рассмотрения, а, следовательно, дополнять существующую систему знаний о религиозном синкретизме, разрабатывать новые теории. Вместе с тем, их исследовательский потенциал возрастёт если они будут применяться в совокупности, образуя единое «пространство» социогуманитарного и естественно-научного знания.

Рассмотрим некоторые подходы.

Исторический подход: синкретизм как процесс

Представители исторического подхода применяют термин «синкретизм» для описания процессов возникновения своео-

бразных комбинаций из элементов различных религий. В этом случае речь ведётся о возникновении синкретических ритуалов, представлений и идей, символов, о появлении синкретического искусства, литературы. Движущей силой этих процессов является эволюция общества и религий.

Представители исторического подхода отмечают, что каждый новый этап общественного развития привносит в содержание некоторых религий новые компоненты. Идёт процесс трансформации религий – религии «эволюционируют» наряду с обществом. Причём, как утверждает известный советский исследователь религиозного синкретизма Н. С. Капустин, «эволюция всякой религии носит синкретический характер. *Синкретизм* – это специфическая черта эволюции любой религии» [5, с. 6]. По мнению некоторых учёных данное утверждение является спорным. Процессы генезиса и эволюции религий не всегда сопровождаются смешением вер. Так, например, существовавшие веками и испытывавшие внешние влияния такие религии как иудаизм, ислам, христианство, отстояли на протяжении веков свою самобытность и оригинальность. Процесс эволюции для некоторых из них характеризовался упразднением или модернизацией определённых доктрин, отпочкованием многочисленных направлений, в недрах которых как раз был возможен синкретизм.

Исторический подход трактует религиозный синкретизм в двух смыслах: во-первых, как «способ производства» новых религий и их отдельных элементов через смешивание, и, во-вторых, как отклонения от какого-то первоначального, идеализированного варианта религии [15; 19]. При втором ракурсе рассмотрения религиозного синкретизма на первый план выходит проблема определения критериев синкретичности, принципов демаркации «чистых», не подвергшихся влиянию извне религий (если таковые имеются) и синкретических религий. Однако до настоящего времени эта проблема остаётся не разрешённой. Особо остро она встаёт при диахронном исследовании религиозного синкретизма.

Диахронный анализ показывает последовательную смену этапов становления культур и религий, серию изменений, которые произошли в их структуре, содержании и функциони-

ровании. Такой анализ позволяет сравнивать разновременные состояния религий и на основании этого определять тенденции их эволюции, выявлять заимствованные и смешанные элементы, проследить пути их формирования. Иными словами, диахронный анализ показывает изменения религий во времени как бы через противопоставление нынешнего состояния прошлому. При этом как раз необходимо определить точку отсчёта этих изменений, так называемую «чистую», первоначальную, идеализированную религию, с которой можно было бы сравнить, сопоставить изменения, произошедшие в результате процессов синкретизма. В таком случае для многих исследователей само содержание прошлого выступает в качестве сравнительного ориентира для складывающихся «новых» синкретичных религий. Переход «прошлого» в «настоящее» в том числе выражается в переплетении явлений и процессов, в сохранении в них различных напластований. Некоторые исследователи религиозного синкретизма по данному вопросу занимают бескомпромиссную позицию и открыто заявляют, что «религий не синкретических не бывает, но степень и характер религиозного синкретизма меняются по ходу истории» [6, с. 7].

Синхронный анализ религиозного синкретизма позволяет опускать необходимость наличия «чистой», «несинкретизированной» религии в качестве обязательной точки отсчёта процессов синкретизации и исследовать специфику синкретизма религий в определённый момент времени, анализировать религиозный синкретизм как процесс конструирования отношений между сосуществующими религиями и как результат этих отношений, выраженный в синкретических культово-ритуальных практиках.

При диахронном и синхронном анализе религиозный синкретизм рассматривается как способ возникновения новых религий или их отдельных компонентов, как способ обновления существующих религиозных культов и учений.

Согласно историческому подходу, синкретизм возникает от культурных контактов. Безусловно, культурное влияние здесь играет не последнюю роль. Однако культурные контакты между народами сами по себе не подразумевают, что обязательно воз-

никнет синкретизм и, наоборот, синкретизм может происходить без межкультурного взаимодействия, в котором очевидные заимствования могут представлять собой параллельные образования, независимо сформированные общими культурными траекториями развития. Социальные изменения подобно культурным контактам непосредственно влияют на эволюцию религий. Соглашаясь с Р. Марретом в том, что «ключ к религиозной эволюции, несомненно, следует искать в эволюции социальной» [7], добавим, что социальная эволюция, как и эволюции религий не всегда являются триггерами синкретизма, так как представляют собой ситуативные, изменчивые основания синкретичности. Поэтому важнейшей задачей будет поиск основы, делающей возможным возникновение синкретизма даже в таких условиях, в которых его появление затруднено, либо невозможно вовсе. На наш взгляд, таким предельным основанием, неизменно присутствующим фактором, позволяющим синкретизму зародиться и активно функционировать, является религиозное сознание. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на закономерности формирования и функционирования синкретичного религиозного сознания, так как, на наш взгляд, именно здесь кроется объяснение многих механизмов синкретичности в религиях. Однако исторический подход не охватывает данную проблематику и требует дополнения другими подходами и теориями, например, такими, как когнитивизм и теория соотношения естественного и социального в обществе и человеке (автор Н. Д. Субботина).

Итак, ценность исторического подхода к изучению религиозного синкретизма заключается в анализе факторов, причин и специфических условий генезиса и эволюции синкретизма, в фиксации и сравнении изменений в содержании религий, в выявлении и исследовании новых качественно своеобразных форм религий. Вместе с тем, каузальные связи синкретических образований в религиях трудно установить и объяснить, ещё труднее оказывается определить их в качестве синкретических.

Социально-политический подход: синкретизм как идеология / мифотворчество

Среди исследователей религиозного синкретизма есть те, которые относят его к искусственно сконструированному комплексу учений и верований, преднамеренно насажденных в массовое и индивидуальное сознание. Такой ракурс рассмотрения религиозного синкретизма характерен для историков, анализирующих конкретные исторические периоды развития обществ, характеризующиеся ярким проявлением синкретизма в духовной культуре. Это, прежде всего, период господства Восточных цивилизаций, период Античности, эпоха эллинизма и религиозный синкретизм эпохи постмодерна.

«Религиозный синкретизм – как считают представители данного подхода – был скорее всего и в значительной степени, делом преднамеренной пропаганды, стремлением со стороны властителей создать единую идеологическую основу успешного развития государств» [17]. Причем, конструировался не только религиозный вариант синкретизма, но смешивались политические учения, религиозные представления, идеологические принципы, мистицизм, магия. Формировалась так называемая мифосфера особого синкретического характера. Так, А. В. Жуков, исследуя проблемы конструирования естественных и искусственных мифосфер, выявляя их содержательную специфику и анализируя процессы мифотворчества, отмечает, что в мифосферу входит «область мифов, связанная с повседневной, обыденной реальностью человека. <...> Знание, сконструированное мифом, производным от архаического, и представляющим собой вторичную моделирующую картину мира, конструкцию. Локус религии. <...> Периферийные зоны моделирующих сфер сознания и повседневности, в которых действуют частные мифотворцы, а также курсируют различные обломки отживших свой срок мифов или создаются апокрифические и синкретические тексты» [4, с. 44–45]. Поскольку основная миссия любого общества состоит в том, чтобы поддерживать себя, то с естественно сформированной мифосферой соседствует искусственное мифотворчество, которое воспринимается населением, во многом, как данность и необходимость.

Классическими примерами синкретизма, сконструированного искусственно в идеологических и политических целях, основанного на синтезе магии, мистицизма, философских идей, идеологии и религиях являются: манихейство, синтез платонизма и неопифагорейства, греческие магические папирусы (собрания ритуалов, составленные египетскими жрецами эпохи Птолемеев и Римской империи), неоплатоническая молитва Исиде [17].

Таким образом, религиозный синкретизм в качестве идеологии или мифотворчества входит в сферу общественно-политических процессов. Он рассматривается как преобразование, инновация, а иногда как инверсия духовной культуры того или иного общества. В этом смысле синкретизм выступает фактором социального и духовного развития; он способствует легитимности власти, формирует мифосферу, устанавливает новые ценности и нормы.

Стоит отметить, что синкретизм как навязанная сверху идеология вступает в противоречие с существующей идеологической или религиозной системой, создавая тем самым проблему восприятия и осмысления новых синкретичных элементов. Эта проблема решается либо путём выбора одной из существующих систем и отказа от всех других, либо путём выбора заслуживающих доверие элементов среди нового синкретичного содержания духовной культуры и отклонения оставшихся частей. Тем самым конструируется и принимается новая религиозно-идеологическая система синкретического характера.

Итак, исторический и социально-политический подходы к исследованию религиозного синкретизма входят в область социогуманитарного знания. Представителями данных подходов наработан огромный материал по вопросам становления и развития общества и его сфер. Поэтому, умалять значение этих исследовательских подходов для отыскания действительной сущности религиозного синкретизма, не следует. Однако уже давно отмечается увеличение эвристического потенциала синтезирования социогуманитарного и естественно-научного знания. Поэтому, на наш взгляд, дополнение исторического и социально-политического подходов теорией соотношения есте-

ственного и социального, которая вскрывает сущность не только социальных, но и естественных закономерностей и предпосылок развития общества, будет способствовать более полному исследованию синкретичного религиозного сознания. Тем более, что эта теория получила апробацию в исследованиях суггестии, справедливости, агрессии, естественно-групповых отношений, поведения индивида и масс и пр. [10; 11]. Также она оказалась результативной в выявлении естественных факторов формирования религиозного сознания, в исследованиях диалектического единства естественных и социальных факторов формирования и сохранения религиозного сознания [2].

Можно предположить, что у такого, казалось бы, исключительно социального явления как синкретизм, есть основания естественного характера. Прежде всего, речь идет о внутренних естественных факторах и механизмах, связанных с психофизической работой организма человека и активностью его сознания. Именно внутренние естественные предпосылки и механизмы при доминировании социальных, ситуативно изменчивых оснований синкретичности в содержании религиозного сознания, являются константами данного феномена. Выявить и раскрыть эти основания возможно с опорой на теорию соотношения естественного и социального.

Семиотический подход: синкретизм как реконструкция культурных кодов

Семиотика даёт возможность определять зависимость появления специфических культурных феноменов от культурконтекстных схем и шаблонов. Она делает возможным рассмотрение культур в целом, и религий в частности в виде моделей, набора кодов, знаков и символов.

Согласно семиотическому подходу, культура формируется и подчиняется системе правил и алгоритмов, она представляет собой комплекс определённых моделей и поведенческих программ. К. Гирц указывал на то, что так называемые культурные программы существуют и функционируют в виде кодов, знаковых систем и символов. Так и религии, по его мнению, состоят из группы упорядоченных, соответствующим образом, символов

и представляют собой культурные системы-модели, в которых в концентрированном виде аккумулируются смысложизненные ориентиры человека и общества. К. Гирц проводит аналогию: подобно тому как порядок звеньев в цепи ДНК формирует кодовую программу для синтеза определённого типа белковых соединений, так и порядок «звеньев» в культурных моделях определяет набор алгоритмов трансформации религий [3]. Необходимо помнить, что в структуре религий есть некоторое устойчивое единство «отвечающее критерию воспроизводимости, то есть регулярно воспроизводящееся в рамках той или иной религиозной традиции <...> особая символическая реальность, которая существует независимо от исторического времени и пространства» [8, с. 110]. Таким образом, эволюционные приобретения религий допускаются или исключаются первичными кодами в их структуре и кодами культурных систем, в которые эти религии интегрированы. Однако даже при смене культурного контекста всегда остаётся минимальный набор элементов, отвечающих «критерию воспроизводимости». Одновременно, новое содержание религий со временем начинает оказывать влияние на культуру, способствует изменениям её моделей, реконструируют культурные коды. Отметим, что согласно семиотическому подходу понятие «код» может истолковываться двояко: «код – это то, что задаёт (определяет) систему значений, и код – это структура» [9, с. 26]. Поэтому реконструкция кодов может трактоваться как синкретизм.

Трансформация «архитектуры» культурных кодов – как считают некоторые исследователи – приводит к появлению новых смыслов и преобразованию несовместимых элементов в совместимые [20]. Так, например, в идеи о реинкарнации последователей «Нью Эйдж» реализуется семантический потенциал идеи колеса перерождения как нечто активного, находящегося в динамике и христианской идеи рая и ада как статичных образований. Соединившись, два этих, казалось бы, полностью противоположных контекста преобразуются в синкретичную идею о том, что бессмертная душа переходит от одного тела к другому в бесконечно длящемся цикле перерождений. Общим же в этой синкретичной идее будет представление о том, что человек

вновь возродится, достигнет совершенства, в конце пути будет пребывать в вечности. Таким образом, возникает привлекательная альтернатива традиционным христианским и индуистским представлениям.

С позиций семиотического подхода основной характеристикой религиозного синкретизма является проявление «своего в чужом, близкого, родственного в антагонистическом, оппонирующем» [14]. Также это функционирование однородных структур в различных явлениях и их синтезе. Исследование семиотических кодов культурных систем и процессов их трансформации вполне может прояснить и даже предложить достойное объяснение механизмов возникновения и сохранения синкретических образований в религиях.

Когнитивный подход: законы работы сознания в формировании синкретичности

Когнитивный подход к исследованию религиозного синкретизма отличается от всех проанализированных выше исследовательских подходов. Прежде всего, связан с исследованием работы мозга, выявлением закономерностей происхождения сознания и законов его функционирования. Что особо важно, данный подход ориентирован на исследование ранних форм мышления, которые непосредственно связаны с процессами формирования мифологического и религиозного сознания. Для исследования религиозного синкретизма и синкретичного религиозного сознания это имеет особое значение, так как, по нашему мнению, возникновение синкретичных религиозных идей, образов и представлений подчиняется работе законов сознания; синкретичность формируется механизмами работы сознания и ими же снимается.

Отметим, что отечественные исследователи религий применяют когнитивный подход для выявления механизмов генезиса религиозного сознания, однако вне их поля зрения остаются когнитивные основания возникновения и распространения синкретических элементов в религиях. В то время как западные учёные, начиная с 90-х годов XX в. активно работают над изучением взаимосвязи механизмов познания и культуры, разрабатывают ког-

нитивные концепции религиозного сознания, применяют методы «когнитивных наук» для анализа религий и религиозного синкретизма [13, 15]. На наш взгляд, когнитивный подход к анализу синкретичного религиозного сознания обладает значительным эвристическим потенциалом и заслуживает внимания ученых, так как позволяет выявить универсальный набор когнитивных правил и законов работы сознания, участвующих в формировании и снятии» синкретичных элементов.

Согласно представителям когнитивизма, любой культурный феномен, в том числе и синкретические образования в религиях, являются продуктом индивидуального и коллективного культурного творчества, формируемого человеческим разумом, активность которого основана на исторически сложившихся, характерных для головного мозга, универсальных когнитивных механизмах.

Применение когнитивных теорий к исследованию проблем религиозного синкретизма оказывается особо продуктивным в области когнитивных исследований формирования понятий, идей и представлений религиозного содержания. Например, утверждение когнитивистов, что сознание стремится избавиться от противоречий, «сделать» своё содержание не противоречивым, а детерминированным и рациональным [1], хорошо объясняет механизмы снятия синкретичности религиозного сознания. «Проживая» условия религиозного синкретизма, как смешение подчас несоединимых, противоречивых, объединённых в произвольном порядке, как бы случайным образом, слившихся воедино идей и представлений религиозного содержания, сознание вносит закономерности в такого рода наблюдаемую реальность. В сознании индивида происходит процесс снятия противоречивости содержания: вытеснение противоречий из сознания в бессознательное, либо их сглаживание путём детерминированности случайных связей неслучайными причинами. Здесь проявляется действие законов работы сознания, названных представителями когнитивного подхода «Законом Юма», «Законом Фрейда-Фистенгера», «Законом Хика» и др.

«Закон Юма» определяет, «что случайные события должны всегда оправдываться в сознании человека не случайными при-

чинами». «Закон Фрейда-Фистенгера» гласит, что «механизм сознания, столкнувшись с противоречивой информацией начинает свою работу с того, что пытается исказить эту информацию или вообще удалить её с поверхности сознания». «Закон Хика» – «неожиданная смена контекста вызывает эмоциональный шок и сбой в поведении до тех пор, пока в результате работы защитного пояса сознания не произойдёт переинтерпретация ситуации, не будет найден новый контекст (извлечённая на поверхность другая часть базового содержания сознания), с точки зрения которого и будет далее рассматриваться эта ситуация [1, с. 290, 319–320, 329]. Вышеназванные законы работы сознания применимы и к анализу механизмов возникновения и снятия синкретичности в содержании религиозного сознания. Коротко поясним механизм работы этих законов.

Индивид, находясь в условиях взаимодействия культур и религий переживает случайные события повседневной реальности, соприкасаясь с иными религиозными представлениями и иным религиозным поведением. Такие ситуативные акты и события оказываются для индивида неожиданными, не отвечающими его ожиданиям, иногда удивительными. Эти событийные ситуации включают механизм «закона Хика», вызывают нарушение шаблона действий, приводят к изменению стандартной реакции на привычные ситуации, трансформируют привычный для человека контекст реализации действий. В сознании могут сформироваться полные противоречий представления синкретического характера: ведь у человека недостаточно информации, чтобы проследить существующую закономерность. Сознание начинает работу по устранению противоречий, но на это требуется определённый период времени, так как над осмыслением неожиданных ситуаций с непривычным, ошеломляющим контекстом сознание работает дольше, чем со стимулами, которые оно ожидает или может предсказать. Пока же синкретичность в содержании сознания оказывается не снятой, а противоречия остаются актуализированными.

В процессе разрешения возникшего диссонанса сознание создаёт детерминистическое объяснение реальности. То есть непривычные, новые, случайные события ино-религиозного

содержания воспринимаются как закономерные, сознание начинает приписывать им вовсе неслучайные связи и отношения, по-новому их интерпретирует.

Однако могут возникнуть нестыковки в согласованности новых образов и представлений с полученным ранее субъективным опытом. Существующие представления в сознании не могут опровергаться субъективным опытом, если не подготовлено других представлений, способных их заменить. А что будет, если новых представлений ещё не выработано? Тогда может появиться синкретизм.

В сознании возникает «слепок» с событий, переживаемых в инокультурной среде. Однако «слепок» представлен не в чистом виде, а с примесью содержания субъективного опыта и подпорогового прайминга, что уже допускает процесс возникновения образов и представлений синкретичного содержания. К этому добавляется работа сознания по объяснению случайно пережитых событий, поведенческих актов и поступившей извне информации (возможно, уже с синкретичными элементами). Вновь начинается процесс устранения противоречий, а, следовательно, снятия синкретичного содержания. В результате синкретичные представления и образы уже таковыми не воспринимаются, человек не считает свои религиозные идеи противоречивыми и тем более напоминающими амальгаму различных религиозных образов и идей.

Таким образом, когнитивный подход к исследованию синкретичного содержания религиозного сознания имеет особое значение. Он направлен на исследования формирования синкретичных представлений, механизмов того, как сознание выбирает какую информацию включить в своё содержание, а что исключить, либо подвергнуть фильтрации. Также исследования религиозного синкретизма через призму когнитивных теорий предполагают анализ способов перехода элементов религиозного содержания из одной культуры в другую, исследование самого процесса «перехода» или «перемещения» религиозных элементов в иные культуры; исследование трансформаций религиозных элементов, произошедших в процессе «перехода».

Поскольку ни один процесс копирования не является непогрешимым, но включает, по крайней мере, возможность «мутационного» элемента, то учёные, работающие в области познания, пришли к выводу, что культурные представления всегда трансформируются в процессе их передачи. Такая трансформация религиозных элементов в процессе инокультурных контактов является результатом когнитивных процессов, в которых «человеческий мозг использует всю информацию, которую ему предоставляют в качестве более или менее уместного доказательства, с помощью которого можно построить собственные представления» [18]. Следовательно, с точки зрения когнитивного подхода, синкретичные элементы в религиях, возникающие в процессе перехода из одной культуры в другую, являются «слепокми» не с одной и даже не с двух-трех религий, а с совокупности переживаемых индивидами событий, ситуаций, поведенческих актов, различных культурных контекстов, в том числе религиозного характера. Как пишет Д. Спербер, для выяснения сущности синкретических образований нельзя вести речь «о каком-либо фиксированном количестве родительских токенов, но только о неопределённом количестве токенов, некоторые из которых играли гораздо более важную роль, чем другие» [18]. Итак, синкретизм представляет собой смесь элементов, возникающих на основе когнитивной карты культурной системы, в которую входит индивид. Но ментальные представления, выводимые из когнитивных карт и новых культурконтекстных детерминаций, формируются особым образом, на основе существовавших ранее структур [12]. Выявление и анализ строения этих структур позволили бы характеризовать каркас, на котором возникают все синкретические образования в религиях.

Краткий анализ подходов к исследованию синкретичного религиозного сознания показал, что их исследовательский потенциал велик, однако, он значительно возрастает в условиях интеграции социогуманитарного и естественно-научного знания, при включении в исследовательские концепции теории соотношения естественного и социального в обществе и человеке.

Список литературы:

1. Аллаhverдов В. М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психологика Т. I). – СПб: «Издательство ДНК», 2000. – 528 с.
2. Гаврилова Ю. В. Механизмы возникновения религиозного синкретизма // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12, – № 3. – С. 97–105. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-97-105.
3. Гирц К. Интерпретация культур. – М.: Российская политическая энциклопедия «РОССПЭН», 2004. – 560 с.
4. Жуков А. В. Религиозность, религиозный миф и мифосфера: взгляд из Забайкальского края. – Чита: ЧитГУ, 2010. – 258 с.
5. Капустин Н. С. Синкретизм – специфическая черта эволюции религии // Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в современных условиях. Тезисы докладов и сообщений. Чебоксары. – 1973. – 84 с.
6. Клибанов А. И. Теоретические проблемы исследования религиозного синкретизма // Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР. Труды. Вып. 86. Чебоксары, 1978. – 84 с.
7. Маретт Р. Р. Формула табу-мана как минимум определения религии / Перевод с англ. А. Н. Красникова / Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – М.: «Канон+», 1998. – С. 99–108.
8. Прилуцкий А. М. Структурно-семиотическое значение ритуала и проблема трансформации смыслов // Вестник ПСТГУ. Т. 1. Богословие. Философия. 2014. Вып. 4. (54). – С. 109–122.
9. Розин В. Семиотические исследования. М.: ПЕР СЭ; – СПб: Университетская книга, 2001. – 256 с.
10. Субботина Н. Д. Социальное в естественном. Естественное в социальном. – М.: Прометей, 2001. – 193 с.
11. Субботина Н. Д. Социальная эволюция и поведение человека: диалектика естественного и социального, сохранения и развития. – М.: Ленанд, 2014. – 432 с.
12. Boyer P. The Naturalness of Religious Ideas. Berkeley: University of California Press. – 1994. – Pp. 289–294.

13. Farias M., Mulukom V. van, Kahane G., Kreplin U., Joyce A., Soares P., Oviedo L., Hernu M., Rokita K., Savulescu J., Möttönen R. Supernatural Belief Is Not Modulated by Intuitive Thinking Style or Cognitive Inhibition [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/s41598-017-14090-9> (дата обращения: 12.10.2018).

14. Hanegraaff W. J. The New Age Movement and the Esoteric Tradition, in, *Gnosis and Hermeticism from Antiquity to Modern Times*, R. van den Broek and W. Hanegraaff, eds. Albany: State University of New York Press, 1998. – Pp. 359–382.

15. Light T. Orthosyncretism: An Account of Melding in Religion // *Perspectives on Method and Theory in the Study of Religion*, A. W. Geertz and R. T. McCutcheon, eds. Leiden: Brill, 2000. – Pp. 162–186.

16. Luther M. H. Leopold A. M. New Approaches to the Study of Syncretism // *New Approaches to the Study of Religion. Vol. 2. Textual, Comparative, Sociological and Cognitive Approaches.* ed. by P. Antes, A. V. Geertz, R. R. Warne. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. – Pp. 93–109.

17. Rudolph K. *Gnosis: The Nature and History of Gnosticism*, R. McL. Wilson, ed. & trans. San Francisco: Harper & Row. – 1983. – P. 334;

18. Sperber D. *Explaining Culture: A Naturalistic Approach* Oxford: Blackwell 1996. – P. 175.

19. Stewart Ch. Relocating Syncretism in Social Science Discourse // *Syncretism and the Commerce of Symbols*. Göteborg: The Institute for Advanced Studies in Social Anthropology. – 1995. – Pp. 13–37;

20. Vroom H. M. Syncretism and Dialogue: A Philosophical Analysis // *Dialogue and Syncretism: An Interdisciplinary Approach*, J. D. Gort et al., eds. Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans. – 1989. – Pp. 26–35.

*Надежда Александровна Четверикова,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социального и естественнонаучного образования,
Российский государственный педагогический университет им. А. И.
Герцена (Выборгский филиал),
г. Выборг, Россия
e-mail: chetverikova.nadezhda@bk.rul*

Бессилие закона: эротологический аспект

В статье рассматриваются проблемы негативного отношения человека к нормам и желание их нарушить. Философско-антропологическое объяснение этого поведения предложено Б. П. Вышеславцевым, анализ его идей предлагается в статье. Основное содержание заключается в соединении подходов этики, психоанализа и эротологии. Избегание норм кроется в человеческой плоти, в фантазии, где встречаются природа и культура.

Ключевые слова: этика, сублимация, трансгрессия

*Nadezhda A. Chetverikova,
Doctor of Sciences (Philosophy),
Professor,
The Herzen State Pedagogical University of Russia
(Vyborg branch)
Vyborg, Russia.
E-mail: chetverikova.nadezhda@bk.ru*

The Powerlessness of Law: Erotological Aspect

The problems of a person's negative attitude towards norms and a desire to break them are considered in the article. Philosophical-anthropological explanation of this behavior was suggested by B.P. Vysheslavtsev; analysis of his ideas is studied in the article. The main content is a combination of the approaches of ethics, psychoanalysis and erotology. The avoidance of norms lies in human flesh, in fantasy where nature and culture meet.

Keywords: ethics, sublimation, transgression

Борис Петрович Вышеславцев (1877–1954) – замечательный правовед, которого интересовали не только сугубо юридические проблемы, но и состояние человека, на которого рассчитана

ны юридические нормы. Главное, что входило в круг интересов исследователя, – причины нарушения норм (юридических и не только) людьми, несмотря на то что им хорошо известно наказание за нарушение. Такое бессилие закона обратило его к изучению глубинных основ человеческой природы [2].

В своих философско-антропологических поисках Выше-славцев опирается на открытие Платона, состоящее в том, что самосознание, «Я» есть бесконечное стремление. Это стремление называется Эрос. Суть стремления состоит в отрицании ограничений и выходе за пределы любых границ – трансгрессии. Однако видеть в этой трансгрессии абсолютную ценность и преимущество человека как живого существа нельзя. Напротив, считает Платон, – это свидетельство зависимости и несовершенства человека, поскольку человек есть всего лишь потенциальная бесконечность, тогда как Бог есть актуальная бесконечность, собственно бесконечность [1, с. 139]. Потенциальная бесконечность содержит возможность приращения имеющейся величины, усовершенствования качества. «Я бесконечно стремлюсь к лучшему и высшему, следовательно, я несовершенен и зависим от другого» [1, с. 140]. Это и есть «дурная бесконечность». Таков Эрос у Платона – постоянное стремление к бессмертию и вечности. Именно поэтому Эрос – не Бог.

Детальное изучение эротологии Платона необходимо Выше-славцеву для того, чтобы доказать, что сущность человека определяется иерархическим положением в бытии. Иерархия носит тройственный характер: во-первых, человек видит более низкий (по сравнению с остальными уровнями) – онтологический уровень бытия – это физическое, химическое, органическое, психологическое бытие. Во-вторых, человек видит идеально-духовное бытие людей (соравное ему бытие); в-третьих, человек чувствует бытие, которое возвышается над ним [1, с. 128]. Вследствие такого положения, человеческое «Я» (Ego) будет считаться доминирующим (то есть иерархически высшим) в том случае, когда оценивается психофизиологический уровень бытия. Но когда речь идёт об оценках высшего уровня (Бог), то человек занимает подчинённое положение в иерархии – он не Бог, не Абсолют.

Чтобы привести нас к таким выводам, философ обращается к этическим учениям апостола Павла и учениям психоанализа, с помощью которых анализирует этику и причины сопротивления человека моральным и правовым регуляторам. Свою гипотезу Вышеславцев назвал «этикой сублимации», или «этикой преображённого Эроса», которая, по его мнению, более совершенна, чем «этика долга». Этика долга регулирует внешние действия человека; вследствие этого закон как выражение этики долга бессилен, потому что он своими запретами провоцирует дух сопротивления в человеке [1, с. 40]. В силу того, что человек есть свободная личность, он обладает таинственными подсознательными сферами аффектов. Это иррациональные глубины, инициирующие иррациональное противоборство человека, суть которого состоит в сопротивлении «плотских помышлений», инстинктов, влечений, не подчиняющихся сознательной воле и уму. Апостол Павел так выражает это противоборство: «Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» [1, с. 41]. Подсознание сопротивляется сознанию – таково «изумительное свойство» человека.

Желая прояснить, как формируется сопротивление, Вышеславцев вновь апеллирует к апостолу Павлу и находит у него понятие плоти. Плоть – необычный элемент в структуре человека, поскольку находится между «телом» и «душой» и «обнимает всю низшую чувственно-пожелательную сферу человека» [1, с. 42]. Плотские помышления противопоставляются сознательному «Я», но принадлежат всё-таки психическому миру. Плоть необъяснима, не подчиняется сознанию и может быть определена как «утроба».

Философ приходит к выводу, что «утроба» суть сфера низких чувств, это и есть подсознание, сущность которого состоит в обладании бесконечными возможностями – как порочными, так и добродетельными. Вот эта сфера и порождает сопротивление человека нормам, правилам, законам.

Фрейдовское представление об эротической природе подсознания не подвергается Вышеславцевым сомнению, однако Эрос у Платона – это нечто большее, чем *libido sexualis* Фрейда. Платоновская традиция более убедительна: Эрос есть «функция стремления, уходящая в бесконечность, многообраз-

ная по содержанию, но всегда направленная на возрастание бытия, на его «валоризацию» [1, с. 45]. Эрос – человеческая жажда вечной жизни, абсолютное желание. Но, как же осуществляется сопротивление нормам? Если можно влиять на подсознание, то возможна новая этика?

Философ делает попытку ответить на эти вопросы с помощью нового прочтения процесса сублимации. Коль скоро с этим понятием мы встречаемся у З. Фрейда, то напомним его представление об этом процессе. По Фрейду, *человек* – существо сексуальное, ибо сексуальный инстинкт, живущий в бессознательном, доминирует, и, самое главное, весьма трудно поддается сознательному регулированию и ограничению. Мощный энергетический потенциал этой сферы по большей части разрушителен, однако он способен «переключаться» на созидательные цели. Процесс переключения и есть сублимация, то есть замещение запретных влечений социально приемлемыми действиями. Согласно логике Фрейда, культура и творчество – как высшие проявления человеческого духа – обязаны своим существованием именно эротической энергии, направленной в «нужное» русло. Эта позиция, как видно, стала ключевой для Вышеславцева.

Сублимацию он пристально изучает и приходит к мысли о том, что Фрейд упрощает этот процесс и смешивает сублимацию с профанацией. Профанация – принижение высокого, подозревание высокого в низости. В то время как сублимация есть возведение к высшему, облагораживание. «Всё творчество, вся культура и вся религия есть «сублимация», берущая направление на то, что открывается (в «откровении») как высшая ценность» [1, с. 46]. Получается, что глубины подсознания порождают Эрос брачной любви, и именно эта любовь затем сублимируется до высот христианской любви вообще.

Эротический порыв могуч и священен, он самоосуществляется посредством перехода от более низких ступеней к более высоким: Эрос физический – Эрос душевный – Эрос духовный – Эрос ангельский – Эрос Божественный [1, с. 46]. Эротическое стремление, восхождение всегда питается фантазиями. Нарисованные ими образы нельзя рационализировать и интеллектуализировать, они вообще не знают пределов и всеядны.

Разум бессилен в борьбе с жаждой полноты жизни, ибо такая жажда всегда избыточна. И даже если фантазии заканчиваются обманом, то это «нас возвышающий обман». Обман легко объяснимый, поскольку «воображение обладает силою высоко подниматься над областью рассудка, над областью известного, достигнутого, установленного, привычного; оно витает в области неизвестного ... и потому как бы одержимо священным безумием» [1, с. 55]. Человек поднимается над действительностью и получает шанс изменить нечто в себе и изменить мир вокруг себя.

Философско-антропологические поиски Вышеславцева позволяют резюмировать его находки. Этика долга провоцирует сопротивление нормам. Однако «этика преображённого Эроса» объясняет бессилие закона деятельностью подсознательного, которое, благодаря плоти, борется с разумом, поскольку именно он «отвечает» за повиновение нормам. Плоть же обладает неисчерпаемыми запасами порока, который часто выражается как нарушение норм.

Процесс сублимации не надо профанировать, так как эротически заряженный порыв к высокому трансгрессивен. Метафизическая мощь воображения и эмоциональная интуиция, порождённые Эросом, преодолевают любые ограничения и противоборства. Подсознательные аффекты сопротивляются рациональным нормам и законам. Это сопротивление усиливается свободой, рождённой сублимацией и ведущей к творчеству и благодати.

Список литературы:

1. Вышеславцев Б. П. Этика преображённого Эроса. – М.: Республика, 1994.
2. Гаврюшин Н. К. Вышеславцев и его философия «сердца» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.humanties.edu.ru/db/mcg/25910> (дата обращения 03.03.2019).

Екатерина Викторовна Петрова,
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник
сектора философии естественных наук
Институт философии РАН
г. Москва, Россия
philosophyx@rambler.ru

**Соотношение естественного и социального
в проблеме адаптации: самоидентификация
и стереотипность мышления как адаптационные
механизмы человека цифровой эпохи**

В цифровую эпоху во много раз возрастает информационное давление на человека, его сознание, психику, мировоззрение, систему ценностей. Каждый индивид должен вырабатывать новые механизмы адаптации, чтобы успешно приспосабливаться к современной информационной среде. Стереотипизация помогает человеку справиться с тем объёмом информации, который обрушивается на него извне. Процесс самоидентификации способствует активному усвоению стереотипов и образцов поведения, свойственных той или иной общности, принятию групповых норм, целей, установок, идеалов, социальных ролей, в качестве своих собственных.

Ключевые слова: цифровая эпоха, информационное общество, человек, адаптация, стереотипность, массовое сознание, самоидентификация

Ekaterina V. Petrova,
*Candidate of Sciences (Philosophy),
Leading Research Fellow of the Department of Philosophy of Natural
Sciences,
Institute of Philosophy,
Moscow, Russian
e-mail: philosophyx@rambler.ru*

**The correlation of the natural and the social in the problem
of adaptation: self-identification and stereotype thinking as
the adaptation mechanisms of a person of the digital age**

In the digital age, the information load on an individual, his world view, psyche, and system of values increases many times. A person must develop new adaptation mechanisms in order to successfully adapt to this new digital

environment. Without stereotypes, a person would not be able to cope with the amount of information that he receives from the outside world. Self-identification contributes to the active assimilation of stereotypes and patterns of behavior inherent in members of a group, the adoption of group norms, attitudes, goals, social roles, ideals as their own.

Keywords: digital age, information society, human, adaptation, stereotype, mass consciousness, self-identification

Процесс адаптации человека как биосоциального существа сложен и многогранен. Характерной и основополагающей чертой этого процесса является тот факт, что любое изменение окружающей человека природной, социальной, культурной среды, требует включения приспособительных механизмов – многогранных процессов изменения или адаптации организма к окружающей среде или среды к потребностям и требованиям организма. Речь идёт даже скорее о процессе коадаптации: человек и среда взаимно изменяют друг друга, коэволюционируют. Очевидно, что в условиях становления современной информационной (или, как её всё чаще называют, цифровой) эпохи всё более существенной частью окружающей среды становятся средства массовой информации и коммуникации: телевидение, Интернет, мессенджеры, социальные сети. Как совершенно справедливо отмечает Мануэль Кастельс, «СМИ... стали аудиовизуальной окружающей средой, с которой мы непрерывно и автоматически взаимодействуем» [6, с. 320]. Следовательно, человечество должно искать новые пути адаптации (или пытаться как-то видоизменить уже существующие), чтобы успешно адаптироваться в этой новой цифровой среде. Этот процесс затрагивает, прежде всего, социальную адаптацию, хотя определённые моменты адаптации физиологической тоже имеют место. Необходимо отметить, что естественный (физиологический, природный) и социальный аспекты адаптации человека тесно связаны между собой. Как подчеркивает Н. Д. Субботина: «Деление на типы (виды) и элементы структуры адаптации довольно условно. Если рассматривать адаптацию человека в целом, то естественную и социальную сторону адаптации можно определять как элементы её структуры, но можно понимать их и как самостоятельные типы, каждый из которых

также имеет сложную структуру» [9, с. 144]. В реальной жизни бывает непросто понять, где заканчивается природная и начинается социальная адаптация. Но для целей классификации или типологизации такое разделение может быть полезным.

Что же такое социальная адаптация? Помимо непосредственно биологической адаптации у человека формируется адаптация, основанная не на трансформациях его физиологической организации, а на изменении всего комплекса социальных отношений между людьми: экономических, социально-политических, морально-психологических, межличностных. Такого рода адаптация, называемая социальной, происходит в процессе становления личности, обучения индивида и принятия им ценностей, норм, установок и образцов поведения, характерных для данного социума, социальной общности или группы. Социальная адаптация вырабатывается как в ходе целенаправленного влияния на человека в системе воспитания, так и под воздействием множества других факторов: искусства, дружеского и семейного общения, средств массовой информации. Как справедливо подчеркивают А. А. Реан, А. Р. Кудашев и А. А. Баранов в своей работе «Психология адаптации личности», «весьма важную роль играют адаптационные процессы в разнообразных видах профессиональной деятельности. Здесь могут быть выделены два аспекта: во-первых, адаптация к изменившимся условиям реализации деятельности (изменения в структуре социальных ценностей, организационные преобразования, совершенствования и инновации в технологии); во-вторых, это адаптация, вхождение в новую профессиональную деятельность» [8, с. 4].

Под социальной адаптацией обычно понимают непрерывный и активный процесс, в ходе которого индивид приспосабливается к социальным условиям среды; а также результат этого процесса. В ходе социальной адаптации человек выступает как адаптивно-адаптирующее существо, так как, в отличие от других живых существ, не только приспосабливается к среде, но и видоизменяет её в процессе жизнедеятельности, зачастую формируя новую искусственно созданную окружающую среду (например, информационную или цифровую). Важное значение при анализе

социальной адаптации имеет культурологический аспект, в силу того, что культура – это универсальная система передачи адаптивно-адаптирующих стандартов и нормативов.

Определяющей чертой современной культуры является бурное развитие процессов массовой коммуникации. По мере исторического развития содержания, вкладываемого в понятие «коммуникация», первоначальная его трактовка как простого влияния одних людей на других в процессе передачи информации уступила место осознанию этого явления как взаимодействия. Термин «коммуникация» обозначает передачу определённого контента (информации), а также включает в себе чувство общности, появляющееся при совместном потреблении информации, и возникновение некоего объединения людей, усвоивших данный контент.

Массовая коммуникация – это процесс, в ходе которого происходит создание (или получение), переработка и передача с помощью определённых технических устройств общественно значимого информационного контента (познавательного, ценностно-этического) или развлекательного контента, представленного в знаково-символической форме, а также потребление этого контента большими, зачастую социально неоднородными общностями людей.

Таким образом, массовая коммуникация выполняет следующие функции (по классификации С. А. Герасимовой):

- информационную – трансляция сообщений о событиях, фактах, идеологических ориентациях, о значении для общества тех или иных явлений;

- социальной регуляции – состоит из отклика получателя на информационное сообщение и определяет отношение адресата к полученной информации. Эта функция является важнейшим элементом процесса социального взаимодействия;

- развлекательную, адресованную массовой аудитории [3, с. 65].

Под влиянием научно-технической революции, появления массовой культуры и развития средств массовой информации сформировалось *массовое сознание* – особая форма общественного сознания. Исследования показали, что массовое сознание

является, говоря словами Б. А. Грушина, «своеобразным фокусом, в котором сходятся все существенные сечения общественного сознания, и потому наиболее ёмким, так сказать, суммарным выражением уровня или состояния общественного сознания той или иной эпохи в целом» [4, с. 61]. Специфика его именно в том, что оно синтезирует все формы, виды, уровни общественного сознания, является синкретичным.

Одним из механизмов адаптации массового сознания к всё возрастающему потоку информации является стереотипность массового сознания. Каждый человек по необходимости руководствуется стереотипами в своём поведении, в процессе принятия решений. Социальный стереотип – это модель, которая представляет некоторую категорию. Социальные стереотипы, как правило, осознаются обществом и периодически являются предметом публичных дискуссий, им присваиваются имена. Социальные стереотипы преобладают при формировании образа в виртуальной реальности, но создание стереотипов интересно не только для исследователей формирования образа в компьютерной реальности, оно важно для понимания повседневного, «некомпьютерного» поведения. Установлено, что стереотипы могут снижать информационную нагрузку, но также могут иметь и противоположное действие, т. е. обогащать информационно бедную среду, что характерно для текстовой компьютерной среды. Представляется верной оценка стереотипизации В. С. Агеевым: «несмотря на то, что социальные стереотипы неизбежно упрощают, схематизируют, а то и прямо искажают видение социальной реальности, стереотипизация выполняет объективно необходимую и полезную функцию, поскольку само это упрощение объективно необходимо и полезно в общей психической регуляции деятельности» [1, с. 98]. Его мысль продолжают Т. П. Малькова и М. А. Фролова: «без стереотипов человек не справился бы с тем объёмом информации, который он получает из внешнего мира» [7, с. 34].

В большинстве событий, о которых сообщают средства массовой коммуникации, каждый индивид непосредственно не участвует. Большая часть узнаваемых им фактов не влияет прямо или непосредственно на его жизнедеятельность. Однако огромный

поток этих фактов и сообщений попадает в сознание человека, вызывая в нем чувство причастности к тем или иным событиям, соотнесённости с определённой общностью. В такой ситуации для современного человека наиболее остро встает вопрос осознания и конструирования своей социокультурной идентичности.

В литературе по социологии, социальной философии, психологии личности иногда происходит путаница понятий «социокультурная идентичность» и «самоидентификация» (а также вообще «идентичность» и «идентификация»). Видимо, проблема заключается в том, что смешиваются процесс и результат, действительно, неразрывно связанные между собой. Самоидентификация – процесс сопоставления «себя с собой», в результате которого у индивида формируется представление о себе как о цельной, уникальной и самостоительной личности.

Социокультурная идентичность – это переживание и осознание своей принадлежности к определённым социальным группам и общностям, определённому типу культуры. Соотнесение себя с теми или иными социальными группами превращает человека из биологической особи в социального индивида и личность, позволяет ему оценивать свои социальные связи в терминах «Мы» и «Они». То есть это некий достигнутый результат.

Проблема самоидентификации тесно связана с мироощущением и мировоззрением личности, с моделью поведения в обществе и, соответственно, с проблемами личностного роста и взаимоотношений с другими людьми. Идентификация выступает как механизм психологической защиты «Я» от агрессивной внешней среды, катализатор способности личности к саморазвитию. Чётко вырисовывается и связь самоидентификации с социальными стереотипами – это своеобразный мост между индивидуальным и социальным, между личностной и социальной психологией. Идентификация как один из основных механизмов социализации личности проявляется в соотнесении индивидом себя с какой-либо общностью или группой (номинальной или реальной, большой или малой). Идентификация способствует быстрому принятию стереотипов и образцов поведения, характерных для той или иной группы, усвоению групповых норм, установок, целей, социальных ролей, идеалов в качестве собственных.

Идентификация тесно переплетена с процессом социализации, зависима от состояния социальной среды, основных общественных институтов (государства, семьи, образования, экономики).

Современные средства массовой информации и коммуникации предоставляют человеку широкий простор поиска оснований для социальной идентификации. Нельзя не согласиться с Г. М. Андреевой в том, что информация, предоставляемая средствами массовой информации, «расширяет перед индивидом возможности выбора группы принадлежности, ибо даёт более широкий перечень различных групп, их спектр и совершенствует оценку их со стороны потребителя информации» [2, с. 246]. Возрастание интерактивности современных каналов информации (прежде всего цифровых) открывает большие возможности для непосредственного активного участия человека в этом процессе, возможности манипулирования своей социальной идентичностью.

Но коммуникация, опосредованная компьютером, создаёт лишь видимость реальных отношений. Эти отношения во многом искусственны, лишены тех ценностей, без которых невозможны реальные отношения: чувства ответственности за близкого человека, готовности подвергнуть себя опасности ради друга. М. Шпитцер сделал вывод, что чем больше времени дети проводят за реальным, не виртуальным общением с друзьями, тем эффективнее они выстраивают социальные связи и реже выступают в роли аутсайдеров [10, с. 99]. Отчасти, предлагаемая виртуальной реальностью компенсация притягательна для тех, кто не получает признания в социуме и удовлетворения от межличностной коммуникации в реальной жизни. Проблема же, связанная с социокультурной идентичностью, состоит в том, насколько подходит виртуальный опыт для решения повседневных задач реальной жизни, преодоления её трудностей, соотнесения себя с реальными, а не виртуальными группами и общностями в процессе социализации. Очевидно, что реальные процессы самоидентификации и социализации принципиально отличны от умения существовать в реальности виртуальной, адаптироваться

к ней. Жизнь намного сложнее и требует от человека совсем других качеств, умений и усилий, чем те, что востребованы в игре или действиях в виртуальном пространстве.

Многие процессы, связанные с влиянием цифровой среды на человека, неоднозначны, имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Таковы и проблемы, затронутые в данной статье. Для того, чтобы оптимизировать взаимоотношения человека с цифровой средой, прежде всего необходимо провести всесторонний анализ этой среды. Говоря словами В. А. Емелина, «предвосхитить и вскрыть последствия триумфального шествия умнеющих машин и стремительного вовлечения в этот прайд-парад очарованного и покорённого человека – пожалуй, главная задача современных гуманитарных наук» [5, с. 352]. На мой взгляд, философия, как познавательная система, вырабатывающая наиболее общий тип знания, лучше всего подходит в качестве инструмента такого анализа.

Список литературы

1. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов. // Вопросы психологии. – 1986, № 1. – С. 95–102.
2. Андреева Г. М. Психология социального познания. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 303 с.
3. Герасимова С. А. Культурология и теория коммуникации. – М.: Гардарики, 2007. – 173 с.
4. Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. – М.: Изд-во полит. лит-ры. – 1967. – 400 с.
5. Емелин В. А. Идентичность в информационном обществе. – М.: Канон+, 2018. – 360 с
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
7. Малькова Т. П., Фролова М. А. Информационное общество: поиск детерминант формирования массового, группового и индивидуального сознания // Современные социально-политические процессы и динамика массового сознания. – М.: Изд-во МГТУ, 1992. – С. 32–40.
8. Реан А. А, Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. – 480 с.

9. Субботина Н. Д. Проблема классификации типов адаптации в естественных и социально-гуманитарных науках // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2013. – № 3 (31). – С. 143–150.

10. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А. Г. Гришина – М.: АСТ, 2014. – 288 с.

УДК 101.1: 316.7

*Екатерина Владимировна Радевич,
старший преподаватель кафедры
философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь,
e-mail: katrin_frol@mail.ru*

Изменение механизмов идентификации в условиях глобальных социокультурных трансформаций

Статья посвящена анализу основных социокультурных трансформаций, которые происходят в условиях глобализации – усиление тенденций унификации, нивелирование национальных и культурных особенностей, ослабление статуса национального государства, распространение массовой культуры и, одно из существенных изменений, происходящих под действием глобализации – кризис механизмов идентификации, а также появление ее новых форм, обусловленных становлением информационного и сетевого общества.

Ключевые слова: идентичность, глобализация, культура

*Ekaterina V. Radevich,
Senior teacher of the department
Philosophy and methodology of science
Belarusian State University,
Minsk, Belarus,
e-mail: katrin_frol@mail.ru*

Changing identification mechanisms in the context of global sociocultural transformations

The article analyzes the main sociocultural transformations that occur in the context of globalization - strengthening of unification tendencies, leveling national and cultural characteristics, weakening the status of the national state,

spreading mass culture and, one of the significant changes occurring under the influence of globalization - the crisis of identification mechanisms, as well as its new forms due to the emergence of the information and network society.

Keywords: identity, globalization, culture

Усиление глобализационных процессов порождает активизацию усилий по сохранению, возрождению и укреплению национальных, этнических и других форм коллективной идентичности. Такого мнения, в частности, придерживается Дуглас Келлнер в своей книге «Медиа культура». «Стремление к идентичности, – пишет Д. Келлнер – возможно более интенсивное в настоящий момент, чем когда-либо» [11, с. 256]. Автор соглашается с тем, что идентичность в современной постмодернистской ситуации наиболее сильно подвержена изменениям и наименее устойчива, и едина, чем прежде. В некоторой степени это является результатом разрушительного воздействия медиа культуры. «Реклама, мода, телевидение и средства массовой информации постоянно дестабилизируют идентичность и вносят свой вклад в производство более нестабильной, подвижной и постоянно изменяющейся идентичности на современной культурной сцене» [11, с. 256].

В то же самое время в различных частях современного мира можно заметить признаки возвращения к трайбализму и различным формам коллективной идентичности: национальной, этнической, религиозной. Это не означает, что национальная идентичность стала или скоро станет реликтом прошлого. Как раз, наоборот, многие исследователи этого вопроса считают, что национальная идентичность для большинства людей мира остаётся одной из важнейших форм коллективной идентичности. Э. Смит в своей книге «Национальная идентичность» говорит о её принципиальной значимости, по ряду причин: во-первых, подчёркивается её вездесущий характер; во-вторых, национальная идентичность широко распространена и глобальна (нет ни одной сферы деятельности, которая не была бы затронута национальными мотивами); в-третьих, существует огромное количество народов и национальных идентичностей, поэтому национальные аспекты манифестируются в социальных, политических и идео-

логических движениях, течениях и направлениях» [12, с. 143]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что вышеназванные тенденции актуализации этнической, национальной и религиозной идентичности свидетельствуют скорее о наличии дивергентных процессов в условиях глобализации, чем о конвергенции мирового сообщества.

Для того, чтобы оценить культурные изменения, которые несёт в себе глобализация, необходимо отметить сдвиги, происходящие в использовании национального языка, значение которого с каждым днём ослабевает. В современной социокультурной ситуации всё чаще одни языки используются в международной коммуникации, в то время как другие практически исчезают.

Учёные из научно-исследовательского центра глобализации в университете штата Гавайи выделили несколько ключевых изменений, которые характеризуют глобализацию языка:

- «Количество языков: сокращение числа языков в различных частях мира указывает на укрепление гомогенизированной культуры.

- Движение людей: люди несут свои языки, когда они мигрируют и путешествуют.

- Изучение иностранных языков и туризм способствуют распространению языков за пределами национальных и культурных границ.

- Язык и Интернет: интернет становится глобальным средством для мгновенной связи и быстрого доступа к информации. Использование языка в интернете становится ключевым фактором при анализе доминирования и разнообразия языков в международной коммуникации.

- Международные научные публикации содержат в себе языки глобального интеллектуального дискурса. Таким образом, интеллектуальные сообщества оказывают своё критическое влияние на процесс производства, воспроизводства и обращения знаний по всему миру, будучи вовлечёнными в этот процесс» [цит. по: 14, с. 101].

Учитывая сложность глобальных культурных процессов, вполне ожидаемо проявление их неравномерных и противоречивых последствий. В определённых условиях эти глобальные

культурные потоки могут изменить традиционное проявление национальной идентичности в сторону некоторой гомогенности. В других случаях, они могут способствовать выражению нового культурного партикуляризма; в-третьих – могут поощрять формы культурной «гибридности». В связи с этим, следует отметить, что, несмотря на наличие процессов американизации, обезличивающих другие культуры, о которых говорят многие исследователи, в современном мире едва ли можно встретить общество, обладающее своей аутентичной, самодостаточной культурой. В то же время, тем мыслителям, которые поддерживают идеологию вестернизации и распространение консьюмеризма, не следует забывать о негативных последствиях этих процессов – массовизация культуры, резкое сокращение традиционных особенностей, а также коммерциализация природы и общества.

Следует отметить особую роль СМИ в процессе культурной глобализации. В значительной степени современные культурные потоки нашего времени генерируются и режиссируются глобальными медиа-империями, которые используют коммуникационные технологии для распространения своих идей и сообщений. Насыщая мировую культурную среду шаблонными телешоу, бессмысленными рекламными роликами, эти корпорации всё чаще формируют идентичность людей и определяют их желания по всему миру. Более того, очень часто это происходит без их желания и носит неосознанный характер. С усилением глобализационных тенденций неразрывно связано увеличение роли мировых СМИ. За последние десятилетия только небольшая группа ТНК оказывала реальное влияние на международный рынок развлечений, кино, новостей и телевидения, среди которых можно выделить Yahoo, Google, Microsoft, Viacom, General Electric, Disney и News Corporation. Можно сказать, что появление глобального рынка коммерческих СМИ сводится, на сегодняшний день, к глобальной олигополии похожей на автомобильную и нефтяную промышленность XX века. В такой ситуации небольшие радиостанции, газеты, издательства, оказываются практически вымершими, потому что не способны конкурировать с медиа-гигантами.

Культура и финансовая сфера становятся неразрывно связанными друг с другом, что имеет определённые отрицательные последствия такого вынужденного сотрудничества. Телевидение коммерциализируется, демонстрируя ориентацию на «массового» зрителя, вместо заполнения телевизионного контента серьёзным содержанием. В последние десятилетия новостные и образовательные программы превращаются в развлекательные шоу. Партнерские отношения между новостными компаниями и компаниям по производству развлечений уже становятся нормой.

Характеризуя основные тенденции в процессе социокультурной глобализации, необходимо выделить следующие из них.

1. Современная социокультурная ситуация демонстрирует наиболее приемлемый способ *взаимодействия* – полилог культурных традиций, то есть равное партнёрство и кооперативное взаимодействие. В этом проявляется идеология полицентризма мирового сообщества, которая находит поддержку среди многих исследователей. В то же время, нельзя не отметить, что сегодня наблюдается однозначный перевес в сторону западных приоритетов, которые часто навязываются не западным регионам, даже если преподносятся как идеалы правильного образа жизни и универсальной системы ценностей. Такая экспансия вестернизации вызывает резкое неприятие со стороны арабо-мусульманского и азиатского регионов. Более того, вестернизированный образ жизни и мышления в условиях глобализации чаще всего превращается в американизацию. США, пользуясь своим экономическим лидерством, стремятся закрепить это положение на политической арене и в сфере культуры. Экстраполируя по всему миру свой образ мышления, идеалы консьюмеризма и ценности массовой культуры, американская идеология целенаправленно насаждается остальной части мирового сообщества, с целью укрепления статуса глобального гегемона в политической, экономической, ценностной и идеологической сферах общественной жизни. Это подтверждается многочисленными социологическими, экономическими и культурологическими исследованиями. Найджел Холлинс, анализируя покупательскую способность в разных регионах мира, среди которых США, Бразилия, Мексика, Россия и Китай, отметил, что в российском регионе при выборе

того или иного товара, потребители будут ориентироваться скорее на иностранный бренд, особенно известной американской компании, чем на отечественного производителя. «Вера в то, что иностранный бренд обычно более высокого качества или, что его потребление помогает определить статус человека, отнюдь не ограничивается Россией, но только там мы находим такое сильное, негативное отношение к местным брендам» [9, с. 14]. П. Штомка также артикулирует глобальные масштабы культурной унификации, указывая на особую роль средств массовой коммуникации в этом процессе. «Средства массовой информации превращают нашу планету в “глобальную деревню”, обитатели которой потребляют один и тот же культурный продукт. Кроме того, беспрецедентный размах путешествий и туризма в развитых странах также способствует распространению по всему свету образцов западной культуры» [7, с. 128].

2. Усилению унификации и гомогенизации также способствует ослабление статуса национального государства, которое лишается монополии на принятие политических решений как внутри государства, так и на международной арене. Некоторые исследователи рассматривают этот факт, как позитивный. Б. В. Нейчман, например, полагает, что нации имеют более долговечное существование, чем государства. В его работе «Четвертый мир»: нации против государств» можно встретить такой тезис, подтверждающий идею о культурной детерминации всех политических трансформаций: «государства приходят и уходят, национальности остаются» [2, с. 53]. Такое утверждение видится сильно преувеличенным и скорее указывает на крайне этноцентрическую точку зрения. Тем не менее, можно с уверенностью отметить, что сегодня всё чаще наблюдаются явления локализации и проявление партикуляризма, что свидетельствует о том, что формирование монокультурного мира – сильно преувеличенная абстракция.

3. Следующая тенденция, которая логически вытекает из предыдущей – *постепенное нивелирование национальных культурных особенностей, ценностей и обычаев*, которые составляют основу культурной традиции. Разрушение традиции – одно из самых существенных негативных последствий глобальных

социокультурных изменений. Без опоры на традицию, как главный механизм сохранения и трансляции социокультурного опыта, теряется способность к воспроизводству культуры.

Пирс Шнайдер, анализируя основные тренды глобализации, обратил внимание на «культурную модернизацию», которая усиливается экономической глобализацией и широким распространением телекоммуникационной инфраструктуры, а также ведёт к постепенной маргинализации традиционных культур. Предрекая их исчезновение до конца XXI столетия, Шнайдер отмечает: «дети традиционных обществ растут в западной одежде, едят западную еду, слушают западную музыку и (что самое главное) думают западные мысли» [13, с. 23].

4. Следующая характеристика глобализационных изменений в культуре связана с её унификацией в связи с *использованием английского языка, как языка глобальной коммуникации* – научной, культурной, политической. С одной стороны, это способствует международному диалогу и позволяет избежать эффекта «вавилонской башни», с другой – таит в себе определённого рода опасности, поскольку язык является носителем и транслятором социальных и культурных кодов, традиций и национального характера, специфики общественного сознания и восприятия мира. Именно посредством языковых структур задаётся понимание и семантическая интерпретация мира в границах национального и культурного менталитета. Происходит трансформация национальных языков под действием единого глобального средства коммуникации. Большинство современных научно-технических изобретений, компьютерных программ, электронных и сетевых ресурсов выпускаются на английском языке, международные политические переговоры, научные и культурные конференции также ведутся на английском языке, который становится универсальным средством глобальной коммуникации. Происходит трансформация национальной специфики мышления.

5. *Глобализация в сфере культуры* повлекла за собой смещение между элитарной и массовой культурой с явным преобладанием последней. Массовая культура, тиражируемая глобальными СМИ, благодаря своей простоте и доступности, становится механизмом культурной экспансии и культурного империализма,

пропагандирующих преимущественно американские ценности. Становясь фундаментом глобальной транснациональной культуры, массовая культура усиливает стандартизацию и унификацию мирового сообщества. «Массовая культура характеризуется всеобщностью, охватывающей широкую срединную часть современного общества, затрагивая тем или иным образом и состоятельную элиту, и маргинальные слои» [1, с. 412].

6. *Кризис механизмов идентификации*, который является следствием разрушения национальных и культурных особенностей под действием тенденций унификации и гомогенизации. Потеря идентичности ведёт к маргинализации, усилению партикулярных тенденций и нарушению фундаментальных связей в культуре. Кризис идентичности затрагивает все её возможные индивидуальные и групповые формы – начиная от национальной и этнической, вплоть до такой формы идентичности, которая всегда мыслилась как примордиальный феномен – гендерная принадлежность. Таким примером «гендерной неопределённости» является участие и победа представителя Австрии на международном конкурсе «Евровидение-2014», в образе девушки с бородой.

С. Хантингтон акцентировал своё внимание, в первую очередь, на этно-религиозной идентичности, говоря о том, что можно быть на половину арабом или французом, но быть на половину мусульманином или наполовину католиком – невозможно [10].

В целом религиозная идентичность претерпевает определённые трансформации и демонстрирует несколько тенденций: «первой тенденцией является усиливающаяся борьба между религиозностью и атеизмом. Вторая – это явление религиозного синкретизма, стремление посещать более чем одну церковь (так, в Северной Америке – это 9 % американцев)» [4, с. 22]. Также можно отметить такую амбивалентную тенденцию, которая свидетельствует о наличии дивергентных процессов в культуре, как секуляризация западных стран и десекуляризация на Востоке.

На Западе происходит падение авторитета церкви, она перестаёт быть основным источником легитимации социальных отношений, в то же время на Востоке наблюдается обратная

тенденция, в рамках которой происходит усиление фундаменталистских течений и наблюдается претензия религиозных институтов на участие в политической жизни. Таким образом, можно сделать вывод, что процессы секуляризации не носят глобальный характер, а преимущественно свойственны Западной Европе. Это свидетельствует о наличии кризиса религиозной идентичности, которая попадает под влияние модных тенденций. В целом в мире можно наблюдать рост популярности восточных религий – буддизм, даосизм, а также различных оккультных направлений – магии, шаманизма, спиритизма и др.

Кризис идентификации приводит к тому, что начинают формироваться новые формы самоопределения, продиктованные логикой глобального информационного или сетевого общества. Такая мысль находит своё отражение в работах М. Мак-Люэна, который обосновал идею единения человечества при помощи СМК в «глобальную деревню». В современном философском дискурсе происходит трансформация представлений о глобализации. Этот процесс сейчас оценивается с позиций дивергенции мирового целого, в связи с чем, можно сказать, что идея М. Мак-Люэна не может быть столь однозначна. В современной социокультурной ситуации мы часто можем наблюдать обратную тенденцию – вместо объединения и консолидации современного общества оно фрагментируется, распадается в соответствии с собственными интересами, обособляясь в отдельные группы и фракции. Вместо того чтобы становиться более глобальными, мы становимся всё более региональными и обособленными. Интересы малых групп и меньшинств отдельных обществ вытесняются на периферию социальной жизни, поскольку они едва ли могут надеяться на право голоса в глобальной медиа-культуре, где средства массовой коммуникации и каналы передачи информации принадлежат небольшому числу медиа-магнатов. Данное обстоятельство позволяет задуматься о том, придём ли мы к «глобальной деревне» или к «глобальным трущобам». Есть ли технологическая возможность и желание отдельных регионов принимать участие в процессе глобальной информатизации и медиатизации. Миллионы людей по-прежнему живут так, как это делали их предки в течение многих поколений, сохраняя племенные, региональные

этнические модели поведения. Эти локальные сообщества продолжают вести закрытый образ жизни, несмотря на проникновение средств массовой информации и спутникового телевидения. «Большинство из этих людей никогда не уезжали далее, чем на сто километров от своего дома и скорее всего, будут похоронены рядом с тем местом, где родились» [8, с. 220].

Свидетельством локализации малых социальных групп по профессиональным или досуговым интересам может выступать, например, так называемая «деревня фанк». «Сегодня мы сталкиваемся с “племенами”, созданными на основе общности жизненных позиций или профессиональных знаний. В деревне фанк ваше “племя” сформировано на основе биографии, а не географии, путём собственного независимого выбора, а не по местоположению» [3, с. 126–127].

Вопрос национальной, политической, культурной и религиозной идентичности становится наиболее актуальным ввиду существенной трансформации социальных структур под воздействием современных глобальных ИКТ. Сетевые сообщества людей, которые формируются в виртуальном пространстве, существенным образом нарушают традиционные механизмы идентификации.

Проблема самоопределения человека или даже целой группы людей также очень остро встала на постсоветском пространстве. После распада СССР транзитивным обществам предстояло обрести своё политическое и культурное самоопределение. Становление глобального мирового сообщества продиктовало определённые условия для стран переходного периода, которые также не могли избежать на себе влияния идеологии консьюмеризма и массовой культуры. Новая форма гражданской идентификации «замещается феноменом так называемого “культурного гражданства”, основанного на общности потребления, – отмечает Н. Стивенсон. – Сегодня гражданство оказывается в меньшей степени связанным с формальными правами и обязанностями и в большей – с потреблением экзотических продуктов, голливудских фильмов, популярной музыки или австралийских вин. Исключение из потребления этих продуктов означает исключение из гражданства в западном обществе» [5, с. 5].

В условиях перманентной межкультурной коммуникации развивающиеся страны рискуют утратить свою культурную идентичность и остаться в статусе источника сырья или рынка сбыта продукции более развитых регионов. Несмотря на то, что утрата экономической независимости может иметь негативные последствия в будущем менее развитых стран, в то же время потеря культурной самобытности будет иметь более серьёзные и фундаментальные последствия. Глобализационные изменения мирового социального пространства неизбежно ведут к трансформации культурной традиции, которая базируется на укоренившейся системе ценностей. Изменение системы ценностей в самобытных культурах влечёт за собой изменение мировоззренческих установок и привычного жизненного уклада. Далеко не всегда такие трансформации позитивно оцениваются представителями этих культур. Чаще всего, навязывание западных приоритетов и жизненных стереотипов представляет собой «мирную» культурную интервенцию и влечёт за собой возрастающее недовольство самобытных этнических групп, которые чувствуют за этим скрытую угрозу существованию своей аутентичной культурной традиции. Национальная и культурная идентичность по-прежнему остаются фундаментальными формами самоопределения человека, даже на фоне тенденции к космополитизму, поскольку определяют ментальные и психологические особенности отдельной личности и народа в целом [6].

7. *Глобальное распространение информационно-коммуникационных технологий* приводит к изменению социальной структуры общества. Помимо новых форм сетевой и виртуальной идентичности происходит расслоение общества по информационному признаку, то есть по уровню владения знаниями и информацией. Появляется понятие «информационная бедность», «информационное неравенство». Социальная стратификация приобретает новые очертания – деление общества происходит не по классовому признаку, а по уровню знаний и профессионализма. Бурный скачок ИКТ приводит к отставанию социального прогресса отдельных слоёв населения от прогресса технологий, которые по объективным причинам не могут полноценно участвовать в информационном обмене. Сюда относятся

пожилые люди, а также представители тех регионов, которые пока не достигли достаточного технологического развития, способствующего вступлению в новую эру информационной цивилизации.

Все вышеперечисленные характеристики глобализации культуры наглядно демонстрируют всю сложность и противоречивость данного процесса. На фоне становления глобального экономического, политического и социокультурного пространства наблюдаются обратные тенденции, которые свидетельствуют о том, что сближение мирового сообщества часто носит весьма условный характер. Но если в торгово-финансовом секторе и политической сфере глобализационные процессы способствуют усилению единства и взаимосвязи между людьми, то в сфере культуры это часто приводит к замещению традиционных, устоявшихся форм культуротворчества, иными, зачастую эпатажными, недолговечными и не содержащими глубинные смыслы, аксиологическими и символическими формами духовной культуры. Это ведёт к упрощению, архаизации, стагнации или в крайнем варианте – к разрушению и исчезновению культуры. Кроме того, нарушаются естественные механизмы индивидуальной и коллективной идентичности людей во всём многообразии её форм – этническая, национальная, религиозная, культурная и др.

Рассматривая процесс социокультурной динамики в условиях глобализации, можно сделать вывод о том, что последняя становится в современных реалиях не фактором развития мирового сообщества, а скорее фактором раскола, дивергенции мировой цивилизации.

Список литературы

1. Ерасов Б. С. Социальная культурология: учебник / 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 590 с.
2. Нейчман Б. «Четвертый мир»: нации против государств // Глобализация: контуры XXI века: реф. сб.: в 3 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Горбачев-фонд; редкол. Ю. Н. Игрицкий (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – Ч. 3. – С. 40–53.

3. Нордстрем К., Риддерстрале Й. Бизнес в системе фанк: капитал пляшет под дудку таланта / пер. с англ. П. Павловского. СПб: Стокгольм. шк. экономики, 2000. – 271 с.
4. Селлерс Р. Девять глобальных трендов в религии // Глобализация: контуры XXI века: реф. сб.: в 3 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Горбачев-фонд; редкол.: Ю. Н. Игрицкий (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – Ч. 3. – С. 17–25.
5. Стивенсон Н. Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство // Глобализация: контуры XXI века: реф. сб.: в 3 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Горбачев-фонд; редкол. Ю. Н. Игрицкий (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – Ч. 3. – С. 5–12.
6. Фролова Е. В. Диалог культур в условиях глобализации // Тр. Белорус. гос. технол. ун-та. Сер. 5, Политология, философия, история, филология. – 2006. – Вып. 14. – С. 54–57.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
8. Friedman Th. The Lexus and the olive tree: understanding globalization. New York: Anchor Books, 2000. 490 p.
9. Hollis N. Rethinking globalization // Marketing Research. – 2009. – Vol. 21, № 1. – P. 12–18.
10. Huntington S. P. The clash of civilizations and the remaking of world order / S. P. Huntington. – New York : Simon a. Schuster, 1996. – 368 p.
11. Kellner D. Media culture: cultural studies, identity and politics between the modern and post-modern. – London; New York: Routledge, 2000, IX. – 357 p.
12. Smith A. National identity. London: Penguin Books, 1991, IX. – 226 p.
13. Snyder P. D. Five meta-trends changing the world. // Futurist. – 2004. – Vol. 38, № 4. – P. 22–27.
14. Steger M. B. Globalization: a very short introduction. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. – 147 p.

Роман Викторович Иванов,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Институт социальных наук,
Иркутский государственный университет,
e-mail: dorwardrw@list.ru

Эмпирический анализ экстремистских настроений молодёжи

В статье рассматриваются социальные и естественные условия формирования экстремистских настроений молодёжи, анализируются условия социальной пассивности и социального конструирования проблем. Показывается формальная неактивность экстремистских настроений в Иркутской области.

Ключевые слова: экстремистские настроения, молодёжь, социальная пассивность, конструирование проблемы

Ivanov V. Roman,
Candidate of Historical Sciences
Associate Professor,
Associate Professor at the Department of State and Public Administration
Institute of Social Sciences
Irkutsk State University,
e-mail: dorwardrw@list.ru

Empirical analysis of extremist youth attitudes

The article discusses the social and natural conditions of the formation of extremist attitudes among young people, analyzes the conditions of social passivity and social construction of problems. The formal inactivity of extremist sentiments in the Irkutsk region is shown.

Keywords: extremist sentiment, youth, social passivity, problem design

В современной России всё чаще поднимаются экстремистские идеи, укореняясь в сознании молодого человека, они могут способствовать совершению противоправных действий: начиная от расписывания стен домов радикальными лозунгами, заканчи-

вая «акциями» в отношении людей иной веры или этнической принадлежности, начиная от негативного отношения к представителям какой либо социальной группы (инвалиды, ветераны, лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией), заканчивая участием в погромах и иных преступлениях против этих групп. Количество подобных групп растёт как в реальной среде, так и в виртуальном пространстве.

Сегодня появляются всё новые и новые формы экстремистской деятельности: недовольство политикой, межэтническими и межконфессиональными отношениями, конкретной группой людей может выливаться в незаконные, противоправные экстремистские формы. Как уже говорилось, из-за мобильности и категоричности молодёжи, именно она может быть вовлечена в экстремистскую деятельность различных организаций (активность перед выборами, флеш-мобы и иные акции против каких-либо решений) и отдельных акций (события в Керчи). Как следствие этого, среди экстремистов преобладает молодёжь.

Начиная с 90-х годов XX века в России стали появляться неформальные молодёжные организации, которые выступали как против политического режима, так и против экологических или социальных процессов, экономических реформ и так далее. Вопросы молодёжного экстремизма изучались на протяжении этого периода и вплоть до наших дней такими учёными как Р. Б. Маремуков [6], И. А. Савченко [8], В. Н. Томалинцев [10] и др.

Проблемы экстремизма рассматривают не только с точки зрения теории, но и для построения молодёжной политики, социальной работы с молодёжью, и для совершенствования, блокирующего экстремизм, законодательства. В результате значимость проблематики молодёжного экстремизма растёт.

Важно понимать не просто сам экстремизм в молодёжной среде, а изучать и контролировать экстремистские настроения и экстремистские действия. Первые являются потенциальной угрозой (так как предполагают фиксацию радикальных идей в сознании молодого человека, однако без активных экстремистских действий) и могут быть изменены или локализованы профилактической работой, вторые требуют более радикальных

мер и комплексную работу органов власти и правопорядка, так как предполагают реальное действие против кого-либо и могут нанести ущерб человеку или группе людей по различным признакам и причинам (национальности, вере, общественном или политическом участии и т. д.). Это зачастую зависит от уровня экономического благополучия и экономических притязаний (исследования В. А. Скуденкова [9]), условий социальной солидарности и эмпатии, территориальной идентичности и общественного договора (работы О. А. Полюшкевич [7]), чувства патриотизма и социальной включенности в различные сообщества современной молодёжи (Р. В. Иванов [1–5]).

Мы провели фокусированное интервью лидеров общественного мнения среди трёх целевых групп: студенческая молодёжь, работающая молодёжь и школьники.

Выборочная совокупность социологического исследования составила 24 человека (от 14 до 18 лет школьники и студенты техникумов – 8 человек; от 18 до 22 лет студенты вузов – 8 человек и 23–30 лет – работающая молодёжь – 8 человек).

Цель исследования: выявление особенностей восприятия и осмысления различными социальными группами молодёжи экстремистских настроений и специфики формирования межэтнической и международной толерантности в Иркутской области в 2018 году и выявление реальных и мнимых мифов.

Анализируя результаты фокус-группы можно сказать, что среди молодёжи нет чёткого понимания, что такое экстремизм. Общее мнение формируется по отрывочным и зачастую шаблонным фразам, которые обсуждаются в СМИ (телевидении и Интернете). Как говорили некоторые участники «Зачастую мы понимаем, что это экстремизм, потому что нам сказали, что это экстремизм, а не потому что мы это сами знаем и понимаем» (Андрей, 28 лет) или «это форма преступления против других людей, которая кем-то называется экстремизмом, но по факту – это преступление. Экстремизмом это называют в политических целях, поэтому экстремизм – это политический инструмент, который реализуется через идеологию и насилие» (Илья, 25 лет).

В целом, говоря о распределении ответов мы можем выделить наиболее часто встречающиеся трактовки экстремизма,

например, «насилие на основе неприязни к другой национальности» – 32 %, «нетерпимость во всех её проявлениях» – 16 %, «способ восстановить справедливость» – 8 %, «пропаганда насилия» – 22 %, «готовность применять насилие для достижения целей» – 12 %, «допустимость использования крайних мер» – 10 %.

Только 20 % участников исследования указали, что проблема экстремизма актуальна для современной России, 45 % указали что «не актуальна» и 35 % затруднились ответить.

Иными словами, это позволяет нам говорить о том, что молодые люди в повседневном своём мире не акцентируют внимания на проблемах экстремизма и не готовы активно вовлекаться в данный контент. Только 10 % молодых людей обсуждали данную проблему в кругу своих знакомых, остальным эта тема либо не интересна, либо не актуальна. Никто из участников исследования не сталкивался с проявлениями экстремизма за последний год. Только 10 % слышали от знакомых или в СМИ, что это происходило.

Основным источником экстремистских материалов выступает Интернет (54 %) и телевидение (новостная лента) (41 %), общение со знакомыми (5 %). Причём, молодые люди специально не ищут данную информацию. В различных СМИ она попутно выходит при поиске учебной или развлекательной информации. То есть, если бы данная проблема не обсуждалась в Интернете и телевидении, её распространённость в определённых кругах могла бы быть значительно ниже.

Возможно, искусственное нагнетание информации о количестве насилия в различных СМИ повышает панику и негативный настрой среди различных социальных групп, и может повышать потенциальную угрозу создания и вовлечения в экстремистские группы различных групп населения, в том числе и молодёжь.

Опрошенные нами молодые люди не считают, что экстремистские настроения в молодёжной среде усилились за последнее время (75 %), остались такими же полагают 25 % молодых людей.

Национальность человека не влияет на отношение к самому человеку для 90 % респондентов. «Все люди равны» (Ольга,

23 года), «Национальность не может определять хороший это человек или плохой» (Валерия, 15 лет), «Среди каждой нации есть как хорошие, так и плохие» (Александр, 20 лет). Но при этом, 10 % указали на то, что уровень культуры или образования, представителя другой национальности может влиять на отношение к человеку, может формировать негативные установки к нему, если «он занимает экономически невыгодную нишу» (Богдан, 20 лет), «экономически притесняет меня» (Александр, 25 лет).

Молодые люди сошлись на том, что «низкий уровень образования, культуры населения» (33 %) и «пренебрежительное отношение к культуре, обычаям других народов» (25 %) являются доминирующими факторами роста экстремистских настроений. Иными словами, просветительская работа, публичные лекции о других народах, их культуре и обычаях, особенностях жизни может улучшить положение в обществе.

На третьем месте «высокий уровень криминальности некоторых национальностей» (21 %), «пропаганда и насилие в СМИ» – 15%, «большое количество мигрантов, гастарбайтеров» – 6 %. Социально-экономические условия указываются нашими респондентами как вторичные факторы, способствующие росту экстремистских настроений в Иркутске и Иркутской области.

Наиболее опасными проявлениями экстремизма молодые люди считают «политические убийства, физические расправы» (32 %), «пропаганду фашизма» (25 %), «осквернение, разрушение памятников, могил» (20 %), «унижения, оскорбления, угрозы в адрес людей других национальностей, вероисповеданий» (15 %), «призывы к запрету существующих партий и движений» (8 %).

Хотя в разных возрастных группах оценка наиболее опасных форм проявления экстремизма совпадает, но объяснение причин такого положения несколько отличается. Молодые люди от 23 до 30 лет говорят о том, что «политические убийства и расправы являются основными, благодаря им возможны все остальные формы проявления экстремизма, как следствия политических решений» (Вадим, 29 лет). В 19–21 год молодые люди указывают на наиболее известные в историческом плане

формы экстремизма (фашизм), ставшие ярким примером негативного общественного воздействия: «Фашизм в мире показал всю пагубность экстремизма и нам нельзя допустить его вновь» (Максим, 19 лет). В самой младшей молодёжной группе 14-18 лет указываются на морально-этические формы экстремизма, как недопустимые и нарушающие внутренние правила (мораль) и этические устои общества: «недопустимо осквернение могил или оценка других людей по их происхождению» (Софья, 16 лет). Никто из опрошенных не сталкивался лично с какой-либо экстремистской группой или организацией в Иркутске.

Говоря об эффективных способах борьбы с экстремизмом, молодые люди выделили «развитие молодёжного движения, спортивной и культурной работы» (45 %), «правовое и духовно-нравственное воспитание» (25 %), «работа правоохранительных органов» (10 %), и также 10 % указали на то, что «нет эффективных форм борьбы с экстремизмом». Однако практически все отмечали необходимость комплексного подхода и сочетания разных форм и направлений работы с молодёжью. «Без системной работы всех социальных институтов – нельзя получить гарантированный результат» (Сергей, 20 лет). «Только сочетание усилий различных подразделений позволит избежать экстремизма» (Анна, 23 года).

Опрошенные нами молодые люди считают правовую базу недостаточной в 20 %, нормальной – 35 %, достаточной – 25 %, чрезмерной – 10 и 10 % затруднились с ответом. Такой разброс мнений говорит о недостаточной информированности молодёжи о правовой базе борьбы с экстремизмом. А показательные процессы о «репостах» в социальных сетях унижают социальную оценку и «вес» справедливого наказания за экстремизм.

«Суды за репосты не могут быть показательны и не могут говорить о работающей справедливой правовой системе, регулирующей экстремистские преступления в России» (Андрей, 28 лет). «Наказания за репосты в социальных сетях – отвлекают внимание, но не решают проблемы экстремизма» (Александр, 25 лет). «В СМИ не обсуждаются приговоры за реальные экс-

тремистские преступления, а только бутафорские процессы о репостах в социальных сетях, поэтому говорить об эффективно работающей правовой основе нельзя» (Арина, 20 лет).

По мнению респондентов, наиболее опасен религиозный экстремизм (55 %), так как он наиболее ярко проявляется, его сразу видно, тогда как политический (30 %) и национальный (15 %) более растянуты во времени и поэтому проследить их воздействие на современную ситуацию достаточно трудно. Данное суждение преобладает в основном из-за активного обсуждения в СМИ именно религиозного экстремизма (террористы-смертники и прочие террористические организации), тогда как другие виды экстремизма достаточно редки в общественном дискурсе.

Политический экстремизм обсуждается в рамках очередной годовщины – политических убийств, приведших к Первой мировой войне (убийство эрцгерцога Фердинанда) и репрессиям в отдельных странах при правлении того или иного диктатора (Муссолини, Салазара и т. д.).

Национальный экстремизм также редко сам по себе обсуждается, только в рамках криминальных происшествий: «поножовщины среди тувинцев» или «разборки азербайджанцев» (Андрей, 28 лет). «О национальностях мы слышим только тогда, когда убийства или кражи, или разбой совершается» (Мария, 20 лет).

При этом все молодые люди говорят, что ко всем национальностям они относятся одинаково хорошо. И о других культурах, чертах и качествах людей – представителей другой веры или культуры, о представителях и особенностях деятельности общественно-политических организаций они узнают из СМИ (Интернет и телевидение).

С провокационными суждениями о других нациях и национальностях никто не согласен, молодые люди отказывались отвечать на данный вопрос. «С каким из утверждений вы больше согласны: 1. *Представители нашей национальности должны иметь привилегии при поступлении на учебу, при приеме на работу.* 2. *Представители нашей национальности жили на этой территории всегда, поэтому “чужаки” должны уйти.* 3. Мы должны бороться за чистоту нашей крови. 4. Некоторые

национальности ненавидят нас и готовы сделать все, чтобы нас не стало». Это позволяет нам говорить о сложившейся системе ценностей и убеждений, которая относительно стабильно формирует ценности и убеждения молодого поколения, что может препятствовать их вступлению в экстремистские организации и поддержке, и развитию экстремистских идей.

Неприязнь к представителям других религий молодые люди также не испытывают. Некоторые указывали на интерес общения с представителями других религий, который строится на расширении кругозора и понимания других людей. Также на провокационный вопрос о том, с каким из суждений более согласны мы получили отказы от суждений: 1. Представители некоторых религий не должны жить в нашем регионе. 2. Представители некоторых религий способны на любое преступление, потому что их религия им это разрешает. 3. Те, кто верят в других Богов, глубоко ошибаются, необходимо приложить все силы, чтобы обратить их в свою веру. 4. Представители других религий представляют угрозу для представителей моей религии. Также это позволяет нам говорить об устойчивости религиозных или атеистических взглядов молодёжи, которые не влияют негативно на их отношение к представителям других религий.

Отвечая на вопрос о том, какие социальные группы вызывают у вас раздражение или неприязнь мы получили единую оценку во всех возрастных группах молодёжи. Наибольшую неприязнь вызывают «наркоманы» (40 %), «алкоголики» (35 %), «преступники» (20 %) и другие (5 %). Иные социальные группы не вызывают явной неприязни.

Среди опрошенных нами молодых людей только 30 % готовы принять участие в деятельности общественно-политических организаций при условии совпадения интересов и убеждений. Остальные молодые люди достаточно пассивны (70 %) и общественно-политическая активность не входит в сферу их интересов. Из всех респондентов только один указал, что состоит в общественной организации.

Из допустимых методов политической борьбы все молодые люди указывали на словесные и легальные методы борьбы. Иные

методы для них неприемлемы и обсуждать их никто не пожелал. Это опять же указывает на их сложившуюся систему ценностей и мировоззрения.

Среди причины распространенности экстремизма среди молодёжи наши респонденты указывали на отсутствие идеологии (55 %), слабую работу молодёжных организаций (25 %), недостаточную патриотическую подготовку (20 %). То есть, все «причины» лежат в недостаточной реализации государством различных направлений работы с детьми и молодёжью.

В связи с этим, более эффективные методы борьбы с экстремизмом состоят в комплексе мер. Наши респонденты их условно распределили в следующем порядке: «развитие молодёжного движения, работу спортивных, культурных и иных учреждений» – 30 %, «выработку новой государственной идеологической политики» – 25 %, «беседы, воспитание, защита, положительный пример и др.» – 20 %, «активная деятельность администрации города по трудоустройству молодёжи, её социальной защищённости» – 15 %, «активная работа правоохранительных и судебных органов» – 10 %.

Таким образом, исходя из полученных результатов исследования, проведённого вторичного анализа, следует сделать ряд выводов. Несмотря на некоторый рост экстремистских настроений на страницах СМИ, он по-прежнему остаётся проблемой столичных городов и национальных республик. Для Иркутской области и города Иркутска он не столь актуален.

Наиболее ярко выраженным является религиозный экстремизм. Очевидно, что школа не справляется с патриотическим воспитанием, а доверие к государству невысоко. Большинство молодых людей, не испытывает негативных чувств ни к одной национальности или представителям той или иной религии, а в ряде случаев испытывают безразличие. Но в СМИ активно обсуждаются экстремистские акции, что формирует определённую оценку.

Молодёжь черпает информацию об экстремизме из СМИ (Интернет и телевидение). Не всей информации она доверяет, но это не означает, что воздействия на их сознание не происходит. Большая часть молодёжи достаточно инертна и не готова бороться

ся за свои права в общественно-политических организациях. Они не готовы нарушать закон, однако и активно отстаивать его интересы не стремятся.

Таким образом, проведённое исследование позволяет говорить о том, что в городе Иркутске и Иркутской области в целом достаточно умеренные взгляды молодёжи на экстремизм. Но при этом стоит усилить работу с детьми и молодёжью в сфере патриотического воспитания, культурной, спортивной и общественной занятости молодых людей, чтобы перенести акценты их внимания на позитивные, созидательные сферы деятельности, способные укреплять государство и формировать гражданина и патриота своей страны.

Помимо этого, искусственное нагнетание негативной информации СМИ отрицательно влияет на настроения и самоидентичность молодёжи. Необходимо регулировать формы подачи и контекст информирования населения о происходящих процессах в обществе и возможных перспективах развития ситуации.

Список литературы

1. Иванов Р. В. Изменение смыслов патриотизма в молодёжной среде (2010 и 2017 гг.) // Социология. – 2018. – № 2. – С. 108–112.
2. Иванов Р. В. Источники формирования идеологического пространства в России // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: материалы IX Всерос. с международным участием науч. конф. // Забайкал. гос. ун-т.; [под общей редакцией Н. Д. Субботиной]. – Чита. ЗабГУ, 2018. – С. 239–245.
3. Иванов Р. В. Толерантность молодёжи – миф или реальность // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2017. – № 4 (20). – С. 32–36.
4. Иванов Р. В. Экстремистские настроения молодежи: мифы и реальности провинциального региона // Социология. – 2019. – № 1. – С. 202–214.
5. Иванов Р. В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. – 2018. – № 4. – С. 20–22.

6. Маремуков Р. Б. Молодёжный экстремизм на современном этапе // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 3. – С. 234–235.

7. Полюшкевич О. А. Общественный договор как инструмент консолидации общества // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2012. – № 1 (9). – С. 75–80.

8. Савченко И. А. Молодёжный экстремизм в г. Москве: опыт социологического исследования // Социодинамика. – 2018. – № 4. – С. 21–28.

9. Скуденков В. А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодёжи // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2018. – № 2. – С. 82–84.

10. Томалинцев В. Н. Общественный кризис и экстремизм в молодёжной среде // Молодёжная Галактика. – 2018. – № 14. – С. 8–11.

ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ДЕМОГРАФИИ NATURAL AND SOCIAL IN DEMOGRAPHY

УДК 129

*Надежда Дмитриевна Субботина,
доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: dialectica@yandex.ru*

Естественные и социальные причины полового неравенства

В статье рассматривается неравенство в отношениях между мужчиной и женщиной, его сущность, естественные и социальные причины его происхождения. Обращается внимание на то, что неравенство имеет не только отрицательные стороны, но и положительные, так как оно было необходимым условием выживания наших предков. В современном обществе неравенство значительно уменьшилось, но, по мнению автора, некоторые формы проявления неравенства не нуждаются в преодолении. Дается критика теории «денатурализации пола».

Ключевые слова: женщина, неравенство, естественное, социальное, пол, гендер, половой диморфизм, стратегия денатурализации

*Nadezhda D. Subbotina,
Doctor of Sciences (Philosophy),
Professor,
Professor of the Philosophy Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: dialectica@yandex.ru*

Natural and Social Reasons of Sexual Inequality⁶

In article inequality in the relations between the man and the woman, his essence, the natural and social reasons of his origin is considered. The attention

⁶ В англоязычных публикациях русское словосочетание «половое неравенство» обычно переводят как гендерное неравенство (Gender Inequality). Однако в данной статье половое неравенство и гендерное неравенство различаются. Поэтому я применяю словосочетание «Sexual Inequality», которое в настоящее время используется редко.

to what inequality has not only negative sides, but also positive as it was a necessary condition of survival of our ancestors is paid. In modern society inequality considerably decreased, but, according to the author, some forms of manifestation of inequality do not need overcoming. The criticism of the theory of “denaturalization” is given.

Keywords: woman, inequality, natural, social, sex, gender, sexual dimorphism

В последнее время всё чаще в популярных изданиях, в роликах блогеров и «кухонных диалогах» утверждается, что наступило время матриархата, что женщины подчинили себе все стороны общественной жизни, что они гораздо более жестоки, чем мужчины, которым остаётся только защищаться. И, действительно, есть много фактов, принуждающих склоняться к данной точке зрения. Это и неадекватность «крайних» феминисток, часто публикуемые ролики, когда группа «девочек» (никак не могу употреблять в данной ситуации это слово без кавычек) издеваются и избивают свою одноклассницу, или бывшую подругу⁷. Есть отдельные примеры, когда жёны избивают своих мужей или сожителей не в ситуациях, когда вынужденно отвечают на «семейное» насилие, а просто «для профилактики», или за непослушание. Мужчины говорят о возникновении гендерного неравенства не в их пользу. Это проблема, которая требует анализа.

Что такое общественное неравенство

Вначале я попытаюсь дать свой вариант понимания того, что такое феномен общественного неравенства в целом, показать его естественные и социальные причины и указать не только на отрицательные, но и некоторые положительные стороны данного явления. И начну с того, что как известно, есть разные виды общественного неравенства, при возникновении и поддержании которых по-разному сочетаются естественные и социальные причины. В неравенстве полов, о котором я ниже буду говорить более подробно, определяющую роль играют, на мой взгляд, естественные факторы.

⁷ Кстати, я не встречала роликов, где бы девочки избивали мальчиков. Это говорит о том, что на подростковом уровне матриархата пока не наступило.

Кратко упомяну другие формы неравенства в общественных отношениях. Естественные факторы играют очень большую роль не только в половом, но и в возрастном неравенстве, о чём упоминают редко. Последнее – не только неравенство взрослых и детей, но и неравенство взрослых, обладающих физической силой и стариков, которые утратили не только эту силу, но порой и ясность ума.

Неравенство детей и немощных стариков с взрослыми часто носит вынужденный и положительный характер. Когда ребёнку запрещают заниматься опасной для него деятельностью, или страдающего глубокой деменцией старика не отпускают одного из дома – это нормально. Однако «забота» может носить и оскорбительный характер. Например, недавно у наших чиновников появилась инициатива запретить людям старше 70 лет самостоятельно продавать свои квартиры, якобы для того, чтобы их не обманули мошенники. Типичные примеры негативной формы возрастного неравенства – насилие (в том числе и физическое) взрослых над своими, или чужими детьми, или те факты, когда пьющие взрослые дети отбирают у своих, ставших немощными, родителей пенсию.

Итак, *неравенство* – это не однозначная несправедливость, которую надо полностью искоренить, а естественная составляющая любого коллектива. Неравенство – необходимая сторона человеческой жизни, отличающаяся только степенью своего проявления на различных этапах истории и в различных ситуациях на одном и том же этапе.

Существовавшее в течение множества поколений неравенство полов и представителей разных возрастов было обусловлено необходимостью выживания человеческих групп в условиях враждебной естественной и социальной среды, которое было возможно только при жёсткой иерархии и соблюдении принятых норм. Если при множестве социальных изменений в обществе неравенство полов сохранялось в течение большого числа поколений, то можно сделать вывод, что главными причинами их возникновения и сохранения были естественные причины – морфологические отличия, приводящие к различию способностей к тем, или иным видам общественной деятельности, порождаю-

шие, в свою очередь, различие гендерных ролей. Попробую дать определение общественного⁸ неравенства, которое я использую в данной статье. Неравенство – это существенное отличие в правах и свободе отдельных людей, или отдельных групп людей, закреплённое в общественных нормах или в законодательном порядке. Степень неравенства бывает различной, крайняя его степень – физическое насилие.

В течение тысяч лет неравенство было необходимым способом межличностных и межгрупповых отношений. Можно ли представить себе картину из современности, перенесённую в древнее общество, когда «первобытный муж» велит жене следить за очагом и за детьми, а та в ответ: «Сам следи»? Или, чтобы «первобытный ребёнок» отвечал подобным образом своим родителям? Все понимали, что естественное разделение труда и жёсткая дисциплина в человеческом сообществе – условие выживания.

Существует несколько типов общественного неравенства и для каждого вида неравенства существует разное соотношение естественных и социальных причин. У полового и возрастного неравенства, как я уже отмечала, на первое место выходят естественные причины при большой роли социальных факторов, а в других видах неравенства (людей с разным цветом кожи, разными способностями, происхождением и социальным положением) в настоящее время определяющими стали социальные факторы. Хотя у всех этих видов неравенства также имеются естественные предпосылки. Например, уже в первобытном обществе существовало иерархическое неравенство, перешедшее к нам от коллективных животных – это неравенство, с одной стороны, вождей, колдунов и, с другой, остальных членов родовых коллективов в принятии решений, в распределении обязанностей и полученных результатов трудовой деятельности.

Многие теоретики и практики (из последних особенно политики) считают одной из главных целей человечества полное избавление от неравенства, утверждение равенства абсолютно

⁸ В моём понимании «общественное» не является синонимом «социальное», так как система общества содержит в себе не только социальные, но и многие естественные составляющие [5, с. 83–84].

всех людей. Некоторые исследователи для обоснования своей позиции предлагают отказаться от прежних философских подходов, которые называют «сущностными», или «эссенциальными», в том числе отказаться от диалектики и опираться исключительно на идеи постмодернизма. Всё прежнее мышление они называют метафизическим, а новое, собственное – «постметафизическим».

Приведу в качестве примера докторскую диссертацию Е. Б. Хитрук, автор которой, ссылаясь на Джудит Батлер и Симону де Бовуар [1; 2], говорит о необходимости «денатурализации» пола, под которой она понимает «трансцендирование данного феномена за рамки природной или метафизической заданности» [7, с. 16]. Хитрук считает необходимым преодоление «эссенциальной бинарной схемы» в понимании половой дифференциации и дуализма, как её философского основания: «Невозможно создать дескриптивную модель, адекватную многообразной, многоуровневой, динамичной современной реальности на основании бинарной теоретической схемы, поскольку анализируемые феномены будут подвергаться неизбежному распределению на доминирующие и доминируемые элементы, согласно принципам выстраивания “насильственной иерархии”» [7, с. 10].

К сожалению, а может и к счастью, общество так и построено. В нём можно обнаружить не только деление на мужской пол, долгое время находившийся на господствующей ступени иерархии и подчинённый ему женский пол. Данное деление в последние десятилетия довольно быстро преодолевается, переходя нередко, как я уже отмечала, в свою противоположность. Но иерархическая форма отношений заложена в генетике человека. Более того, она предполагается в любой живой системе. Например, мозг живого организма – главный орган, который регулирует работу всего организма, следовательно, можно сказать, что отношения между ним и другими органами неравны. А если бы существовало их равенство, то в организме был бы полный хаос. Естественно, у человека, наделённого сознанием, гораздо больше свободы, чем у бездушных органов, или деталей в механизме, однако полное преодоление иерархической лестницы в обществе, на мой взгляд, невозможно, да и вряд ли, нужно. Даже

демократия, как лучшая форма общественных отношений, не предполагает полного равенства, а разрешает равенство только на уровне выбора тех, кто будет всеми руководить.

В качестве цели развития демократии можно назвать расширение роли референдумов, когда каждый член общества будет иметь право высказать свою точку зрения на все важные вопросы. В общем-то такое положение есть в конституциях демократических стран, но оно мало соблюдается по той причине, что люди, попавшие во власть, начинают считать, что только им понятно, что и как надо делать в обществе. Также в их поведении начинает проявляться естественная потребность во власти и в обогащении, что порой приводит к тому, что избранные люди начинают делать всё для того, чтобы сохранить свою власть. В то же время, идеи анархистов о создании общества (не государства, против которого они выступают), дающего полную свободу всем его членам (не гражданам, поскольку граждане подчиняются государству), на мой взгляд, утопичны. Впрочем, здесь я уже зашла на поле социального неравенства, анализ которого требует специального исследования.

Специфика и причины полового неравенства

Вернёмся к половому неравенству, изначальная причина которого, как уже было отмечено, была естественной. Общество смогло позволить себе некоторое (пока не полное) равенство полов только тогда, когда его социальная сторона стала сильной, когда оно стало способным предоставить равенство в отдельных сторонах общественной жизни тем, кто долгое время находился на низших ступенях иерархии, и не только женщинам. Правда, те, кто находится на вершине «иерархической лестницы», добровольно от своих преимуществ не отказываются. Это тоже естественная закономерность. Поэтому борьба за реальное равенство продолжается до настоящего времени.

Кроме сказанного выше по поводу бинарной схемы, следует отметить и то, что деление на два пола и вообще всякая бинарная оппозиция, которая так не нравится постмодернистам, предполагает не только «деление на доминирующие и доминируемые элементы», против которой выступает Е. Б. Хитрук, но и возник-

новение у этих разных элементов разных функций, необходимых для самосохранения системы, которую эти элементы составляют. Это касается, в том числе, и деления на два пола.

На мой взгляд, необходимо различать две стороны половой дифференциации, порождающей половое неравенство: половой диморфизм и гендерные роли. Диморфизм полностью зависит от природы, а гендерные роли – частично от природы и частично от общества, так как различное биологическое предназначение мужского и женского пола так, или иначе реализуется в общественных отношениях. Феминистки часто настаивают на том, что все без исключения гендерные роли навязаны и мужчинам, и женщинам обществом. Я в своих статьях уже давала критику данного положения [5], поэтому подробно здесь на нём останавливаться не буду. Зависимость гендера от природы постоянно уменьшается и возрастает зависимость от социального (господствующего мировоззрения, общественных отношений). Полностью освободиться от природы в «распределении ролей по половому признаку» общество не сможет, так как на поведение человека (если иметь в виду *Homo sapiens*)⁹ неизбежно воздействует его морфология и физиология, постоянно вырабатываемые, в зависимости от пола, разные гормоны. Поэтому мечты крайних феминисток о создании абсолютного равенства двух полов – то есть введение в половые отношения социального правила полного равенства неосуществимы. Хотя естественное неравенство не закреплено никакими социальными законами, оно никуда не исчезло. Более того, не всякое естественное неравенство требуется преодолевать.

В бытовом плане это проявляется по-разному. Например, когда мужчина предлагает помощь женщине в трудной для неё физической работе, защищает её от агрессивных действий других, или, когда дарит ей цветы, он не оскорбляет её, как считают феминистки. Такое поведение естественно, заложено в мужской психологии на генетическом уровне. Недавно в Интернете прочитала, что приставать к женщине со стороны мужчины – это

⁹ Я специально уточнила про *Homo sapiens*, так как трансгуманисты планируют создание другого типа людей – трансчеловека, или постчеловека.

нормально. Хотя на Западе за это уже судят. Я тоже считаю, что нормально, однако до тех пор, пока женщина чётко не покажет, что она против таких приставаний. Порой она говорит, как в известной песне «Ах оставьте, ах оставьте, Ваша песня не нова...». Это может быть просто кокетством и в реальной ситуации мужчина всегда почувствует, насколько искренне она протестует против его поведения. Однако мужчина довольно часто может перейти рамки этой игры и добиваться женщины против её воли. А такое поведение уже должно быть наказуемо. То есть, всё зависит от степени демонстрируемого интереса и от того, насколько серьёзно противится этому женщина. Здесь соглашусь с феминистками, что инициатива в отношениях может идти и от женщины, в том числе и предложение заключить брак, хотя российское общество пока не одобряет такое поведение. И точно также приставание к мужчине против его желания (что, хотя и редко, но бывает) должно быть наказуемо.

Е. Б. Хитрук считает устаревшим классический философский подход к пониманию различий между мужчиной и женщиной: «“Мужское” и “женское”», предстают в классическом философском дискурсе как философские категории, тесно связанные с дуалистическим представлением об устройстве мироздания и человека» [7, с. 102]. Однако надо помнить, что классический философский дискурс опирался в большей степени не на дуализм, а на диалектику, которая всегда признаёт общее начало у противоположностей¹⁰. Диалектика не называет противоположностями слона и Вселенную, холод и красоту, мужчину и третий закон Ньютона. Она всегда видит общую основу у двух противоположностей. Холод и тепло – это температура; день и ночь – это сутки; жизнь и смерть – это состояние биологического существа; мужчина и женщина – это человек. В последнем случае – это две противоположности, имеющие много общих черт (гораздо

¹⁰ Поэтому модное сейчас обвинение диалектики в том, что она признаёт только две противоположности, а мир основан на триаде, не имеет под собой основания. «Третья сторона» диалектики – это общая основа противоположностей, которая является условием устойчивости (в определённых моментах – гармонии) предметов и явлений.

больше, чем различий) и противоположны они только в одном: по-разному выполняют общую репродуктивную функцию человека – продолжение и сохранение рода.

Конечно же, нельзя отрицать большую роль социального воздействия на специфику межполовых отношений. Хитрук пишет: «Применение концепции денатурализации, позволяет выявить культурно и социально обусловленный характер таких явлений “естественного” порядка, как пол, сексуальная ориентация, телесность...» [7, с. 20]. С этим можно согласиться, если добавить слово «частично»: «частично социально обусловленный». При этом создаётся впечатление, что природа настолько ненавистна автору, что даже слово «естественный» она берёт в кавычки. Однако на поведение человека, в частности, на его сексуальную ориентацию оказывает воздействие сложное диалектическое противоречие естественного и социального.

Хитрук утверждает: «Основные способы концептуализации категорий «мужское» и «женское» в классическом философском дискурсе последовательно натурализуют, то есть представляют как необходимые аспекты бытия, следующие значимые характеристики половой дихотомии: эссенциализм, поляризацию полов, субординацию полов. Данный подход не может быть признан корректным, поскольку основывается на дуалистических онтологических и антропологических предпосылках, а также содержит существенные внутренние противоречия» [7, с. 23]. А наличие двух различных морфологических типов человека – разве не дуализм, который никуда не деть, если мы не будем вмешиваться в природу и не создадим единственный вариант человека – гермафродита? Другое дело, надо признать, что в обществе этот дуализм смягчается. Гендерные роли частично меняются в зависимости от общественных изменений. И всё же, должна быть граница, дальше которой (при вмешательстве в генетику человека) замена гендерных ролей уже приведёт к новому, непонятному пока качеству. Хотя от современных учёных всего можно ожидать. Как недавно стало известно, китайский учёный Цзянькуй Хэ генетически модифицировал двух младенцев (двойняшек Лулу и Нану), сделав их, как он утверждает, невосприимчивыми к вирусу СПИДА.

Удивляет, насколько упорным является стремление некоторых учёных и общественных деятелей (прежде всего, конечно, феминисток) отказаться от природы человека, хотя без неё никакая общественная жизнь невозможна. Длительная биологическая (ещё задолго до появления человека) эволюция разделила функции двух полов. В. А. Геодакян доказал, что мужчина на генетическом уровне выполняет роль развития, а женщина – роль сохранения. Имеется в виду то, что мужчина передаёт наследникам вновь приобретённые гены, а женщина – старые, которые доказали свою устойчивость [3, 4]. Однако эти функции не ограничиваются биологической стороной. В социальной жизни изначально женщина также служила сохранению рода, племени: она сохраняла тот же очаг, защищала на бытовом уровне детей, была более покладистой в семейных отношениях, подчинялась мужчине. Когда общество перешло на более высокий цивилизованный уровень, мужчины, пользуясь своей физической силой и возможностью не быть ограниченными в своих передвижениях детьми, поспешили закрепить на законодательном и нравственном уровне неравные отношения, которые уже перестали быть необходимыми для выживания.

Однако общество – не природа. Женщины не сразу, но поняли несправедливость неравенства, имея все необходимые способности для участия в жизни общества, что привело к их борьбе за освобождение и позднее, к течению феминизма. В то же время, некоторые феминистки «перегнули палку», полностью отрицая роль очевидных биологических различий между мужчиной и женщиной в общественных отношениях.

Каким образом современное общество может воздействовать на межполовые отношения? Оно должно отстаивать равенство мужчин и женщин в социальном плане. Хотя это сложно, так как представление мужчины о собственном превосходстве над женщиной обусловлено его наследственной программой и может корректироваться только воспитанием.

Есть и другие, на мой взгляд, неправильные, программы, когда ряд феминисток и учёных призывают «освободить» женщину от рождения и выкармливания ребёнка, или выступают с ещё более абсурдной идеей дать такую возможность мужчине.

Почему это неправильно? Потому, что сформировавшаяся в течение тысячелетий генетическая программа женщины состоит в том, что рождение и грудное вскармливание ребёнка запускают механизм материнской любви. Обнаружено также, что мужчина, общающийся с детьми, становится мягче в своём поведении, так как у него снижается выработка тестостерона. Ли Т. Гетлер, Томас У. Макдад, Алан Б. Феранил и Кристофер У. Кузава из Северо-западного университета опубликовали результаты своего исследования: «В соответствии с гипотезой о том, что общение с детьми подавляет тестостерон, отцы, сообщившие о 3-часовом или более ежедневном уходе за детьми, имели более низкий тестостерон при последующем наблюдении по сравнению с отцами, не принимавшими участия в воспитании» [8]. И это является благоприятным фактором для смягчения общественных отношений в целом. Мы знаем, что в тех культурах, где мужчины наиболее воинственны, они очень мало занимаются с детьми.

Будет ли такая, как у родителей, любовь у общественных воспитателей или, как предполагают некоторые, «самые прогрессивные» мыслители, у роботов-нянек, большой вопрос. И не только это: нарушение естественного процесса зачатия и внутриутробного развития может иметь непредсказуемые последствия. Человечество уже неоднократно сталкивалось с тем, что их деятельность по «улучшению» мира и себя самого показывала негативные последствия не сразу, а через десятки лет.

Хитрук с одобрением говорит о новых «стратегиях денатурализации», к которым, по её мнению, «относятся экзистенциальная стратегия, продуцирующая переход в осмыслении женского от “женской сущности” к “женской ситуации” и трактующая тем самым женское как определённый социальный конструкт, и дискурсивная стратегия, способствующая философской деконструкции женской субъективности и телесности, в результате которых женское рассматривается как продукт “созидательных” и “скрывающих” дискурсивных практик» [7, с. 347].

Что касается наличия и «женской сущности» и «женской ситуации», то с этим можно было бы согласиться, если признать, что в реальности переход от одного к другому возможен, не толь-

ко в одну, но и в другую сторону. То есть, конкретная женщина в конкретных жизненных обстоятельствах может действовать согласно либо своей сущности, либо ситуации.

Что касается теоретического осмысления данного явления, то можно говорить о переходе от признания однозначной женской сущности к признанию того, что укоренившиеся в обществе стереотипы навязывают женщине определённую модель поведения (выгодную мужчинам), любое отклонение от которой расценивается как безнравственность, вызов общественным устоям. И с этим, несомненно, надо бороться. Общество не должно запрещать женщине заниматься «традиционно мужскими» видами деятельности, не «выходить замуж», не рожать детей и т. д. Но, в то же время, нельзя отрицать наличие женской сущности, также, как и мужской. Уже одно то, что во всех языках есть слово (понятие) «женщина», говорит о наличии некоего феномена, качественно отличающегося от всех других феноменов. Другое дело, что порой эта сущность трудноуловима, частично изменяема и эти изменения, в первую очередь, имеют социальное происхождение. Тем не менее, нельзя отрицать того, что в женщине, как и в любом другом объекте действительности, есть нечто устойчивое. И это устойчивое, чаще всего, естественное. Согласно диалектике, каждый предмет или явление имеет свою сущность, которая представлена нам в явлениях. Если сводить всё к ситуации (релятивизм), то от женщины «ничего не останется». Это будет значить, что нет такого феномена, как женщина, есть только ситуации, где некий предмет выступает как женщина. И обратная история: если не видеть в сущности женщины изменений, считать её постоянной, то мы придём к догматизму, откажем женщине в праве развиваться, изменяться, то есть лишим её свободы. И тот и другой подходы не диалектичны, абсолютизируют лишь одну сторону сущности женщины. Следовательно, описанная выше стратегия денатурализации – переход от «женской сущности» к «женской ситуации» может рассматриваться как проявление релятивизма, а критикуемая «сущностная» стратегия в её абсолютном проявлении – как догматизм. Более продуктивным

будет диалектический подход, учитывающий единство и противоположность естественного и социального, устойчивого и изменчивого.

Список литературы

1. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / пер. Завена Баблюяна. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. – 168 с.
2. Бовуар С. де. Второй пол. В 2-х т. Т. 1 / пер. с франц. / Общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой, коммент. М. В. Аристовой. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.
3. Геодакян В. А. Роль полов в передаче и преобразовании генетической информации // Проблемы передачи информации. – 1965. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 105–112.
4. Геодакян В. А. Половой диморфизм и «отцовский эффект» // Журнал общей биологии. – 1981. – Т. 42. – № 5. – С. 657–668.
5. Субботина Н. Д. Естественные и социальные составляющие гендерных отношений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: VI Междунар. науч. конф. (Чита, 16–17 апреля 2015): сб. статей / Забайкал. гос. ун-т; под общ. ред. Н. Д. Субботиной, М. В. Приваловой. – Чита: ЗабГУ, 2015. – С. 179–179.
6. Субботина Н. Д. Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. Дис. ... доктора философских наук: 09.00.11. – Улан-Удэ, 2002. – 400 с.
7. Хитрук Е. Б. Стратегии денатурализации категорий «мужское» и «женское» в современной философии. Дис ... доктора филос. наук: 09.00.11. – 2018. – 375 с.
8. Gettler L. T. Longitudinal evidence that fatherhood decreases testosterone in human males [Электронный ресурс] / L. T. Gettler, Th. W. McDade, A. B. Feranil // PNAS. – 2011. – No. 108. September 27. – Pp. 16194–16199. Режим доступа: <https://www.doi.org/10.1073/pnas.1105403108> (дата обращения: 18.07.2018).

*Анна Сергеевна Осипова,
магистрант кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: missis.asosipova@yandex.ru*

Естественные и социальные проблемы демографии Забайкальского края

В статье рассматриваются естественные и социальные факторы, влияющие на народонаселение, в частности факторы процесса урбанизации. Анализируются понятия «народонаселение» и «демография». Автор считает, что современный человек, в условиях глобализации стремится прожить свою жизнь комфортно, уровень развития села на современном этапе не может гарантировать полного комфорта, как в естественном плане, так и в социальном.

Ключевые слова: демография, народонаселение, село, город, естественные проблемы, социальные проблемы демографии

*Anna S. Osipova,
master student, of the Philosophy Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: missis.asosipova@yandex.ru*

Natural and social problems of the demography in Transbaikal territory

The article discusses the natural and social factors affecting the population, in particular the factors of the urbanization process. The concepts of “population” and “demography” are analyzed. The author believes that a modern person, in the context of globalization, strives to live his life comfortably, the level of development of the village at the present stage cannot guarantee complete comfort, both in natural and social terms.

Keywords: demography, population, village, city, natural problems, social problems of demography

В указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» прописаны стратегические цели

и задачи на развитие государства, которые затрагивают, в том числе, социальное, экономическое и экологическое благополучие человека в России. В Указе прослеживается чёткая линия по улучшению качества жизни россиян. Данный документ свидетельствует о том, что в России сложилась ситуация, при которой есть необходимость на столь высоком уровне прописывать и обозначать «проблемные» точки предполагаемого развития. Во втором пункте данного Указа планируется разработка различных национальных проектов; одним из приоритетных направлений в Указе обозначена демография.

В демографии, говоря о населении, часто используют два понятия – собственно «население» и «народонаселение». Демографией в данном контексте можно считать народонаселение России и процессы, происходящие с данным населением (рождаемость, смертность, миграция и прочее). В статье А. А. Анохина «Региональные проблемы социального развития» понятие «демография» рассматривается как наука о закономерностях воспроизводства населения в общественно-историческом контексте [1, с. 47]. Вообще, изначально, эта наука, ещё в середине XIX века, задумывалась как статистическая, собирающая информацию о количественной составляющей населения Земли¹¹. Ввиду того, что народонаселение планеты увеличивается¹² и на сегодня составляет более семи с половиной миллиардов человек, а плотность населения в разных континентах, регионах, государствах, совершенно разная¹³, изучать процессы расселения, причины миграции, в целом различные социальные процессы, связанные с народонаселением, актуально. Исследование демографических процессов напрямую связано с народонаселением

¹¹ Анохин А. А. География населения с основами демографии. Учебник / Анохин А. А., Житин Д. В. – М: Издательство Юрайт, 2018. – 279. (Бакалавр. Академический курс). – 1-е издание. – с. 12.

¹² Countrymeters: Население Земли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://countrymeters.info/ru/World> (дата обращения 30.11.2018).

¹³ United Nations Department of Economic and Social Affairs: Population Division публикации Отдела народонаселения при Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 01.12.2018).

государств. Народонаселение или население – непрерывно возобновляющаяся в процессе воспроизводства совокупность людей, живущих на Земле в целом или в пределах какой-либо её части (стране, группе стран и т. п.)¹⁴.

Изучая состав народностей и народонаселение нашей страны, следует отметить наметившийся процесс миграции сельского населения в город, здесь нужно выделить этот процесс как процесс урбанизации – социальный процесс усиления роли городов, путём наполнения их народом, переселение с территории сельского типа проживания в городскую среду, культивирующую специфическую городскую культуру и образ жизни.

Изучая процесс урбанизации, следует обратить особое внимание на те факторы, которые подвигли человека на переезд из деревни в город. В Забайкальском крае этот процесс наиболее активно проявляется в последнее десятилетие. Учитывая историческое, географическое положение Забайкальского края, с его резко континентальным климатом, можно предполагать, что процесс урбанизации проявится здесь более отчётливо. Для того что бы выявить закономерности в расселении народа по территории Забайкальского края необходимо выявить факторы, влияющие на этот самый процесс. Мы предлагаем классификацию факторов, состоящую из двух категорий: социальные факторы и естественные.

Социальный фактор, в контексте демографии нужно понимать как социальный процесс – одно из основных понятий, которое выражает изменения, происходящие в обществе.

Под социальным процессом мы понимаем любой вид движения внутри общества. Рассматривая процесс урбанизации в России и в Забайкальском крае, в частности, мы выявили несколько социальных факторов, влияющих на процесс урбанизации.

Самым значимым фактором, на наш взгляд, являются экономические проблемы. После краха Советского Союза большая часть сельскохозяйственных организаций, такие как колхозы, совхозы постепенно пришли в упадок и обанкротились. В 2012

¹⁴ Симагин Ю.А. Территориальная организация населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uchebnik-online.com/129/1421.html> (дата обращения 28.11.2018).

году была принята Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы¹⁵. Из описания программы можно увидеть то, что на развитие сельского хозяйства планируется выделить около полутора миллиардов рублей, но в том же документе видно, что к 2020 году финансирование сельскохозяйственного сектора уменьшается. Предполагая, чем уменьшение финансирования может обернуться для жителей сельской местности, можно сделать вывод, что при недостатке финансирования, мелкие крестьянско-фермерские хозяйства, не выдерживая конкуренции, разорятся, что чревато для граждан потерей рабочего места. А трудовой ресурс не менее важен в сельской местности, так как является основополагающим в понимании благополучного образа жизни [2].

С начала 90-х годов двадцатого века забайкальские колхозы и совхозы, требующие государственной поддержки, не приспособились к постоянно меняющимся условиям рынка, сложно было перестроить систему внутреннего хозяйствования с плановой экономики на рыночную. Большие, крепкие хозяйства пришли в упадок и разорились. Трудоспособное население этих колхозов было вынуждено переqualificироваться и перебраться в город или поселки городского типа. Туда, где на тот момент была работа. Одним из примеров «вымирания» колхоза по такому принципу в Забайкалье, является колхоз «40 лет Октября», который был основан в Улётовском районе, селе Бальзой. С начала 90-х годов система хозяйствования в нём сменилась на открытое акционерное общество, а затем на общество с ограниченной ответственностью. Это привело к уменьшению численности жителей села. По данным Федеральной службы государственной статистики на

¹⁵ Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы / Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство «Юридическая литература». – 06 августа 2012, № 32, ст. 4549 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mirror2.garant.ru/webclient/navigation.dsp?PHPSESSID=o98a4uqr4d69ra4i4mvku5hn65&number=0&page=4> (дата обращения 18.12.2018).

2010 год население села Бальзой составило 505 человек¹⁶, а по данным автора В. В. Пищугина в книге «Юго-Западнее Читы» население села Бальзой в 1923 году составляло 999 человек [3, с. 336]. Убыль населения за почти сто лет составила 494 человека, а это для не большого села значимая цифра – практически, половина. В целом же, сельское население Забайкальского края за последние четыре года сократилось более чем на семнадцать тысяч человек¹⁷. Только за прошлый год оно уменьшилось более, чем на 2 тысячи (см.: таблицу).

Таблица

По данным Росстата предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2019 года и в среднем за 2018 год составила: (тысяч человек)¹⁸

	<i>На 1 января 2019 года</i>			<i>В среднем за 2018 год</i>		
	<i>Всё население</i>	<i>Городское население</i>	<i>Сельское население</i>	<i>Всё население</i>	<i>Городское население</i>	<i>Сельское население</i>
Российская Федерация	146 793,7	109 451,3	37 342,4	146 837,1	109 389,1	37 448,0
Дальневосточный федеральный округ	8 189,3	5 970,4	2 218,9	8 205,9	5 977,7	2 228,2
Забайкальский край	1066,0	729,6	336,4	1069,4	730,8	338,6

¹⁶ Федеральная служба государственной статистики. База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst76/DBInet.cgi> (дата обращения 17.04.2019).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chita.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chita/ru/news/rss/1779de80489c96e18a3f9bb3ce167dd4 (дата обращения 12.01.2019).

Труд и профессиональная занятость являются порой определяющим фактором выбора места жительства. Не менее важным фактором при определении места жительства «город – село» является комфорт бытового существования. Потребность в комфорте является естественной потребностью человека, поэтому мы относим её к естественным факторам, влияющим на демографические изменения. На 29-й сессии Статистической комиссией ООН в феврале 1997 г. был утверждён «минимальный набор» национальных данных социальной статистики, рекомендованный рабочей группой по международным статистическим программам и координации Экономического и Социального совета ООН как показатели уровня жизни.

Уполномоченная группа учёных при взаимодействии с ООН выстроила модель благополучной жизни людей, включающую 12 параметров. В соответствии с этой моделью существование людей можно считать более или менее благополучным при таких условиях: человек каждый день получает от 2500 до 4000 ккал питания; имеются три смены одежды и три пары обуви на человека; домохозяйство имеет один комплект кухонной посуды; 100 л. очищенной воды на день; жилая площадь составляет не меньше чем 6 м² на одного человека; полная грамотность населения и, по крайней мере, шестилетнее образование для детей; по одному радиоприёмнику и велосипеду на домашнее хозяйство; один телевизор на 1000 жителей; 10 врачей и 500 больничных коек на 100 тыс. жителей; средств на медикаменты не меньше чем 100 долл. в эквиваленте; трудоспособные люди имеют работу, что даёт возможность содержать всех членов домохозяйства; существует система социальной защиты для больных, инвалидов и пожилых людей¹⁹.

Исходя из представленных параметров благополучного проживания, мы можем отнести проживание не только городского, но и сельского жителя нашей страны к благополучным. Но является ли такое проживание комфортным? Здесь нужно понимать, что такое комфорт. В Словаре иностранных слов А. Н. Чуди-

¹⁹ Система показателей уровня и качества жизни населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vvsu.ru//analytic/article/10651389/sistema_pokazateley_urovnya_i (дата обращения 20.12.2018).

нова, опубликованном в 1910 году, комфорт (англ. *comfort*, др. фр. *confort*, от лат. *confortare* укреплять) определяется как «Вообще удобство и всё, что делает жизнь спокойною и приятною»²⁰. Современная энциклопедия даёт следующее толкование слову «комфорт» – это бытовые удобства: благоустроенность и уют жилищ, общественных учреждений, средств сообщения и прочее²¹. Мы видим, что современные городские условия более комфортны для существования человека. Если сравнивать условия проживания в городе и селе, то условий для комфортного проживания в городе больше. Желание современного человека находиться в более комфортных условиях существования является естественной потребностью человека.

К естественным последствиям некоторых неудачных социальных «политических» решений урбанизации мы относим фактор «гибели» сельского хозяйства в деревне. Нет посевов, нет животноводческих ферм на селе, которые были разрушены вместе с Советским Союзом. Этот вид деятельности являлся основным источником дохода для сельских жителей. Отсутствие которого, спровоцировало их переквалифицироваться на другой вид деятельности или к переезду в город.

К естественному фактору демографических изменений мы также относим умственные и физические способности людей, и здесь следует отметить, анализируя информационные потоки в СМИ и социальных медиа, то, что в город из села желают переехать для обеспечения лучшего будущего, люди, которые имеют относительно хорошее физическое здоровье.

Подводя итог, можно сказать, что современный человек в условиях глобализации стремится прожить свою жизнь комфортно, уровень развития села на современном этапе не может гарантировать полного комфорта, как в естественном плане, так и в социальном. За последние годы, а если конкретнее, то с 2010 года

²⁰ Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – 1910. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/fc/slovar-202-5.htm#zag-12890> (дата обращения 20.12.2018).

²¹ Современная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/23598> (дата обращения 10.04.2019).

по 2018 год, сельское население значительно сократилось, этот факт становится всё более заметен. Не обошёл стороной данный процесс Забайкальский край. За последний год население деревень уменьшилось. Поэтому принимать меры по поддержке села в настоящее время становится крайне актуально. И мы видим, что государство на законодательном уровне предпринимает инициативы по поддержке демографического роста населения, но будут ли эти меры для села носить действенный характер или процесс «умирания» села продолжится, покажет время.

Список литературы

1. Анохин А. А. «Региональные проблемы социального развития» / под ред. С. Б. Лаврова; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986. – 133 с.

2. Нурпеисова Ж. С. Зарубежный опыт оценки уровня жизни населения. Индекс развития человеческого потенциала. Костанайский государственный университет имени А. Байтурсынова, Республика Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=2361> (дата обращения: 18.12.2018).

3. Пищугин В. В. Юго-западнее Читы. – Чита: Полиграф-Сервис, 2003. – 367 с.

Ирина Александровна Журавлёва,
кандидат философских наук,
заведующая кафедрой государственного и муниципального
управления,
Институт социальных наук,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: zhuravleva_ia@list.ru

Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи

В статье приводятся результаты эмпирического исследования о социальных и естественных рамках образовательных и трудовых перспектив российской молодёжи. Выделяются основные перспективы развития мотивации молодежи, ценностей получения образования, навыков и умений, готовности или опасений их применять в реальной деятельности. На основе полученных результатов формируются выводы о социокультурных ценностях, определяющих жизненные перспективы молодежи в настоящем и будущем.

Ключевые слова: образование, молодёжь, «модернисты», «традиционалисты», ценности, социальные рамки, естественные потребности

Irina A. Zhuravleva,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Head of the Department of State and Public Administration
Institute of Social Sciences
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia
e-mail: zhuravleva_ia@list.ru

The social framework of the educational and employment prospects of Russian youth

The article presents the results of an empirical study on the social and natural framework of the educational and labor prospects of the Russian youth. Highlighted the main prospects for the development of youth motivation, values of education, skills and abilities, readiness or fear of their use in real activity.

On the basis of the results obtained, conclusions are drawn about sociocultural values that determine the life prospects of young people in the present and the future.

Keywords: education, youth, «modernists», «traditionalists», values, social framework, natural needs

Целью данной работы стал анализ образовательных и трудовых стратегий российской молодежи. Современный мир требует готовности поменять свои цели и задачи, быстро меняться и адаптироваться к новым течениям и требованиям времени. Особенно остро это касается образования и профессиональной реализации. Молодёжь становится острием социальных трансформаций и её стратегии и возможности в адаптации к переменам формируют новый контекст социальных и естественных рамок общественного воспроизводства.

Модернизация системы образования, её сильные и перспективные проекты, наряду с провалами и достаточно противоречивыми перспективами отражены в ряде публикаций И. А. Журавлевой [1], В. В. Тетерина [2], С. В. Малых [3; 4; 5] и др., роль образования и ценности молодёжи отражены в работах А. В. Колесникова, А. С. Степаненко и О. А. Полюшкевич [7; 8].

Исследование проходило в 2018 году, в нём приняли участие 1800 молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет, обучающихся в вузах г. Иркутска на разных специальностях.

В ходе исследования мы смогли всех респондентов разделить на «традиционалистов» и «модернистов». Традиционалисты – те, кто придерживается сложившихся траекторий и руководствуется общепринятыми ценностями. «Модернисты» – те, кто предпочитает разрушать устоявшиеся уклады и формирует новые рамки и стратегии социальной адаптации. Для них более характерна социальная ответственность, инициативность, независимость, стремление к профессиональному совершенствованию, открытость новому опыту, толерантность к окружающим и уважительное отношение к законам.

По результатам опроса, модернистские поведенческие намерения демонстрируют 34 % респондентов и 38 % – традиционалистские. У остальных наблюдается смешанный тип поведенческих паттернов (28 %).

В ходе исследования мы интересовались наиболее важными событиями, произошедшими с ними за последние годы, а также просили оценить, улучшилась или ухудшилась их жизнь за это время, удалось ли им реализовать задуманное. Помимо этого, мы интересовались образовательными и профессиональными планами молодых людей.

Основные результаты исследования. Молодые люди «модернистского направления» всё чаще рассматривают возможность нестандартных видов занятости (неполный рабочий день, неформальная занятость, фриланс, удаленная работа и т. д.). Это позволяет апробировать и воплотить в жизнь альтернативные модели успешности.

«Моя будущая работа будет точно в нежестком графике с «9 до 17», она будет по свободному графику проходить и в то время, что мне более удобно» (С. Е., 18 лет). «Меня привлекает неформальная занятость, фриланс – выполнил проект и уехал отдыхать в Таиланд» (М. А., 19 лет).

Для «традиционалистов» все ещё характерны более привычные и типичные сферы деятельности: работа по найму, социальный пакет и т. д.

«Мне важен гарантированный социальный пакет, стабильность. Я бы хотела работать в государственных органах, пусть и с небольшой, но стабильной зарплатой» (Е. В., 20 лет). «Я не хочу руководить, хочу быть хорошим специалистом, чтобы мне платили за это деньги на большом предприятии – это даст стабильность и уверенность в своем будущем, а также уважение со стороны семьи и друзей» (Л. О., 22 года).

На результаты также влияет общая социальная установка на расширение компетенций и профессиональных навыков, требующая от молодых людей получения дополнительного образования (помимо основного), подработок, стажировок и практик вне учебного процесса. При этом, традиционные и модернистские установки влияют на конкретный выбор места обучения и специальности, места работы во время обучения или её отсутствия.

Среди активных и амбициозных «модернистов» в 3 раза больше тех, кто не ограничивается одним образованием. Они либо одновременно учатся сразу в двух вузах, либо после полу-

чения степени бакалавра планируют идти в две магистратуры по разным специальностям; некоторые из них думают об аспирантуре или о зарубежных стажировках.

«Я знаю, что сегодня нужны «супер-специалисты», чтобы получать достойную зарплату и жить так как хочется. Поэтому я обучаюсь сразу по двум специальностям – на «нефтегазе» на бюджете, на «юриспруденции» на коммерческой основе. Успеваю всё. *Мне это нравится*» (М. Д., 20 лет). «Я закончила бакалавриат по специальности «государственное и муниципальное управление», получила прекрасную базу и в магистратуру осознанно пошла по двум направлениям, в два вуза: в ИГУ на специальность «юриспруденция» и в БГУ на специальность «финансы и кредит». Мне необходимо для моей карьеры быть хорошим специалистом и в праве, и в финансах» (А. Ю., 23 года). «Я уже на 1 курсе магистратуры по специальности «бизнес информатика», но уже готовлюсь к вступительным экзаменам в аспирантуру, особенно к английскому языку. Я планирую поступать на специальность «математическое моделирование экономических процессов», уже сейчас я это совмещаю с небольшой своей компанией, которая занимается продвижением интернет-бизнеса. Пока купил себе машину без кредита, к концу магистратуры планирую купить также на свои деньги квартиру, чтобы не снимать больше жилье» (Н. Н., 22 года).

Более того, около 30 % процентов модернистов имеют или своё дело, или самостоятельную занятость, которая приносит им доход, позволяющий удовлетворять свои потребности и быть относительно независимым от родителей и иных родственников. Они финансово самостоятельны и в более 50 % случаев живут отдельно от родителей в своем или арендуемом жилье. Только 10% модернистов живут в общежитиях.

«Я полагаю, что самостоятельность надо прививать как можно раньше и возможность заработать себе на квартиру, хотя бы на съемную – это показатель твоей успешности и вообще каких-то жизненных перспектив» (Р. А., 21 год). «Мне нравится комфортно жить. И при этом я не хочу зависеть от родителей. Для себя ещё на 1 курсе бакалавриата решил – что буду сам себе зарабатывать на квартиру, личные деньги. И вот уже заканчиваю

магистратуру – живу в своей квартире, имею свеженькую машину, которые я купил без родительских денег, на деньги со своего дела. Как закончу – хочу выйти на новый уровень и открыть несколько компаний в альтернативных сферах. Сегодня всё быстро меняется – нужна страховка, на случай непредсказуемых перемен. А стабильной достойной жизни мне хочется всегда» (Л. А., 23 года).

Для «модернистов» образование достаточно ценно само по себе – оно выступает вкладом в будущее, ресурсным состоянием. Оно вписывается в план их карьеры. Они как правило чётко знают, что, где и как хотят получить.

«Я горжусь тем, что в этом году заканчиваю химический факультет ИГУ, я тут учился на бакалавриате и вот уже завершаю магистратуру, параллельно завершаю магистратуру по экономике. Это классическое образование, знания, которые мне нужны и интересны. Я уже сегодня зарабатываю на сочетании своих знаний в химии и экономике, продавая успешные бизнес-идеи и реализуя сам какие-то из них на практике» (О. Л., 24 года). «Образование – это ценный инструмент, но им надо уметь пользоваться. Если не можешь применить свои знания – грош им цена. Я умею, могу и хочу. Я умею себя дорого продавать – это моя ценность. Я психолог по базовому образованию, в магистратуре я учился на специальностях “маркетинг” и “психология бизнеса”» (С. С., 24 года).

«Традиционалисты», наоборот, даже получая хорошее образование не всегда понимают? где смогут работать, как применять полученные знания и навыки. Они, как правило, обучаются только в одном вузе, не всегда уверены, что обучаются там, где хотят и чему хотят, но при этом не готовы перейти в другой вуз, на другую специальность из-за собственной неуверенности и опасения того, что они подведут родителей. Они живут либо вместе с родителями, либо в общежитии, только 10 % традиционалистов снимают квартиру и живут самостоятельно.

«Я не могу точно сказать, где смогу устроиться на работу. Я на хорошем счету в университете и рассчитываю, что меня могут позвать в аспирантуру. Это была бы хорошая перспектива остаться в вузе» (Н. Е., 23 года). «Я пошла учиться на историка,

так как мама сказала, что учителем в школе всегда смогу быть, но мне всегда интересна была психология. Но перейти на эту специальность я не решилась. Возможно, после того как закончу, через пару лет – пойду на второе высшее или в магистратуру по психологии» (А. В., 21 год). «Я живу с родителями и прислушиваюсь к их советам. Хотя если бы я решал, я бы пошёл на экономиста, но отец сказал, что юристы более перспективны. Поэтому сейчас заканчиваю бакалавриат, в магистратуру тоже пойду на юриста» (Т. Т., 20 лет).

Анализируя ответы респондентов, можно сказать, что «традиционалисты» в большей степени оторваны от реальности, они защищены родителями, рамками, идеалами, которые не всегда могут быть достаточными для того чтобы противостоять тем реалиям жизни, в которые они входят сегодня. И более чем у половины «традиционалистов» в планы не входит работа по специальности.

«Модернисты» же более гибкие, активные, целеустремленные, готовы меняться и подстраиваться под те требования, что предъявляет им жизнь, но и они от неё хотят получить по максимуму. Они хотели бы реализовать свой потенциал по основной специальности или смежной с ней сферой, найти реализацию и практическое воплощение тех знаний, что получили за годы обучения.

Для «традиционалистов» продолжение образования в аспирантуре – это способ защититься, не принимать решений, которые могут изменить их жизнь. Для «модернистов» – магистратура – это новая ступень для роста, возможности апробировать свои идеи, получить определённую известность и авторитет в своих кругах.

«Хорошая работа» в представлениях «модернистов» и «традиционалистов» также отличается. Для модернистов она – необычная, креативная, интересная, постоянно требующая принятия нестандартных решений. Среди них около 40 % тех, кто готов работать на «ответственной» или «интересной», но перспективной должности при скромном вознаграждении, если это принесёт свои плоды в будущем.

«Я могу себя попробовать в разных сферах, поэтому важен опыт и реализация чего-то такого, что раньше никто не делал. То, что даст мне возможность потом сказать – я “такой один”. *Разве это не круто?*» (М. С., 20 лет). «Некоторые должности служат стартом для будущего. Я хочу быть политиком, поэтому сейчас готов работать на скромной должности по оплате, но то что я делаю – позволяет мне познакомиться со всеми, кто сможет мне помочь выстроить свою карьеру в будущем» (Г. А., 23 года).

Для «традиционалистов», «хорошая работа» – это «не напряжная» и «хорошо оплачиваемая». Они готовы быть «не на самой престижной должности», но зато «хорошо оплачиваемой». «Да сейчас сложно с работой. Поэтому работаю, где есть возможность. Платят хорошо – и ладно. Не жалуясь» (М. М., 24 года). «Для стабильности надо получить, пусть и не большие, но стабильные деньги» (А. В., 21 год).

Среди наиболее важных событий, произошедших в их жизни за последние годы, «модернисты» нередко называли достижения в области саморазвития, что говорит о высоком инновационном потенциале этой группы молодежи. Одни акцентировали внимание на прочитанных книгах, полученных знаниях, пройденных тренингах, стажировках или практиках и освоенных навыках (изучение иностранных языков, приобретение хобби, открытие в себе новых способностей и т. п.); по словам других, узнанное настолько повлияло на их мировоззрение, что способствовало формированию иного взгляда на окружающий мир, что повлекло за собой открытие бизнеса, поступление на другую специальность и т. д.

«Для меня важным событием стало посещение тренингов Азата Валеева – я иначе посмотрел на свою жизнь, понял, что могу в ней поменять. И сделал это. Ничуть не жалею, что стал менять и меняться» (П. А., 25 лет). «Я прочитала книгу «Бедный папа. Богатый папа» – и это перевернуло мое представление о том, кто я, где я и что делаю. Я начала небольшой бизнес – мое хобби стало приносить мне стабильные, пусть и не очень большие деньги, но каждый месяц (по 40 тысяч). Я получила новый толчок и интерес к обучению, к знаниям, которые я получаю и как их могу применять в своей жизни» (В. Е., 22 года). «Я про-

шла стажировку и поняла – где и как хочу работать. Мой наставник на предприятии – показал мне реальные перспективы. И я понимаю – что всё зависит от меня. Я хочу получить, то что является результатом моего образования, навыков, связей» (С. В., 24 года).

Между тем ни один «традиционалист» не посчитал нужным рассказать о своем интеллектуальном и духовном росте за прошедшие годы. Среди этой группы, важным событием стал семейный отдых за границей (как правило, Турция или Таиланд, реже Корея).

«Важное событие – это поездка в Турцию этим летом. Солнце, море и песок – вот это красивая жизнь...» (М. Т., 21 год). «Я очень ждала поездки в Таиланд на этот новый год – столько эмоций я не получала ещё никогда в жизни» (С. Е., 23 года).

Интересно сравнить планы на будущее «модернистов» и «традиционалистов». На наш взгляд, планы первых амбициознее и имеют более чёткие очертания, однако и они недолгосрочны (в среднем – на три года). Что касается «жизненных проектов» традиционно ориентированной молодёжи, то они отличаются осторожностью, но при этом более долгосрочны – на 10–15 лет.

Модернисты: «Я планирую достигнуть финансовых результатов в своем бизнесе и сделать интересную выпускную работу в магистратуре» (П. А., 24 года). «Я планирую расширить исследования, которыми занимаюсь не один год и поехать на стажировку в Кёльнский университет, где на сегодняшний день самое лучшее оборудование в обсерватории, мне уже пришло предварительное приглашение» (О. Л., 23 года). «Я планирую поехать на годовую стажировку в Великобританию и при этом продолжать обучение в магистратуре. Это поможет мне собрать материал для моей кандидатской диссертации, а если всё сложится удачно в Кембридже, то я защищу *PhD* в Англии» (М. Ю., 25 лет).

Традиционалисты: «Я устраюсь на работу к своему отцу – это гарантии и стабильность на лет 10. А там уже и сам стану руководителем отдела» (Р. Д., 24 года). «Планирую уйти на государственную службу – там понятны мне мои перспективы, да и стажировку я уже там проходил» (Л. И., 23 года). Другой тенденцией «традиционалистов» выступает прекариат (от лат.

precarium – нестабильный, негарантированный и «пролетариат»): многие из них пытаются «компенсировать» свою профессиональную несостоятельность доходами от сдачи квартир, полученных в наследство.

«Сдавать квартиру бабушки я планирую лет 10 точно, а сам буду жить вместе с родителями. Это же гарантированные деньги!» (С. М., 22 года). «Я бы хотела разменять родительскую трёхкомнатную квартиру на две поменьше и одну из них сдавать, а во второй жить. Это позволит меньше работать и жить в удовольствии» (Е. Е., 22 года). «Я рассчитываю на социальные пособия. Стипендия для инвалидов – в разы больше обычной. Поэтому сейчас мне вполне хватает. Как закончу вуз – планирую и дальше жить на пособие» (А. Н., 25 лет). «Я хочу сдавать квартиру в Иркутске, а на эти деньги жить в Таиланде – там вполне безбедно это можно сделать» (И. И., 24 года).

Таким образом, подводя итоги, отметим, что «модернистов» от «традиционалистов» прежде всего отличают стремление к стратегическому планированию карьеры и принципиально иное – более серьёзное и уважительное – отношение к образованию, выбору профессии, содержанию выполняемой работы, получаемым навыкам, они хотят и готовы применять на практике всё то, чему они обучились. Стремятся самостоятельно чего-то добиться, быть независимыми и ответственными уже на этапе обучения в вузе.

В то же время, многие «традиционалисты» не только не намерены «делать карьеру», но и воспринимают труд как обременительную повинность; их мечта – быть свободными от каких-либо трудовых обязанностей, живя, например, на средства от сдачи доставшейся в наследство недвижимости. Образование они получают, потому что «надо» и там, где захотели родственники. Свои желания или не ставят во главу угла или их вовсе не имеют.

Для «модернистов» более приемлем так называемый калейдоскоп карьеры – трудовой стратегии, учитывающей индивидуальные особенности личности и позволяющей адаптировать профессиональный маршрут к происходящим в жизни человека переменам [9]. Они будут более адаптивны и востребованы на

рынке труда, а «традиционалисты» в силу своей ригидности далеко не всегда смогут встроиться в новые, постоянно меняющиеся реалии жизни.

Перспективы социального моделирования [6], могут сформировать новые условия для социокультурного воспроизводства для молодых людей нового типа, где «традиционалистам» станет всё труднее вписаться в новые реалии жизни, а более адаптивными будут «модернисты». Социальные рамки для молодёжи расширяются, поэтому важно понимать, как они смогут их использовать для личностного развития и успешной социализации.

Список литературы

1. Журавлева И. А. Образование в системе культуры // Studium-VIII: проблемы управления развитием социальных систем. Сборник научных трудов. – Иркутск, 2007. – С. 141–144.

2. Журавлева И. А., Тетерин В. В. Стратегия модернизации российского образования (социально-философский аспект) // Трансгрессия социокультурного пространства Материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. – 2017. – С. 35–43.

3. Малых С. В. «Справедливое образование»: современные реалии отечественных университетов // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. – 2018. – С. 1233–1234.

4. Малых С. В. Академическая мобильность как ресурс интернационализации университетов // Социология. – 2018. – № 3. – С. 222–226.

5. Малых С. В. Университетское образование и профессиональная карьера // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность: сб. науч. тр. / ФГБОУВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – С. 210–212.

6. Полюшкевич О. А., Борисова Ю. В., Батянова Л. Н., Иванов Р. В. Основы социального моделирования: учеб. пособие. – Иркутск, 2017. – 198 с.

7. Полюшкевич О. А., Колесников В. А. Роль образования в жизненном мире молодёжи // В мире научных открытий. – 2013. – № 3–1 (39). – С. 312–327.

8. Полюшкевич О. А., Степаненко А. С. Трансформация ценностей россиян: герои и обыватели // Политика и общество. – 2012. – № 9 (93). – С. 4–13.

9. Mainiero L. A., Sullivan S. E. The opt-out revolt: Why people are leaving companies to create kaleidoscope careers. – Mountain View (CA): Davies-Black, 2006. – 238 p.

УДК 316.47

Марина Владимировна Попова,
*старший преподаватель кафедры государственного
и муниципального управления,
Институт социальных наук, Иркутский
государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: marina_popova1990@list.ru*

Социальные связи сельской молодежи

В статье рассматриваются особенности формирования социальных связей сельской молодежи в современном селе. Приводятся результаты эмпирического исследования, которые показывают приоритетные потребности, мотивы и стимулы для формирования социальных связей, а также их эмоционального и социально-исторического подтверждения и подкрепления.

Ключевые слова: социальные связи, жизненные стратегии, сельская молодёжь, традиции, территориальная идентичность, солидарность

Marina V. Popova,
*Senior Lecturer of the Department of State of Public Administration
Institute of Social Sciences,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: marina_popova1990@list.ru*

Social ties of rural youth

The article discusses the features of the formation of social ties of rural youth in the modern village. The results of an empirical study that show priority

needs, motives and incentives for the formation of social connections, as well as their emotional and socio-historical confirmation and reinforcement are given.

Keywords: social ties, life strategies, rural youth, traditions, territorial identity, solidarity

Сельская молодежь обладает особым социальным контекстом формирования и развития. С одной стороны – она обладает всеми характеристиками молодежи в целом, с другой – имеет четкие пространственно-территориальные ограничения и преимущества формирования (О. А. Полюшкевич [6; 7; 8], С. В. Малых [4]). Одни исследователи указывают на особый менталитет и добродушность сельской провинциальной молодежи (И. А. Журавлева [1], Р. В. Иванов [2, 3], А. А. Пашков [5]), другие акцентируют внимание на ограниченности ресурсов и перспектив развития молодого поколений (Ш. Ф. Фарахутдинов [11]). Сама ресурсность и в то же время ограниченность сельских территорий выступает определяющим фактором в формировании социальных связей (М. В. Попова [9; 10])

Несомненным остаётся тот факт, что социальные связи сельской молодёжи являются специфическим объектом социального развития локальных территорий.

Традиционно, молодые люди опираются на родственные связи и семейный ресурс, поддержку друзей и близкого круга знакомых, для решения своих повседневных (досуг, обучение, работа) и стратегических (саморазвитие, хобби, профессиональная и социальная реализация) задач. Но сегодня появляются исследования, которые показывают существенное изменение в данных отношениях, формирование недоверия и сдержанности не просто в обществе, но и между близкими членами общества (Р. В. Иванов [3], И. А. Журавлева [1]). Уменьшение социальной поддержки, ограничение возможностей приобретения и постройки своего жилья, ограниченные возможности в области образования и работы – приводят к политике жёсткой экономии и ограничения социальных представлений о своём будущем. В условиях однобокого информационного формата о территории, перспективах роста и изменений (С. В. Малых [4]), происходит перекос внимания молодых людей в восприятии себя, своего будущего и в целом жизненных траекторий.

В своем исследовании мы постарались выявить социальные связи сельской молодёжи. *Социальная связь* – это связь между действиями людей в определённой ситуации, побуждаемая какими-то потребностями, мотивами, стимулами. Для этого постарались очертить потребности, мотивы и стимулы сельской молодежи и выявить, как они удовлетворяются через социальное взаимодействие.

Исследование проходило в 2018 году в Иркутской области. В нём приняли участие 860 молодых людей, в возрасте от 16 до 30 лет, все они проживают в сельской местности. Общие данные: 60 % женщины и 40 % мужчины; 45 % состоят в браке и 55 % не замужем и не женаты; 35 % имеют высшее, 40 % средне-специальное и 35 % имеют среднее образование, 42 % проживают в своих домах или квартирах, 58 % в домах или квартирах родителей или других родственников.

В ходе исследования мы выявили определенный круг потребностей молодых людей, который вполне вписывается в потребности абсолютно любой молодёжи: быть независимыми и успешными, активными и целеустремленными, материально обеспеченными и креативными.

А именно потребности, описанные в пирамиде А. Маслоу являются базовыми для сельской молодежи. И, если проследить, социальные связи базируются в основном на эти потребности.

Физиологические (органические) потребности (23 %): хорошая еда, крыша над головой, сон, сексуальные притязания и т. д. («Да было бы что поесть и крыша над головой – вот что важно в этой жизни, родители всегда помогут – я прежде всего с ними общаюсь») (Татьяна, 23 года), «Важно чтобы не один спал в постели, и еда на столе была, для этого и работать готов и в огороде впахивать, иначе у нас никак» (Николай, 29 лет).

На втором месте – *потребность в безопасности* (22 %): чувство безопасности, чувство защищенности. («Я чувствую себя в безопасности только тогда, когда рядом со мной мужик, чтобы был, а иначе не как у людей») (Нина, 30 лет), «Я чувствую себя защищённым только тогда, когда у меня есть свой угол, своя семья, свой огород – гарантии в стабильности» (Николай, 28 лет).

На третьем месте – *потребность в любви* (20 %): любить и быть любимым, потребность в заботе и внимании. («Я хочу любви, чтобы до смерти ... любви, чтобы все завидовали, любви чтобы ночами не спать») (Лейла, 16 лет). «Я хочу женского тепла и заботы, нежности и ласки, заботы и внимания» (Матвей, 29 лет).

На четвертом месте потребность в уважении (15 %): признание, уважение, одобрение. («Я хочу, чтобы меня уважало всё село – за слово верное и дело смелое» (Прокоп, 27 лет), «Одобрение нужно каждому. И от родителей, и от соседей, а ещё лучше от главы нашего села или района. Самым уважаемым буду тогда у нас» (Роман, 30 лет).

На пятом месте, *познавательные потребности* (12 %): знать что-либо, понимать процессы. «Я хочу быть профессионалом, агрономом с большой буквы. Надо поднять наш район, как это было в СССР» (Тарас, 30 лет). «Я знаю, как можно наладить производство в нашем селе, уже начал меры предпринимать, чтобы и мне хорошо было и односельчанам» (Сергей, 28 лет).

На шестом месте *эстетические потребности* (6 %): творческая реализация, украшение дома, улицы, села. «Я умею и люблю вышивать бисером, хочу все дома на селе украсить своими работами. И мне хорошо и людям в радость» (Мария, 24 года). «Я люблю вырезать по дереву и свой дом украсил как в сказке, ко мне и из других деревень и мои соседи обращаются, чтобы резные ворота сделал или ставни или ещё что... я думаю, если каждый будет делать то, что ему по душе, так и жить лучше будет» (Савелий, 27 лет).

На седьмом месте *самоактуализация* (2 %): я есть. «Я уже живу и это радость» (Ольга, 22 года).

Мотивами для сельской молодежи выступает – *работа* – 30 %, *здоровье* (22 %) и *отношения* (создание семьи) – 48 %. Социальные связи по поводу работы устанавливаются на рабочем месте: либо как коллеги, но они же становятся потом и дружескими или даже родственными. По поводу здоровья – с врачами или местными целителями (бабушками), которые травами и прочими народными методами лечат все хвори. По поводу отношений со сверстниками – для формирования дружеских и семейных отношений.

Интернет как инструмент установления социальных связей далеко не для всех является основным каналом (лишь 8 % имеют и поддерживают связи по Интернету и в основном это бывшие односельчане – одноклассники, кто переехал в город).

«Я общаюсь только с теми, кого знаю, а знаю я все село, так как тут родился и вырос. Родственники и друзья – это святое. Там же жену встретил, с 5 лет дружим и вот уже 10 лет как муж и жена живём» (Александр, 25 лет). «На селе всё про всех все знают. Но общаюсь я конечно с подругами и соседями, да с одноклассниками» (Елена, 18 лет).

Стимулами для сельской молодежи, позволяющей устанавливать социальные связи являются потребности и мотивы о которых было сказано выше. «Да я стал дружить с нашим главой, чтобы субсидию получить от властей на открытие семейной фермы. Субсидию получил, но ещё общаемся, мало ли где ещё поможет» (Петр, 28 лет). «Я дружбу вожу с водителем нашего главы – он человек знающий и в курсе всех веяний. Всегда дельные вещи подсказывает» (Максим, 29 лет).

Таким образом, ограниченный сектор возможностей для установления социальных связей сельской молодежи позволяет регулировать и формировать свой контент взаимодействия, обусловленный четкой схемой социальных потребностей, мотивов и стимулов. Сельская молодежь достаточно рациональна и воспринимает социальное взаимодействие как ресурс достижения определённых благ, посредством сети социальных связей, что в общем-то совпадает с общемировыми процессами социального взаимодействия. Но при этом она более подчёркнуто высвечивает важность социальных ресурсов людей, наделенных властью (формальной или номинальной), формирует уважение и почёт и это приводит к тому, что данные должности или ниши являются приоритетными для сельской молодежи, она стремится войти в группы тех, кто может на них претендовать.

Параллельно с этим, молодые люди подчёркивали важность территориальной идентичности. При том, что уехать из села хотело бы более половины респондентов (58 %) из-за ограниченности перспектив роста, но забывать свою Родину никто не намерен, поддерживать социальные связи стремятся все, даже

те, кто уже уехал. На новом месте далеко не сразу формируется новый круг и социальные связи с родным селом поддерживают уехавших, и одновременно выступают социальным лифтом для тех, кто только желает это сделать. «Я поддерживаю связи с теми, кто уехал год, два, пять и более лет из нашего села, мало ли что. Вон я в город в больницу поехала – так есть у кого остановиться» (Лилиана, 30 лет). «Я общаюсь со своими подругами, кто уехал в город – сама хочу также, но пока не получается из-за мужа – у него тут хорошая работа, а там пока неизвестно когда будет» (Анна, 27 лет).

Социальные связи сельской молодежи – это калька нашего общества, с той лишь разницей, что много лишнего, что есть в окружении городской молодежи не имеет влияния на сельскую, и потому, более выпукло подчёркивает базовые устремления при установлении социальных связей. Последние строятся на социально-историческом опыте, закреплённом традиционным образом жизни провинциального села и эмоциональными связями между членами сельских общин, которые сформировались ранее, а в современном обществе находят лишь новые формы подкрепления.

В целом, социальные связи сельской молодежи являются приоритетом в сфере изучения процессов территориальной идентичности и формирования социальной солидарности как внутри отдельного региона, так и в рамках целой страны.

Список литературы

1. Журавлева И. А. Системный подход к управлению устойчивым региональным развитием // Социальные проблемы и безопасность российских регионов Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. – 2015. – С. 28–34.
2. Иванов Р. В. Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.) // Социология. – 2018. – № 2. – С. 108–112.
3. Иванов Р. В. Толерантность молодежи - миф или реальность // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2017. – № 4 (20). – С. 32–36.

4. Малых С. В. Восприятие территории Иркутской области через новостные телекоммуникации // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях // Сборник научных материалов Всероссийской (заочной) с международным участием научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов (Хабаровск, 22–23 декабря 2017 г.) / Ред. кол.: профессор, д.т.н., Клепиков С. И. и др. – Хабаровск: Изд-во ХИИК (филиал) «СибГУТИ», 2018. – С. 643–646.

5. Пашков А. А., Фарахутдинов Ш. Ф. Актуальные проблемы современной сельской молодёжи // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 1–3 (55). – С. 149–151.

6. Полюшкевич О. А. Символическое значение территории в сознании сибиряков // Социология. – 2018. – № 2. – С. 113–117.

7. Полюшкевич О. А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. – 2017. – № 11 (107). – С. 80–94.

8. Полюшкевич О. А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2017. – № 4 (47). – С. 293–300.

9. Попова М. В. Бренд сельских территорий // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований Материалы XV Межрегиональной научной конференции молодых ученых. – М.: Институт философии и права СО РАН. – 2017. – С. 159–161.

10. Попова М. В. Бренд территории как ресурс развития (на примере Байкальского региона) // Социология. – 2018. – № 3. – С. 118–125.

11. Фарахутдинов Ш. Ф. Коммуникационное пространство сельских территорий как фактор аттрактивности экономически активной молодёжи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск. – 2018. – С. 10–17.

Ольга Владиславовна Курбачёва,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь.
e-mail: kurbach.ova@gmail.com

Особенности социокультурной адаптации мигрантов в условиях глобального вызова

В статье осуществляется анализ проблемы социокультурной адаптации мигрантов. Для более предметного исследования проблемы в рамках статьи акцентируется социально-философский аспект интерпретации понятия «миграция». Выявляются различные формы, виды и векторы формирования идентичности в рамках аккультурации мигрантов. Определяется специфика формирования образа мигранта со стороны культуры-реципиента и проблемы интеграции мигрантов в новое социокультурное пространство. Актуализируется значимость взаимного признания сторон в рамках межкультурного диалога и обосновывается принцип толерантности как важнейший принцип здоровых взаимоотношений, выделяя толерантность-терпимость и толерантность-принятие как два различных типа проявления отношения к Другому.

Ключевые слова: миграция, идентичность, этничность, аккультурация, межкультурный диалог

Olga V. Kurbacheva
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy
and Metodology of Science
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: kurbach.ova@gmail.com

Features of socio-cultural adaptation of migrants in a global challenge

The article is carried out analysis of the problem of social and cultural identity of migrants. For a case study problem in the framework of article emphasizes the social and philosophical aspect of the interpretation of the concept

of “migration”. To identify the different forms, types and vectors of identity formation within the acculturation of migrants. Determines the specificity of the formation of the image of migrants from the culture of the recipient and the problems of integration of migrants in the new socio-cultural space. Actualized the importance of mutual recognition of the parties in the framework of intercultural dialogue and settles the principles of tolerance as the most important principle of healthy relationships. There are two different types of manifestations of the relationship to the Other: tolerance-patience and tolerance-adoption.

Keywords: migration, identity, ethnicity, acculturation, intercultural dialogue

Стабильность межэтнических и межнациональных отношений сегодня во многом зависит от уровня взаимного признания и уважительного отношения к другим культурам. А миграционный процесс выступает определённым индикатором психологического климата в обществе. Сегодня в условиях нарастающей социокультурной нестабильности одним из самых острых вопросов, объединяющих собой различные проблемные поля, выступает именно миграционный вопрос. Тема миграции в рамках социально-философского анализа одновременно затрагивает такие проблемы, как перспектива социальной динамики, особенности межкультурного взаимодействия, проблема этнической идентичности и социально-психологической адаптации мигрантов, формирование релевантного образа мигранта, его признание и принятие в «чуждой» этнокультурной среде и другие вопросы. В период нарастающей политической, экономической и социокультурной неустойчивости миграционный поток в целом и различные виды интеракции мигрантов в частности в массовом сознании иногда выступают непосредственным катализатором в формировании этноцентристских представлений, стереотипов, структурной дискриминации по этническому признаку, а также ксенофобии. Для того чтобы разобраться в особенностях социокультурной адаптации мигрантов, выявить причины социальных конфликтов, перспективы социокультурной интеракции в русле расширения «миграционной экспансии» необходимо обозначить и проанализировать особенности формирования социокультурной идентичности современного мигранта.

В первую очередь следует очертить терминологические границы самого понятия «миграция». Ведь за достаточно сухим определением миграции как процесса перемещения населения, связанного с изменением места жительства, стоит множество нюансов, скрывающих причины, обстоятельства, особенности этого перемещения, хозяйственно-бытовые условия миграции, психологическую нагрузку самого мигранта и социально-психологический климат принимающей стороны. Один из важнейших, но неочевидных вопросов при миграционном процессе – это неизбежность конфликта при выборе идентичностей. Именно на данном вопросе хотелось бы заострить внимание. Ведь трансформация идентификационных маркеров мигранта оказывает непосредственное влияние на его самокатегоризацию и, соответственно, на условия интеграции в чужое для него общество и формированию обратной, ответной реакции со стороны доминирующей культуры, выражающейся в стереотипном образе мигрантов.

Однако предварительно вернёмся к терминологическому вопросу. Известно, что в рамках межгосударственной миграции в политическом глоссарии выделают такие понятия, как эмиграция и иммиграция [5]. Под иммиграцией подразумевается въезд населения одной страны в другую, под эмиграцией соответственно – выезд или переселение [5]. Однако если сконцентрироваться на социально-философском анализе понятия, то можно обнаружить, что вне зависимости от того, въезжает или выезжает человек, он осуществляет процесс переселения из одного места в другое и сталкивается с рядом вопросов социокультурного, психологического характера и необходимостью самосознания и осмысления собственных идентификационных маркеров. Поэтому в данной работе акцентируется именно социально-философский анализ проблемы миграции и соответствующий контекст интерпретации данного понятия. Ещё У. Эко в своих знаменитых «Пять эссе на тему этики» чётко разделил социокультурные понятия иммиграция и миграция: «Иммиграцией называется переезд кого-либо... из одной страны в другую. Феномены иммиграции могут быть проконтролированы политическими средствами, ограничены, поощрены, запрограммированы или приняты как данность...

С миграциями все обстоит иначе. Бурные или мирные, они всегда как стихийные бедствия: случаются, и ничего не поделаешь. В ходе некоторых миграций представители целого народа постепенно переселяются из одного ареала в другой. И не столько значения имеет, какое их число осталось на исходной территории, сколь важно, в какой мере они переменили культуру на территории прибытия...» [7, с. 134]. То есть значимым критерием дифференциации выступает сама возможность со стороны власти контролировать процесс «культурной экспансии» и при необходимости оказывать влияние на этот процесс. Однако сегодня абсолютно сместились акценты: не власть определяет миграционный процесс, а миграция достигла таких объемов, что оказывает колоссальное давление как на внешнюю, так и на внутреннюю политику «принимающей стороны». Влияние настолько велико, что государственные власти лишены выбора реагировать или не реагировать на миграционный поток, а также «принимать как данность». Это проявляется в миграционной политике, трудовой занятости, финансово-экономических отношениях, юриспруденции, в сфере жилищно-бытовых отношений – с одной стороны, и, с другой – в трансформации социокультурного облика принимающей стороны, конфессиональной структуре общества, формировании социально-психологического климата в доминантной культуре с дальнейшим признанием или неприятием мигранта и др. Поэтому сегодня мы преднамеренно будем использовать именно термин «миграция», тем самым акцентируя на неизбежном и не всегда контролируемом влиянии процесса миграции на современное социокультурное пространство.

Следует отметить, что образ мигранта – это всегда сконструированный стереотипный образ. Основанием его интеракции и зачастую признанием за «своего» или «чужого» выступают культурные, социально-психологические особенности его родной среды или, вернее, степень их отличия от принимающей. «Домашние» архетипы, ценностные ориентиры, традиции выступают определенным фоном социализации в новое пространство. Здесь действует принцип методологического универсализма: усреднённые, типологизированные особенности родной культуры автоматически приписываются мигранту. Это неизбежно при

284

встрече с мигрантом: осознанно или нет, но он расценивается как носитель другой локальной культуры, идентифицируется с определённой этнической или гражданской культурой. Здесь следует отличать аскриптивную этничность (приписываемый образ Другого по ряду объективных признаков: месту жительства, языку, происхождению и др.), зачастую имеющую своё проявление в таком концепте как «синдром навязанной этничности» и этническую идентичность как самокатегоризацию, как субъективное переживание себя в процессе конструирования образа окружающего мира и нахождения своего места в нём [3, с. 16]. Именно несовпадение аскриптивной этничности и этнической идентичности, как субъективного переживания, выступает одной из явных причин неизбежного конфликта «Я – Общество». Стереотипный образ мигранта, даже если он базируется на наиболее распространённых чертах и объективных показателях, связанных с той или иной культурой, всегда будет внешним по отношению к самому мигранту. Приписываемые ему характеристики отражают лишь часть его образа, редуцируя его личностное понимание и восприятие себя в своей культуре. Это первый важный вопрос, о котором следует говорить при исследовании социокультурных факторов адаптации и формировании идентичности мигрантов. Быть белорусом/англичанином/евреем и осознавать себя таковым – это разные *уровни* идентичности. Вместе с тем, это ни в коем случае не отрицает влияние социокультурной среды на человека: культура, бесспорно, оказывает колоссальное влияние на формирование личности и её мировосприятие. Однако акцент ставится именно на разграничении приписываемого образа (быть немцем – значит быть педантичным) и личном переживании своей принадлежности с определённой этнической общностью.

Здесь обнаруживается и второй вопрос, проблематизирующий тему выбора идентичности мигранта: можно выделить позитивную и негативную *форму* этнической идентичности. В первом случае, самокатегоризация основывается на удовлетворённости человека своим членством в этнической общности, желанием принадлежать к ней, гордость быть её частью. С другой стороны – наличие негативных социальных установок, чувства

стыда или униженности, связанные со своей культурой. Негативная форма идентичности часто является результатом обозначенного выше «синдрома навязанной этничности», в соответствии с которым этническая принадлежность человека против его воли навязывается носителю и становится значимой характеристикой его социального статуса [3, с. 16]. В рамках интеграции мигранта в другое общество и культуру эта оценка играет немаловажную роль, ведь адаптация мигрантов может проходить по разным сценариям. Дж. Берри выделяет четыре наиболее типичные стратегии аккультурации: ассимиляция, маргинализация, сепарация и интеграция [8, с. 185]. Каждая из этих стратегий находит своё подтверждение в современном мире. Главными критериями выбора являются ответы на два важнейших вопроса: в какой степени признаётся важность сохранения собственной культурной идентичности (поддержание культуры) и в какой степени необходимо включаться в иную культуру (участие в межкультурных контактах)? Если мы будем говорить о стихийной и неконтролируемой миграции, вызванной политическими, военными или экономическими обстоятельствами, носящей в большей степени характер вынужденного перемещения, то на вопрос о поддержании своей этнической или гражданской этничности будет дан положительный ответ. Наиболее остро он выражается на уровне сепарации (представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности), сегрегации (принудительное отделение группы меньшинства по этническому признаку) и маргинализации. При этом важно отметить, что выбор и установки на ответные реакции в условиях аккультурации могут варьироваться. Однако вне зависимости от того, какая стратегия будет выбрана или навязана мигранту, адаптация к новой культуре всегда сопровождается психологическим стрессом и культурным шоком. Если ранее более предпочтительной считалась такая стратегия аккультурации, как ассимиляция, в соответствии с которой мигрант полностью интегрируется в новую культуру и отрицает культуру этнического меньшинства, то сегодня, учитывая несостоятельность политики мультикультурализма, возрастание количества межэтнических конфликтов, следует говорить о транскультурном формате диа-

лога формировании идеи множественной идентификации [6, с. 130]. В условиях транскультурного диалога не отрицается культура этнического меньшинства, что могло опосредованно послужить причиной эскалации конфликта идентичности: в условиях транскulturации этническая принадлежность играет не дисфункциональную роль, а наоборот, выступает стабилизатором, способным поддержать позитивную самоидентификацию вынужденного мигранта. При этом учитывается значимость обеих сторон межкультурного диалога, в результате которого рождается абсолютно новый тип поливариантной культуры.

Важно отметить, что аккультурация сегодня может считаться успешной или, по крайней мере, возможной, если основанием для нее служит взаимное приспособление участников диалога. Акцент ставится именно на взаимопризнании участников диалога. Как доминантной группе, так и группе этнического меньшинства важно признавать друг друга как культурно-различные субъекты. Это одно из самых важнейших и первичных условий полноценных и здоровых межкультурных отношений. Взаимное признание участников предполагает не просто уважительное отношение к другим ценностям, но и непосредственно способность не доминантной группы адаптироваться к культуре большинства и наоборот: открытость и способность доминирующей группы находить в собственной культуре и социальных институтах возможность услышать и принимать ценности этнического меньшинства. Вместе с тем это требует колоссальных усилий от обоих участников аккультурации и не всегда реализуется на практике в должном виде.

Одна из распространённых миграционных практик – это конструирование собственного закрытого локального пространства внутри доминирующей культуры и нежелание выходить за пределы правил установленных данной субкультурой. Такой формат аккультурации можно обозначить как сепарацию, в соответствии с которой мигранты осознанно проводят демаркацию между принимающей стороной и собственной культурой, отрицая значимость первой и подчёркивая важность последней [8, с. 187]. Безусловно, это приводит и к латентным, и к открытым конфликтам со стороны доминирующей культуры и суб-

культуры. Эти конфликты могут выражаться в формате бытового шовинизма на уровне фобий, предрассудков, конкретной дискриминации, классового расслоения общества (мигранты занимают нишу низкооплачиваемого труда) и даже экстремизма. Степень проявления ксенофобии во многом зависит от нарастающего «комплекса социальных обид» со стороны культуры-реципиента и культуры-донора [2, с. 126]. Сегодня «комплекс обид» чаще всего проявляется в виде стереотипов массового сознания, связанных с мифами и фобиями цыган, азербайджанцев, армян и арабов, и других народов.

Какова же причина нежелания или невозможности интегрироваться в новое пространство? Зачастую мигранты рассматриваются со стороны населения культуры-реципиента как источник возможного ущерба или уязвимости в социальной и культурной сфере. С другой стороны, мигрант, переживая социокультурный и психологический шок при смене привычной среды, пытается психологически защитить себя привычными и известными ему ценностями, практиками поведения и нормами. Отсюда объясняется актуализация этнической, гражданской или конфессиональной идентичности. Теоретически данные стороны идентичности должны быть представлены в едином непротиворечивом комплексе. Однако на практике встречается ряд вопросов, среди которых наиболее важный – несовпадение *сторон* идентичностей: гражданской, этнической и конфессиональной. Если векторы идентичности не противоречат друг другу и направлены в одну сторону, то возможная перспектива непонимания и неприятия не так явно себя обнаруживает. Однако нарушение целостности идентичности, её размерности может послужить причиной эскалации конфликтов, как внутренних, так и внешних. При изменении места жительства или негативной форме идентичности гражданское или этническое самосознание может быть незначительным и выражаться в минимальной форме, мигрант компенсирует этот дисбаланс акцентированной формой конфессионального выбора. Это зачастую обусловлено выбором того, что сильнее, масштабнее и способно выступить гарантом моей идентичности. Представитель любого этнического меньшинства при негативной ассоциации с этнической идентичностью

или при недостаточной включённости в новое культурное пространство может компенсировать этническую или гражданскую изолированность посредством религии: быть мусульманином или христианином становится жизненно важным, чтобы не потерять себя в чужом мире. Когда религиозный вопрос не играет важную роль для мигранта, конфессиональная идентичность совпадает или представляет незначительную силу, не обладает авторитетом в обществе – артикулируется одна из двух других сторон: гражданская или этническая. Важно отметить, что выбор идентичности мигранта всегда погружен в определённый исторический, геополитический и культурный контекст и зачастую именно контекст определяет приоритеты. И здесь вновь актуализируется индивидуальная форма идентичности: позитивная или негативная. Но в контексте процесса транскulturации и преодоления традиционных границ государства в условиях глобализации гражданская идентичность выражена менее активно, чем этническая или конфессиональная. Актуализация этнокультурной идентичности может быть связана с протекционистскими стремлениями «защитить» свою культуру от размывания в глобализационном потоке культур, обозначить свои границы. А конфессиональный маркер идентичности, как уже было обозначено, является наиболее сильным и авторитетным инструментом, формирующим устойчивую, психологически комфортную зону самокатегоризации.

Важно отметить, что специфика взаимоотношений между принимающей стороной и мигрантом очень неоднозначна и рельефна. На этом фоне даже общепринятый термин «толерантность», фиксирующий необходимое уважительное отношение к другому, нельзя понимать и принимать в одной плоскости. Под толерантностью, буквально означающей «терпеливость, добровольное перенесение страданий» [1, с. 241] может быть прочитано и безразличие, и снисходительное согласие, и молчаливое попустительство. Поэтому особенно остро проблема толерантности звучит в условиях форсированного миграционного процесса. Выходящий за пределы возможного контроля, миграционный поток обнажает антиномичный характер толерантности. Заявленная открытость к Другому в реальной практике, когда

Другой выступает не абстрактной фигурой, а конкретным мигрантом, сменяется безразличием или пассивным дистанцированием от него. Миграционный процесс выступает определённым вызовом для толерантности: теоретические размышления о толерантном не всегда находят своё отражение в непосредственной практической реализации нравственного поведения. Однако, чтобы не было различий между сферой «сущего» и сферой «должного» важно не культивировать толерантность как некий нравственный идеал, к которому мы только должны стремиться, а формировать представления о том, что толерантность – это норма, являющаяся частью повседневной практики. Толерантность может быть понята как признание другой культуры, позиции, мнения без приписывания оценочного взгляда «хуже» или «лучше», а просто осознание возможности у Другого мыслить и чувствовать иначе. В этой связи следует отличать, *толерантность-терпимость*, предполагающее наличие внутреннего напряжения, усилие над собой, направленное на сдерживание собственных негативных проявлений по отношению к Другому. И *толерантность-принятие* – сознательное принятие различий, признание универсальных прав и свобод человека [4, с. 48]. Толерантность, безусловно, не врожденное, а приобретённое, воспитываемое чувство и способ отношения к миру и Другому. Как только мы признаем «право на различие», мы допускаем возможность иного опыта, иных ценностей, отличающихся от моих убеждений и не вписывающихся в привычные для меня стандарты понимания. А в контексте глобализационной установки на транскультурное сближение традиций, культурных ценностей толерантность может быть представлена именно как «право на различие». При сближении культур и их сосуществовании в одном жизненном пространстве важно осознать, что абсолютное понимание иных, чуждых для меня ценностей или мировоззренческих установок невозможно и не требуется. Другая культура всегда сохранит в себе определённую закрытость для меня. Это может проявляться в мифах, стереотипах, языке, традициях. При этом важно не оценивать другую культуру исходя из сугубо локальных эстетических и моральных критерий. Чужая культура не хуже и не лучше, чем собственная, она всегда

иная. Однако это не означает, что невозможен диалог между различными культурами и ценностями. Толерантность выступает именно условием межкультурного диалога, но для того, чтобы диалог был не внешним и механическим, он должен быть критическим. Критический диалог – это одновременно уважение к другой и собственной культуре, а также конструктивная критичность к собственной и чужой позиции. Именно толерантность становится основанием для критического диалога: я признаю и уважаю право на различие Другого и ожидаю обратное признание. Вступая в диалог, любой его субъект должен быть готов к изменениям. Гарантией полноценного диалога может выступить только уверенность том, что и другой субъект диалога готов и способен сделать ответный шаг навстречу изменениям. А это, в свою очередь, возможно, когда толерантность становится не только индивидуально-значимой категорией, но социально-политическим феноменом.

Таким образом, выявив и проанализировав основные особенности социокультурной идентичности и специфику адаптации мигрантов в современных условиях, можно сказать, что полиэтничность – это всегда вызов терпимости, реакции на который варьируются от индифферентности до ксенофобии. Право на самовыражение одного этноса может стать основанием для эскалации межэтнического конфликта для другого. И миграция выступает определённым катализатором для данных столкновений. Мигранты представляют собой новый элемент социальной среды, зачастую выступая носителем или производителем социокультурных рисков. Отличия в хозяйственно-бытовых, социально-экономических, культурных аспектах дополняются социально-психологическими особенностями и внутренними конфликтами при выборе идентичностей мигранта. Среди основных проблемных вопросов, связанных с формированием социокультурной идентичности мигрантов можно выделить несколько: несовпадение видов идентичностей (аскриптивной этничности и этнической идентичности как субъективного переживания мигранта), различные формы идентичности (позитивная и негативная форма), наличие различных векторов идентичностей (гражданская, этническая и конфессиональная). Выявляя парадоксы

этнической идентичности мигрантов, мы становимся на шаг ближе к формированию толерантных установок по отношению к ним.

Список литературы:

1. Бачинин В. А. Толерантность // Этика: энциклопедический словарь. – М., 2005. – С. 241.

2. Гудков Л. Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малехова, В. А. Тишкова; РАН, Ин-т этнологии и антропологии, Ин-т философии, – М., 2002. – С. 124–147.

3. Лебедева Н. М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах // Идентичность и толерантность: сб. статей / отв. ред. Н. М. Лебедева. – М., 2002. – С. 10–35.

4. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критicisme // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46–54.

5. Словарь политических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/pol/m/migratsija.html> (дата обращения: 08.03.2019).

6. Тлостанова М. В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // Вопросы социальной теории. – Т. 1. – 2011. – С. 126–149.

7. Эко У. Миграция, нетерпимость и нестерпимое // Пять эссе на тему этики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/_Esse.php (дата обращения: 08.03.2019).

8. Berry J. W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M. Acculturation attitudes in plural societies // Applied Psychology, 38. – 1999. – P. 185–206.

Научное издание

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
ЕСТЕСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО
В ОБЩЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕКЕ**

Сборник публикуется в авторской редакции
при участии издательства

Вёрстка Е. Ю. Логиновской

Подписано в печать 02.07.2019.
Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 14,1. Заказ № 19102.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30